

О ПСИХОЛОГИИ К. ЮНГА

И ПРОЗЕ
Г. ГЕССЕ

Владимир Димитриевич

В ПЛЕНУ ГЕРМЕТИЧЕСКОГО КРУГА

**О психологии Карла Юнга
и прозе Германа Гессе**

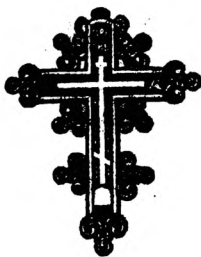
Михаил Медведев, Татьяна Калаишникова

ОБ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КАРЛА ЮНГА

**Взгляд с позиций
святоотеческого учения о спасении души**

Пермь, 2001

**Печатается по благословению
наместника Свято-Троицкого Стефанова монастыря
архимандрита Стефана (Сексяева)**

Владимир Димитриевич – сербский педагог и публицист. Закончил филологический факультет Белградского университета по специальности «классическая филология».

М.Ю.Медведев – редактор газеты «Православная Пермь»; Т.П.Калашникова – кандидат медицинских наук, преподаватель Пермской медицинской академии. Авторы брошюр и статей, посвященных современным духовным учениям: «Можно ли «диагностировать карму»? (Взгляд с позиций православной веры)», «О восточной медитации в свете православной веры и современной науки», «Альтернативная медицина: панацея от бед или «Троянский конь»?» и др.

- © Православное общество «Панагия», г. Пермь.
- © Абраменкова Вера Васильевна, предисловие.

ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИЙ

Современная цивилизация перешагнула порог III тысячелетия, и все явственнее проступает в ней жизненная философия **неоязычества** с ее поклонением различным кумирам, с ее культом тела и физического здоровья, с ее стремлением к потусторонним знаниям эзотерической премудрости. Яркими представителями и идеологами неоязычества выступили создатель аналитической психологии, швейцарский психотерапевт и культуролог Карл Густав Юнг и близкий ему по духу известный немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Герман Гессе.

Творчество этих двух видных фигур западноевропейской культуры оказалось в центре внимания сербского педагога и публициста Владимира Димитриевича и российских исследователей М. Медведева и Т. Калашниковой неслучайно. Имена К. Юнга и Г. Гессе сегодня поднимаются на щит апологетами неоязычества, использующими научный и художественный авторитет классиков XX века в целях трансляции **новой морали** движения «Нью Эйдж», убийственную, но справедливую характеристику которому дает в своем очерке В. Димитриевич.

Имена К. Юнга и Г. Гессе хорошо известны и российским интеллектуалам. Огромные по нашим временам тиражи книг Юнга – свидетельство повышенного интереса к его исследованиям, к его личности и мировоззрению, отвечающему потребностям современного секуляризированного (обмирщенного) сознания. Думающая молодежь, которая ищет свою собственную жизненную философию, в наши дни с упоением читает и перечитывает Г. Гессе, в частности, его «**Степного волка**» – «преlestную» проповедь крайнего индивидуализма и мистического оккультизма, замешенных на восточных религиях. Для элитных столичных лицеев и колледжей Гессе – одна из основных идеологических фигур; книги его включены в список произведений, рекомендуемых для чтения по литературе.

Сходство воззрений Юнга и Гессе обусловлено еще и тем, что оба этих автора исповедовали философию **герметизма**. Возникнув еще в эпоху эллинизма, это религиозно-философское течение пережило свой ренессанс в 20-30 годах XX века: сначала в итальянской поэзии – в преувеличенном ирреальном символизме и погружении в бездонные глубины субъективного мира человека, а затем и

в философских воззрениях современников. Герметизм, этот милый сердцу современного антихристианства «философский плюрализм», вобравший в себя эллинскую философию и мировоззрение индуизма с его «33 миллионами богов», халдейскую астрологию, персидскую магию и египетскую алхимию, круто замешен на оккультном символизме и крайнем индивидуализме.

В очерке Владимира Димитриевича читатель, возможно, не найдет скрупулезного анализа философских воззрений герметизма, зато обнаружит свежий взгляд на сам феномен возрождения интереса к ним на рубеже двух тысячелетий. Автор рассматривает проблему пагубности философии герметизма как одной из идеологических основ современного неоязычества в лице его едва ли не самых ярких представителей – К.Юнга и Г.Гессе – сквозь призму православного учения в духе и истине. В работе М.Медведева и Т.Калашниковой подробно рассмотрены концептуальные основы и методы реализации аналитической психологии К.Г.Юнга, убедительно показан ее последовательный антихристианский характер.

Приведем краткий комментарий творчества и мировоззрения этих «властителей дум» современности.

Карл Густав Юнг (1875–1961) – известный швейцарский психолог и психотерапевт, создатель школы аналитической психологии – одного из направлений так называемой «глубинной психологии», ставившей в центр поведения человека его иррациональные бессознательные побуждения, установки и мотивы. Предложил собственную типологию характеров, основанную на критерии направленности субъекта на внешний (экстраверсия) и на внутренний (интраверсия) мир. Выдвинув ряд методических идей, оказал влияние на развитие направлений экспериментальной психологии и психотерапии. Его словесно-ассоциативный тест дал толчок развитию ряда методических воплощений в психиатрии, психологии, юридической, медицинской и других практиках. Основное содержание психической жизни человека Юнг видел в процессе индивидуации – стремлении личности к полному воплощению своих возможностей. Он считал, что его аналитическая психология должна быть понята как духовное учение – «путь освобождения людей».

Герман Гессе (1877–1962) вполне воспринял дух этой новой религии своего духовного учителя и врача. Главный герой ранних произведений Гессе – «естественный человек», отрицающий единобожие во всех формах и ведущий неравную борьбу с современным буржуазным обществом. Личная жизненная трагедия и душевная болезнь привели Гессе в клинику Юнга, и эта встреча определила направление его дальнейшего творчества как призыв моло-

дежи послевоенного «потерянного поколения» к перестройке общества в свете неоязыческих духовных начал. Гессе в своем главном интеллектуально-философском романе «Игра в бисер» (за который он в 1946 году получил Нобелевскую премию) реализует проект «нового человека в новом обществе» – по сути, своеобразной алхимической реторте, описанной Юнгом:

Одним из центральных понятий, разрабатываемых Юнгом, является **архетип**, хотя нельзя признать за швейцарским психологом безусловное авторство этого понятия, поскольку попытки введения термина, предложенного еще Платоном, и наполнения его содержанием предпринимались выдающимися мыслителями прошлого – такими, как Г.Лейбниц, Б.Спиноза, Э.Дюркгейм и др.¹

Архетип – бессознательная структура, формирующая представления; она является содержанием коллективного бессознательного как врожденных психических структур, лежащих в основе общечеловеческой символики, сновидений, мифов, верований. Набор архетипов ограничен и передается на генетическом уровне, задавая общую структуру личности, ее творческую активность. Архетип, согласно Юнгу, дается при рождении (кем? – на этот вопрос Юнг не ответил), он безотносителен к понятиям добра и зла, но есть лишь возможность того и другого. В то же время, по Юнгу, архетипы – темные образы, выступающие, например, в сновидениях; они воспринимаются как нечто жуткое и чуждое, но неизмеримо превосходящее человека, священное. В отличие от Фрейда, «неспособного понять религиозные переживания», Юнг, по его словам, позитивно относится ко всем религиям. Однако вере у него противопоставит **знание**: «Современное сознание, – пишет он, – с отвращением отвергает веру, а поэтому и основанные на ней религии. Оно признает их лишь в той степени, в какой их познавательное содержание внешне совпадает с известными феноменами заднего плана души. Оно хочет **знать**, т.е. иметь первоопыт»² (выделено К.Юнгом. – В.А.). Юнг видит движущие силы человека в опыте предшествующих поколений культуры – в коллективном бессознательном, запечатленном в архетипах, как бы не замечая, что древний архетип зла способен разбудить чудовищ не только внутри человека, но и вне его.

Уже после Юнга понятие архетипа получило свое дальнейшее развитие в культурологии, этнографии, искусствоведении и дру-

---

¹ В русской философской мысли понятием «архетип» независимо от Юнга оперировал о. Павел Флоренский в своей книге «Столп и утверждение истины», определяя архетип как «схему человеческого духа», способную воссоздавать душевные движения.

² Юнг К.Г.: Проблемы души нашего времени. М., 1994. С.304.

гих науках. Культурные архетипы – базисные единицы, формирующие константные модели духовной жизни человека или целого народа. В русской традиции, к примеру, можно говорить об этнокультурном архетипе потаенной святости, выступающей в образах, например, незримого града Китежа или Софии Премудрости Божией, воплощенной в фольклорных персонажах, таких, как Василиса Премудрая, и т.п.¹ Архетип социогенетическая инварианта может выступать и в графической форме – визуальных образах, графических социотипах и стереотипах, получивших свое воплощение в изобразительном творчестве, детском рисунке².

Концепция коллективного бессознательного посредством анализа мифов, сновидений, фантазий распространяется Юнгом на все более широкий круг явлений и постепенно приобретает черты религиозно-философского учения, замешенного на оккультизме, магии, алхимии, астрологии. Юнг знает, как жить, куда идти и что делать каждому человеку; это он и реализует в своей психотерапевтической практике. Его пациентами и собеседниками были знаменитые физики А.Эйнштейн и Н.Бор, философ и историк А.Тойнби, писатели А.Моравиа, Дж.Джойс, Г.Гессе и многие другие, испытывавшие на себе завораживающее демоническое обаяние мэтра. Собственную аналитическую психологию Юнг называл то западной йогой, то алхимией XX века, прямо высказывая враждебность к христианской Истине как к «идее отпавшей и преодоленной» («Проблемы души...», с. 294).

Сегодня, когда Запад переживает резкий отход от христианства, его поиск защитных символов, смыслов и ритуалов в религиях Востока, неорганичных для европейского сознания, способен породить духовную катастрофу. Заимствуя тщательно разработанные системы идей, многочисленные практики медитации и другие духовные техники, отпавшее от христианства сознание лишь усугубляет свои противоречия. Восточные учения в западном варианте либо приобретают черты примитивных религиозных движений, либо становятся психотехниками, способствующими проникновению в сознание темной духовности. Все это невыносимо для утратившей благодатный покров ничем не защищенной человеческой души; как следствие, происходит потеря смысла жизни, рост психических заболеваний, самоубийств.

Что или, точнее, кто стоит в эпицентре учения Юнга? Образ Совершенного Человека и Совершенного Бога – Иисуса Христа – Юнгом был отмечен сразу и бесповоротно. Бессмертную Лич-

---

¹ См.: Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1,2. М., 1995.

² См. об этом: Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.- Воронеж, 2000.

ность живого Бога он ставит в один ряд с «богами» современного секуляризированного (обмирщенного) сознания – Конфуцием, Сократом, Буддой, не смущаясь тем, что никто из них не принес себя в искупительную жертву ради людей. Над всеми же и всем, по мнению Юнга (и Гессе), стоит тот, кто управляет Вселенной, – падавший ангел, вечный богоборец сатана Люцифер.

«Глубинная психология» Юнга и Гессе (а также Фрейд, Адлера и др.) обернулась для человека утратой Неба, духовной вертикали с вектором, направленным вверх; глубинная психология с вектором вовнутрь в конечном счете привела К.Юнга к открытой проповеди зла: «Мы чуть ли не с облегчением вздыхаем, обнаружив зло на дне своей души» («Проблемы души...», с.302). «Бездуховная психология» Фрейда, о котором с нескрываемым раздражением впоследствии писал Юнг, выставила на яркий свет грязь и зло мрачного «заднего плана души», скрытые там отбросы и мусор, что неожиданно привело к противоестественному любованию этой грязью. Подобные обвинения Фрейд его учеником Юнгом лишь на первый взгляд кажутся благом для всякого, кто ищет духовное содержание в психологии. Отрицая пансексуализм и бездуховность Фрейда (весьма справедливо и обоснованно), Юнг предлагает вместо них – **демоническую духовность** спиритизма, астрологии, теософии, парапсихологии, алхимии.

Альтернативу **глубинной психологии** В. Димитриевич находит у В.Франкла – это **психология вершинная**¹.

Виктор Франкл (1905–1997) – австрийский психолог и психотерапевт, основатель логотерапии, согласно которой движущей силой поведения человека является стремление найти и реализовать своими поступками **смысл жизни** – универсальные ценности бытия. Высшим смыслом является духовный, находящийся вне человека и определяемый им как истинный или ложный посредством совести. Свобода воли человека неразрывно связана с его ответственностью за реализацию смысла жизни, с ответственностью, необходимой даже в самых трагических ситуациях.

Созданная Франклом теория логотерапии и экзистенциального анализа представляет собой систему философских, психологических и медицинских воззрений на саму сущность человека, на механизмы развития личности в норме и патологии, а также способы коррекции аномалий развития, которые он успешно осуществлял, помогая людям обрести смысл своего существования².

---

¹ Тезис о вершинной психологии в противоположность глубинной был выдвинут в первой трети XX века выдающимся советским психологом Л.С. Выготским.

² См.: Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М., 1990.

Вершинная психология Виктора Франкла, по сути, является оппозицией глубинной психологии всего неопрейдизма и юнгианства. Вектор духовной вертикали Франкла обращен вверх, к вершинам личностного развития (ценностям творчества, любви к другим людям и т.п.), а не внутрь человека, к его темному бессознательному. Это неслучайно. В. Франкл, для которого десять библейских заповедей не являлись пустым звуком, для того чтобы исполнить одну из них («Чти отца своего и мать свою»), отказался от эмиграции в США, остался со своими родителями в оккупированной Вене и тем самым сознательно осуществил нравственный выбор, обрекая себя на нечеловеческие страдания в фашистском концлагере. Опыт этих страшных лет позволил Франклу не только самому обрести смысл жизни, но и указать людям пути его реализации: «Когда мы подавляем в себе ангела, он превращается в дьявола». Он подчеркивал, что борьба за добро в человеке трудна, но она необходима и для самого человека, и для мира. (Заметим, однако, что нам точно не известна история духовной эволюции выдающегося ученого В. Франкла, т.е. привела ли его «духовная вертикаль» к спасительной встрече с Господом Иисусом Христом).

Предложенные вниманию читателя исследования не претендуют на полный и систематический анализ творчества и мировоззрений К. Юнга и Г. Гессе и их влияния на развитие науки, но сам факт их появления свидетельствует о том, что настала пора еще раз поставить вопрос об этических основаниях науки, в частности, психологии и психотерапии, влияния их духовной сущности на формирование сознания современного человека.

Опрос, проведенный несколько лет назад среди известных ученых всего мира о судьбах науки будущего, показал, что большинство знаменитостей считают, что в XXI веке в центре внимания окажутся науки о человеке, и прежде всего психология. Уже сейчас ясно, что прогноз сбывается и интерес к внутренней жизни человека, к субъективным переживаниям его души нарастает¹.

Эти обстоятельства возлагают особую ответственность на психологию как науку и практику воздействия на сознание чело-

---

¹ За последние 10 лет количество психологов в России увеличилось в несколько десятков раз; кроме того, существует неучтенное количество недипломированных психологов «от себя». В августе 1999 г. в Госдуме на собрании оргкомитета Всероссийского съезда по паранормальным явлениям говорилось о том, что в стране действуют более полумиллиона экстрасенсов и колдунов, которые в месяц «обрабатывают» до 50 млн. человек – взрослых и детей. Вера в способности «целителей» у народа велика, и основана она на возрожденном язычестве. Эта оккультная демоническая сила представляет огромную опасность и для личности, и для государства.

века, а также на психологов, вольно или невольно осуществляющих это воздействие. Готова ли психология взять на себя бремя тягот человеческих страданий, ответов на вопросы о сущности бытия и тайных движениях души? И способна ли она понести этот груз? Как оставаться профессионалом, как не нанести вреда своей душе изучением научных трудов с явным знаком «демонической духовности» или погружением в психологизированную «прелесть» литературы? Как правильно осмыслить слова Священного Писания: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16, 26)?

Современник Фрейда, Юнга и Гессе великий православный подвижник и святой XX века прп. Силуан Афонский имел твердое убеждение, что человек, живущий духовно, обратившись к науке, проявит большие способности в ней, чем неверующий ученый, поскольку «живет в плане более высоком и большего достоинства, чем тот, которому принадлежит научная жизнь, сфера логического мышления»¹.

Для кого-то такая позиция – точка зрения, которую можно принять наряду с другими, проявляя толерантность (т.е. терпение, или нечувствительность) и в вопросах веры, и в научных взглядах. Так нас учит наше вариативное образование. Однако толерантность, допустимая в науке, недопустима в вопросах Истины, поскольку, как заметил Владимир Соловьев, «истина нонтолерантна». Никогда компромисс в вопросах Истины не приносил доброго плода.

Можно сказать, что в последние годы психология в России вновь пытается обрести утраченную когда-то душу, и об этом свидетельствуют работы Б.С.Братуся, Ф.Е.Василиюка и др.²

Как справедливо отмечает Б.Братусь, «по-гречески «грех» (амортано) – промах, непопадание, минование цели. В широком (предельном) понимании действие, не направленное, не устремленное ко Христу, оборачивается в результате (часто, конечно, весьма отдаленном, не сразу усматриваемом) промахом, минованием смысла, замысла и удовлетворением ложными, преходящими, пустыми целями. И наука со всем корпусом добытых ею сведений, громкими достижениями, успешными методами и приемами может тоже окантаться промахом, минованием, устремлением к ложной цели» (Братусь Б.С. Образ человека... С. 86).

У психологии, а значит, и у психологов, безусловно, существу-

---

¹ Старец Силуан. Жизнь и поучения. М.- Минск, 1991. С. 65.

² См.: Начала христианской психологии /Под ред. Б.С.Братуся. М., 1995; Братусь Б.С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии //Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997.

от эта опасность «устремления к ложным целям», за что приходится расплачиваться потерей жизненных ориентиров, страданиями как отдельных личностей, так и больших социальных групп. Например, детских.

Разве все мы не ответственны за беспрецедентную «работу адвоку» по растлению наших мальчиков и девочек дипломированными психологами от «планирования семьи», валеологии, сатанинской «духовной психологии»? Разве не с нашего молчаливого согласия страну наводнили чудовищные игры и игрушки, несущие детям отрицание ценностей любви, доброты, сорадования, сострадания ближним, а значит, агрессию, неврозы, преступность, суициды¹? Не с нашего ли ведома руководитель московской сатанинской секты «Юниверс» Иван Гавриленко (требующий обращения к себе как к «его превосходительству Жану Гавэру») вел на телеканале передачу «Спокойной ночи, малыши»?!

Психология зачастую «творит недолжное», обслуживая интересы тоталитарных сект, финансовых олигархов, беспринципных политиков, за которыми стоит князь мира сего. А он всегда действует через «инженеров человеческих душ» – писателей, психологов, психотерапевтов. Они, словно чувствительные антенны, настроенные на улавливание тонких душевных движений, мыслей, переживаний, транслируют его волю, сея разрушения в умах и душах.

Человек, условием успешной профессиональной деятельности которого является ориентация во внутреннем мире другого человека – взрослого и маленького, – будь то учитель, психолог, социальный работник, педагог, не может не задать себе вопрос: каков личностный смысл, конечная цель моей деятельности, кто является тем идеальным образом, который стоит за словом «образование»? Хотим мы того или не хотим, деятельность каждого из нас определяется именно этим критерием. Что это за фигура, модель, образ? Если это языческие кумиры тщеславия, обогащения, эгоизма, мы неминуемо скатываемся в патологическое развитие, в смерть души. Если же в центре нашей жизни и деятельности стоит Христос, мы способны обрести благоприятные условия для развития собственной личности, помочь другим найти пути к спасению и любви.

Христианство требует духовных усилий («Царствие Божие усилиями приобретается») – демоны же неоязычества являются сами. Выбор за человеком. В православном понимании духовная работа состоит в том, чтобы вовлекаться в добрые дела, активно утверждать в себе способность различать недоброе, бесполезное

---

¹ См.: Абраменкова В.В.: Сорадование и сострадание в детской картине мира. М., 1999; Игры и игрушки наших детей: забава или пагуба? М., 1999.

для своего духовного развития и добровольно уклоняться от этого, поскольку, по слову апостола Павла, «все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1Кор. 6, 12).

Возможность овладения профессиональными знаниями без ущерба душе от пользования их плодами открывает величайший мудрец, святой XIV века Григорий Палама. Он учит, что не прославившие Бога наука и философия подобны яду, извлекаемому из змеиных тел: людям, способным к тонкому различению добра и зла, при искусном употреблении эти знания могут принести пользу. В чем же заключается искусство приготовления «полезного снадобья»? В том, что в знании «внешней мудрости» надо «сначала убить змия», т.е. уничтожить приходящую от него надменность («философское высокомерие не сродни смирению»). Затем «надо отсечь и отбросить как безусловное и крайнее зло главу и хвост змия», т.е. явно ложное мнение об уме, Боге и первоначалах, превратные представления о творении. В завершение, при помощи испытующей и созерцательной способности души, отделить в рассуждениях о природе истинные представления от ложных. Но даже при таком использовании знание «внешней мудрости», не принося вреда, не становится Божиим и духовным даром ¹.

Осуществив подобную духовную работу, можно вплотную приблизиться к гармоничному сочетанию веры и знания, православия и науки, тем более что блестящие примеры такого сочетания подают лучшие представители отечественной научной школы. Проблемы человеческого духа, воспитания личности, картины мира человека и народа поставлены и осмыслены в русской религиозно-философской традиции в работах целой плеяды замечательных философов, психологов и богословов – В.Зеньковского, В.Несмелова, К.Леонтьева, С.Франка и других, соединивших профессионализм с высокой православной духовностью. Кто из нас хорошо знаком с именами этих ученых, глубокое наследие которых способно обогатить ум и облагодетельствовать душу? Оно еще ждет нашего освоения и в контексте развития психологии, и в контексте решения духовных проблем современного человека.

Хочется надеяться, что сам факт появления книги, содержащей очерк сербского публициста и педагога В. Димитриевича и исследования российских авторов М.Медведева и Т.Калашниковой, станет приметой начала сопротивления нарастающему натиску «демонической духовности» и необходимости переосмысления и, может быть, реинтерпретации классического научного наследия в свете христианства.

---

¹ Свт. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. М.: Канон, 1996. С.32–33.

Пolemический зазор очерка и глубокая аргументация исследований делают предлагаемый читателю труд чрезвычайно полезным для переоценки и переосмысления собственной позиции каждым ученым и практиком: где я? с кем я? какие ценности я исповедую, чтобы жить не по лжи? Поскольку:

*Единожды солгав, приходится лукавить.
И, истину предав, приходится молчать.
Пишите в чистовик, набело, чтоб не править, —
Нет средства, чтобы смыть лукавую печать.
Единожды прозрев, от трудностей не прячьтесь.
От истины уйдя, увязнете во лжи.
Пишите в чистовик, набело, чтоб не править,
Чтоб не мешать другим, как сорняки во ржи ¹.*

Психологам, мыслящим себя в православной традиции, и тем, кто в силу многих причин еще не обрел Того, Кто есть «путь, истина и жизнь», адресована эта небольшая книга.

Вера Абраменкова,
доктор психологических наук,
ведущий научный сотрудник
Психологического института
Российской Академии образования

---

¹ Потехина Е. У меня есть душа, голубая от слез... //Свет православия. 1993. Вып. 42. С. 25.

Владимир Димитриевич

В ПЛЕНУ ГЕРМЕТИЧЕСКОГО КРУГА

**О психологии Карла Юнга
и прозе Германа Гессе**

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Выход в России труда сербского публициста Владимира Димитриевича «В плену герметического круга» имеет интересную предысторию.

В 1995 г. настоятель храма св. блгв. Князя Александра Невского в Копенгагене иеромонах Алексей (Бирон) подарил нам эту книгу на сербском языке с настоятельной просьбой ознакомить с ее содержанием русского читателя.

В 1998 г. книга была переведена, и потребовалось разрешение автора на ее значительную доработку. Но как найти в далекой Сербии Владимира Димитриевича?

Летом этого же года в Свято-Тихоновском богословском институте представитель редакции «случайно» познакомился с молодым сербом, бывшим в Москве проездом. На, казалось бы, совершенно неожиданный для ситуации вопрос, не знает ли он сербского православного публициста В. Димитриевича, новый знакомый, рассмеявшись, ответил: «Я очень хорошо знаю Владимира Димитриевича, потому что это – я». Тогда и было получено разрешение автора на изменение структуры и дополнение труда. Вскоре из Сербии пришло письмо с предисловием к русскому изданию.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Уважаемый русский читатель!

Перед тобой книга, написанная в 1994 году. Если бы я писал ее сегодня, то она во многом была бы другой. Тем не менее основная точка зрения автора – прежняя: православное христианство обладает достаточной силой Божией, чтобы противостоять вызову так называемой «новой духовности» – духовности Новой Эры («Нью Эйдж») – как в богословии, так и в других областях, например в психологии.

Автор книги счастлив тем, что она выходит именно в России – стране предивных православных подвижников и возвышенного христианского богословия. В то же время автор несколько смущен: книга о Юнге и Гессе слишком слаба в сравнении с творениями русских богословов и мыслителей. Но читатель своею любовью может скрасить недостатки писателя.

В заключение прошу читателя молиться Богу за автора и простить ему все ошибки и упущения.

*Сердечно во Христе,
Владимир Димитриевич*

20 июня (3 июля) 1998 г.

День святого Мефодия Патарского и святого Наума Охридского

Познайте истину, и истина сделает вас свободными.

Евангелие от Иоанна, глава 8, стих 32

Введение

Поводом для этого очерка послужила книга чилийского дипломата и оккультного писателя Мегуэла Серано «Юнг и Гессе: герметический круг» (Белград: Синий всадник, 1993. Библиотека «Аквариус»). В ней описываются встречи Серано с немецким прозаиком Германом Гессе и швейцарским психиатром Карлом Густавом Юнгом, которых знает весь интеллектуальный Запад. Первого из них автор послесловия доктор Владета Еротич называет «мудрецом дао», а второго – «Агасфером и распятым Христом».

Все самые значительные произведения этих мыслителей были изданы и нашли своих многочисленных почитателей и у нас в стране. Наше же внимание к их работам, привлеченное книгой Серано, продиктовано не столько желанием проанализировать их взгляды и творчество, сколько попыткой с православной точки зрения разобраться в самом феномене их популярности в сегодняшнем мире, падком на сотворение кумиров.

Не будем утверждать, что мы рассмотрели все аспекты проблемы, о которой говорим, а тем более – что мы ее решили. Основной угол зрения на проблему – догматический, поскольку мы считаем, что всякий мыслитель имеет «свою догматику» (из нее вытекает этика), которая должна быть освещена факелом богооткровенной догматики Православной Церкви, ее учением и славословием, неотделимыми друг от друга.

Так что же нам сообщают из своего «герметического круга» Гессе и Юнг? Что нам об этом говорит православное Предание? Посмотрим.

Кумиры: Гермес, Филемон, Василид, Абракас

Стремление человеческого разума заменить собой Христа и данное им Божией Церковью Откровение не ограничивается рамками прошлого или нынешнего века. Возрождение языческих мифов началось еще в эпоху Ренессанса, но в XIX и XX вв. оно достигло своей вершины.

Сознание западного общества сместилось от Бога к земным интересам; развивается пантеизм, появляются первые утопии о земном рае, звучат громкие гимны достоинству человека.

Отвергнув Господа Иисуса Христа, европейская культура открывает двери идолам языческой древности. Определенная часть выдающихся мыслителей в своих художественных и философских произведениях находит защитников в мире античной мифологии. Романтизм, а с ним и марксизм – «чадо Прометеево», взбунтовавшееся против всемогущей буржуазии и судьбы. Гельдерлин пытается доказать, что Христос – брат Диониса, а непримиримый Ницше объявляет битву до смерти или до победы: «Дионис против распятого». Зигмунд Фрейд оживляет миф об Эдипе, который, по незнанию, делит брачную постель со своей матерью Иокастой; но Фрейд расставляет другие акценты: ненависть к отцу, желание через кровосмешение вернуться в утробу матери. Альберт Камю, который горит желанием разрешить проблему равнодушия мира к человеческому страданию, выбирает символом, знаменем своей философии Сизифа, а еще более – его невыполнимое задание.

Придерживается идеи возрождения неоязычества и один из крупнейших интеллектуалов XX в. Карл Густав Юнг. Психолог, философ, толкователь религии, он выбрал в качестве символа Гермеса¹, божество, которое в сознании античного человека было проводником душ в царство мертвых. Как психолог, Юнг был помощником многих душевнобольных и умственно отсталых; как чело-

---

¹ Гермес – бог торговли, традиционный с античных времен персонаж (неоплатонизм, гностицизм, алхимическая традиция, собственно герметизм и т.д.) Как и большинство мифологических персонажей, он крайне противоречив и имеет двойственную природу: он не только проводник душ и вестник богов, но и покровитель торговли и воров. Одетый в крылатые сандалии и шлем, он лукав и находчив, поэтому его последователь легко может оказаться обманутым. У него есть потомок – Гермафродит (Гермес + Афродита, богиня страсти и любви). Личность Гермафродита очень интересна; мы с увереннос-

век, он часто мысленно спускался в свой Ад (принимал участие в оккультных практиках, что и описывает в своих воспоминаниях), подвергаясь во время своих путешествий воздействию голосов сирен и иллюзиям.

Выбор Юнгом Гермеса в качестве символа своей философии не случаен, он обусловлен как личными, субъективными, так и объективными факторами, связанными с духовной атмосферой, царившей в его семье и обществе в целом. Карл Густав Юнг происходит из знатной швейцарской семьи протестантов. Его отец был пастором, нетвердым в своей вере, дед – масоном, а бабушка (по матери), Августа Прайсверк, общалась с духами. Мать Юнга, Эмилия, тоже была медиумом, а сам он с детства искал учителя на «пути индивидуации», был охвачен темными и странными потусторонними видениями, которых не понимал. Чтобы не оскорбить благочестивых чувств верующих, не станем приводить те совершенно омерзительные видения, которые активно обсуждает с читателями в своих воспоминаниях Карл Юнг. Это явное подтверждение слов святителя Григория Паламы о том, что безбожный ум становится либо демоноподобным, либо скотоподобным.

Начало XX в. вообще было временем «очередного» возрождения магии (общество «Золотая Заря», Рудольф Штайнер и антропософия), а поток автоматических текстов, которые якобы пишет «кто-то другой», приобретает форму «Книги закона» Алистера Кроули. В этом кратком сочинении «космический разум» Аивас через Кроули объявляет Новую Эпоху («Нью Эйдж»), эпоху Телема, высвобождения человеческого произвола, абсолютной отдачи инстинктам, и провозглашает девиз: «Делай что хочешь, и пусть это будет твоим единственным законом».

Сравним идеи, «продиктованные» сатанисту Кроули, с идеями, «родившимися» в этот же период в уме выдающегося ученого Карла Юнга: «Остаются вечные проблемы: как преодолеть страх или избавиться можем сказать, что его присутствие у Платона (в произведении «Пир») и теория о первоначальном единстве человеческого бытия наряду с идеями Фрейда о бисексуальности человека оказали огромное влияние на Юнга и его идею о совпадении противоречий (*coniunctio oppositorum*). Одно из воплощений Гермеса – Гермес Трисмегистос (трижды великий), мифический первоалхимик, синтез египетского бога Тота и греческого божества. Существовала легенда о том, что Трисмегистос написал тысячи произведений, одно из которых – знаменитая «*Tabula Smaragdina*» («Изумрудная Скрижаль») – оказывало влияние на алхимиков и магов последующих веков.

виться от совести, долга, принуждения и подсознательных желаний. И если мы не в состоянии решить эти проблемы, опираясь на нечто светлое и идеальное, то, может быть, следует обратиться к силам темным, биологическим» (Юнг Карл Густав. Воспоминания, сновидения, размышления. М., 1998. С.191). Характерная для Юнга трогательная забота о животной природе человека – это проявление страха натуралистического психизма, жизненный корень которого заключается именно в сексуальности, возведенной на ступень ритуала.

Двадцать лет спустя сюрреалисты осуществили «мистику в ди-ком состоянии», отказавшись от своей воли, участвуя в пляске необузданных душевных и словесных проявлений. Известный ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс, бывший член общества «Золотая Заря», через свою супругу получает послания духов, которые «сообщают ему готовые метафоры для стихотворений», о чем он упоминает в предисловии к своему произведению «Видение». Освобождение, «отвержение ограничений», раскрепощение человеческой воли, относительность любви и остальных ценностей личной и общественной жизни – вот особенность содержания этих посланий, полученных медиумами.

Тем, кто «помазал» Юнга на «царство» в психоаналитике, был Зигмунд Фрейд, которому ничуть не нравилось увлечение Юнга оккультизмом, телепатией, сверхъестественным. Юнг, между тем, упорно шел в этом направлении, подталкиваемый сильной внутренней потребностью и еще более сильным внешним воздействием: алхимия, магия, герметизм, гностика, каббализм, Восток – все эти тайные, недоступные знания очень его привлекали. «Во мне сидел некий демон, и в конечном счете это определило всё. Он пересилил меня, и если иногда я бывал безжалостен, то лишь потому, что находился в его власти. Я никогда не мог остановиться на достигнутом. Я должен был спешить вперед, чтобы поспеть за моими видениями» (С. 432– 433).

Этому предшествовало одно событие в духовной жизни Юнга – явление ему во сне некоего Филемона, что, в православном понимании, было, несомненно, демоническим обольщением.

Ведомый демоном Филемоном – «гуру» с ликом старца, рогами быка и крыльями птицы, – швейцарский психолог понял, что существуют объективные силы, которыми он не может управлять, но которые управляют им. Так, он говорит: «Я понял, что во мне суще-

ствуется нечто, что может сообщать мне неизвестные и непонятные факты, которые могут быть даже направлены против моей личности». Ниже следует рассказ самого Юнга о его «встрече» с духом Филемоном.

«Вскоре после этой фантазии внезапно появилась еще одна фигура. Она развилась из личности Илиины. Я назвал ее Филемоном. Филемон был язычником и принес с собой египетско-эллинистическую атмосферу с гностической окраской. Вначале его фигура явилась в следующем сне. Небо, голубое, как море, покрывали не облака, а плоские темные куски земли. Казалось, эти куски разбиты на части, и сквозь них проглядывает морская вода. На самом деле эта вода была голубым небом. Вдруг с правой стороны появилось существо, летевшее по небу. Я понял, что это старик с рогами быка. Он нес четыре ключа, один из которых держал так, будто хотел открыть им какой-то замок. У старика были крылья птицы характерных цветов. Так как я не понял этого сна, я нарисовал его, чтобы не забыть. В течение дня, пока рисовал, я нашел в своем саду на берегу озера мертвого зимородка! Это меня поразило, потому что очень редко можно увидеть птицу зимородка близ Цюриха, до тех пор я никогда не видел ни одной мертвой. Было видно, что она умерла недавно, самое большее 2 или 3 дня назад, и на ней не было никаких признаков повреждения.

...Филемон и другие фигуры моей жизни привели меня к осознанию того, что в психике существуют вещи, которые я не произвожу, но которые воспроизводятся сами и имеют свою собственную жизнь. Филемон представлял силу, которая не была моей. В своих фантазиях мы разговаривали, и он говорил слова, о которых я не думал. Я заметил, что это говорит он, а не я. Он сказал, что я считаю мысли собственными творениями, но мысли — как животные в лесу или люди в комнате, как птицы в воздухе, и прибавил: «Если бы ты увидел людей в комнате, ты бы не подумал, что их создал ты или что ты ответствен за их присутствие». Он был тем, кто меня научил психической объективности. Через его фигуру мне стала понятна разница между мной и объектом моих мыслей. У него была со мной какая-то очная ставка. Я понял, что во мне существует нечто, что в состоянии говорить мне неизвестные для меня факты, которые могут быть направлены даже против моей личности. В психологическом смысле Филемон представлял собой высшую совесть. Для меня

он был таинственной фигурой. Иногда мне казалось, что он был совсем реальная живая личность. Мы с ним гуляли по саду, и Филемон был для меня тем, кого индусы называют гуру. В своем незнании я не мог желать ничего большего от настоящего, живого гуру, от того, у кого есть суперзнания и мощь, кто бы вместо меня отвечал на вопросы моего воображения. Впоследствии, более чем через 15 лет, меня посетил очень образованный старый индус, друг Ганди. Мы с ним разговаривали об индийском образовании, но более всего – об отношениях гуру и ученика. Колеблясь, я попросил его рассказать о личности и характере его собственного гуру, на что он отвечал: «Пожалуйста! Это был Шанка Ракар». – «Вы говорите о толкователе Вед, который умер несколько веков назад?» – спросил я. «Да, я говорю о нем», – ответил он на мой изумленный вопрос. «Значит, вы говорите о духе?» – «Конечно, это был его дух», – подтвердил он. В этот момент я вспомнил Филемона. «Существуют гуру – духи. У большинства людей в качестве гуру – духи, но есть и те, чьи учителя – живые гуру». Эта информация подействовала на меня просветляюще и успокаивающе. Итак, я не пережил чего-то необычного, но нечто, что могло бы случиться и с другими людьми» (С.226 – 228).

Юнг также встречался с духом Ка, египетского мудреца, и с «мертвыми, вернувшимися из Иерусалима, т.к. там они не нашли того, чего искали». Он вызывал дух Василида, александрийского гностика II в. нашей эры. Его именем он подписал текст «Семь наставлений мертвым» («Septem sermones ad mortuos»), который написан в период разрыва с Фрейдом в состоянии глубокого личного кризиса. (Давление мрачного душевного заряда у Юнга было огромным и совпало с присутствием злых духов, которые много раз звонили в двери его дома, разбрасывали вещи по комнатам и наводили смертный ужас на семью Юнга. Они представлялись ему «мертвыми из Иерусалима»). Юнг в «Septem sermones», как Василид, провозглашает нового бога Абраксаса: у него голова петуха, вместо ног – змеинный хвост. Еще во времена раннего христианства это существо (демон, что совершенно очевидно) было известно: святой Ириней Лионский написал достойный ответ на ересь Василида. Имя Абракас он объяснил при помощи сложения цифровых значений каждой его буквы. В итоге получилась сумма, равная 365, – ровно столько, сколько существует сфер в иерархии неба по Василиду. Абракас – хозяин неба, а Христос, по Василиду, господствует в сверхкосмической области и

приходит спасти мир и восстановить нарушенную космическую гармонию.

Как писал Юнг, этот «новый бог», «блистающий, словно лев, мгновенно раздирающий свою жертву, прекрасный, как весенний день», Абракасас – Пан, Приап, монстр подземного царства, клубок крылатых змей, истинный Гермафродит, «святой творец», любовь и убийца любви, святитель и его предатель, «наиярчайший свет дня и самая мрачная ночь безумия». «Увидеть его – значит ослепнуть, узнать – сойти с ума, почитать его – найти смерть, бояться его – мудрость, а спасение возможно, если не противостоять ему», – говорит швейцарский мыслитель (С. 312).

Друг и последователь Юнга – Герман Гессе – написал роман «Демиан», чтобы тоже прославить в литературе этого «нового бога».

Символом философии Юнга, как мы уже говорили, является Гермес – непостоянное божество, которое легко обманывает и не выполняет обещаний, соблазняет и уводит в ад. Змея, обвивающая его посох, – это змея знания, которое «спасает». Мы уже сказали, что Юнг подписывался именем Василида; известно, какое значение для него имела гностическая и алхимическая литература прошлого. Когда были опубликованы гностические сочинения из Наг-Хамадия (обнаруженные сразу после второй мировой войны), Юнг нашел в них подтверждение своим психологическим исканиям; алхимия еще раньше была ему понятна, по крайней мере, в вопросе индивидуации. Вот как об этом рассказывает сам Юнг: «Довольно скоро я увидел, что аналитическая психология замечательным образом напоминает алхимию. Опыты алхимиков в некотором смысле были моими опытами, и мир их – моим миром» (С. 252). Алхимия, по словам Юнга, явилась для него мостом, который, с одной стороны, был обращен в прошлое – к гностикам, с другой же – в будущее, к современной психологии бессознательного (С. 248). Кто же такие гностики? Их идеи очень разнообразны, они вообще были не христианами-еретиками, а язычниками, которые в свою философию «через человека» внесли и некоторые христианские элементы. Гностицизм – это дуализм: Бог противопоставлен материи, в которой воплощено зло и которой владеет ее творец – низший бог Демиург. Этот Демиург для гностиков, которые не принимали единство Ветхого и Нового Завета, был «суровым» Яхве еврейского народа (некоторые его даже идентифицировали с дьяволом).

Другая особенность гностицизма – эманационистическая идея: Бог не творит мир из ничего, а из ничего возникает сам Бог, и Он потом просвещает материю, и Его низшие эманации (вспышки) принадлежат нашей действительности. Душа через ряд переселений, согласно гностикам, очищается, чтобы вернуться в плирому, полноту божества. Путь спасения не в вере и милости Божией, это не надежда и любовь, а эзотерическое знание, которое принадлежит узкому кругу избранных. По мнению гностиков, Христос пришел на землю как высший дух и поделил знания: низшие – обычным смертным, а высшие – только посвященным. Гностицизм был подвержен магии, которая считает, что с помощью определенных поступков (формул, заклинаний, образов) можно Бога подчинить человеческой воле. Одним из очень важных гностических культов является офитский культ райской змеи, которая передала знание Адаму и Еве и обоготворила их. Некоторые гностики открыто почитали Люцифера (падшего Денницу, сатану), который «просвещает» и открывает необозримые глубины. Безмерное самовозвеличивание и надменность этой демонической, языческой веры крепко держали гностиков в оковах их запутанного «знания».

Из гностицизма в христианство приходила ересь, а в человеческие души и умы – смятение. Юнг с гностиками крепко связан. У них много общего, прежде всего основная идея: путь спасения человека – это путь знания, которое приносит змей, слуга Люцифера (змей – яркий свет, активное воображение, алхимия и т.д.). «Первородным грехом веры мне представляется, что она предвосхищает опыт», – оправдывает свою гностическую позицию Карл Юнг (С. 122).

В работе «Знание и психология» Жак Квиспел говорит: «Когда человек придет к себе, он, по Юнгу, в первую очередь встретится с тенью своих недостатков; затем он начинает исследовать свою женскую сторону «анима», которую часто сопровождает мудрый старец, воплощающий накопленную мудрость человечества, а Я появляется в снах и видениях, его символизирует ребенок или квадрат, который предсказывает прекращение раздора между разумом и самим гностиком. Все эти архетипы находятся в гностических текстах: Демиург – как тень; София – как «анима»; Симон Волхв – как мудрый старец». По мнению профессора Анри Шарля Пиха, цель и центр «каждого гностического мифа не Бог, а человек». Это человек, кото-

рый осваивает собственным усилием свою божественность с помощью эзотерической индивидуации, алхимического opus magnum (великого дела), где все сначала имеет черный цвет, а затем тьма души превращается в lapis philosophorum (камень мудрости). Избавление – это прежде всего личное усилие, а благодать и милость Божия только помогают во всеобщем стремлении к самореализации, которая у последней черты заставляет Бога дать «ключи от Царства Небесного». «Я начал понимать, что цель психического развития – самодостаточность», – пишет Юнг (С.243). Гностики и алхимики были последователями многих мифических и вымышленных личностей: Абракса-са, Адама Кадмона, Софии, Поймандра, Меркурия, Клеопатры, Кристиана Розенкройца и т.д. Поклонником этих личностей был и Юнг. Эти символы приводят его к идее относительности христианских истин и их соединения с архетипическими религиозными формами. «В психологии и алхимии я попытался провести аналогию между фигурой Христа и центральными понятием алхимии – ляписом» (С.258). Понятие архетипа Юнг считает ключевым и под ним подразумевает прообраз некоторой части духовного бытия. Архетип принадлежит всему человечеству и «дополняется» различным содержанием, зависящим от среды, которая дает человеку традиции, образование и общественное состояние. Архетипы – первичные врожденные структуры коллективного бессознательного, психический «осадок» жизненных ситуаций... Термин этот очень многоплановый и неоднозначный.

С учением Карла Юнга об архетипах, религиозном в своей основе, положения которого близки «идеям» Платона, «логосу» Аристотеля, «монаде» Лейбница и т.д., произошло то, что случилось со всеми его предшественниками в области науки и философии. Религиозная истина в этих подходах секуляризируется, обретает светский характер, теряет свое духовное содержание и смысл, становится объектом спекуляций и экспериментов. Уже тот факт, что Юнг и его школа собирают все архетипы в одну группу, не отличая светлые архетипы от темных, показывает, насколько Юнг отошел от религиозного понимания истины.

Одним из архетипов, по Юнгу, является и Бог, неважно, какой – христианский, гностический, египетский или индийский. Гностики тоже были компиляторами античных мифов, иудаистских и христианских мышлений, персидского зороастризма и много чего еще. Им

казалось, что все можно использовать в постижении личности, плиромы, нуса (ума).

«Признаю, что пишу, как язычник, но в душе я христианин», – утверждал любимый алхимик Юнга Парацельс.

Несколько вопросов Карлу Густаву Юнгу и его ответы на них, приведенные в книге «Воспоминания, сны, размышления», дают некоторое представление о «христианских» воззрениях самого Юнга.

В. Господин Юнг, нам известно, что отрочество – очень важный период в формировании человеческой личности. Ваши воспоминания об этом ясно свидетельствуют. Расскажите что-нибудь о Вашем отношении в то время к Господу Иисусу Христу и Его роли в истории человечества.

О. Для меня Господь Иисус совсем никогда не существовал реально, никогда не был полностью приемлемым, никогда не становился достойным любви. Потому что я снова и снова размышлял о Его подземном двойнике, страшном откровении, которое мне дано, хотя я его не искал.

В. В раннем отрочестве Вы читали много книг, и некоторые книги Вас привлекали даже раньше, чем Вы научились их читать. Одна из них, иллюстрированная «Orbus pictus», привела Вас к божествам, которые были более привлекательны, чем Христос. Расскажите что-нибудь о них.

О. В книге «Orbus pictus» находились изображения Брахмы, Вишну и Шивы, которые были неиссякаемым источником моих интересов. Позже мать мне рассказывала, как я часто возвращался к этим картинам. Всегда, когда я это делал, ощущал необычное чувство, которое было похоже на мое собственное «откровение» (С.248).

В. С одной стороны, Вы не любили изображения Иисуса Христа, т.к. существует заповедь, запрещающая идолов, которым бы человек поклонялся. (В данном случае высказывается ложный протестантский взгляд, который, по православному учению, является, по сути, иконоборческой ересью. – *Прим. ред.*). С другой стороны, в отрочестве, да и позже, Вы делали фигурки духов «Кабира», одевали их, давали им имена. Ваше поведение сравнимо с поведением дикаря из Африки. Некоторым духам ваше бессознательное давало имена. Например...

О. Например, Атамавита, что значит «Дыхание жизни».

В. Вы приняли протестантское «причащение». Как это выглядело?

О. Я не заметил никакого «общения», «единства», «единения» с... кем? С Иисусом? Ведь Он просто человек, умерший 1860 лет назад. Зачем кому-то становиться с Ним как одно?.. Потихоньку я пришел к мысли, что это причащение пополнило мой жизненный опыт. Причащение оказалось пустым и, более того, оказалось очередным промахом. Я узнал, что никогда не найду сил для участия в этой церемонии. «Ведь это вообще не религия, – думал я. – Там нет Бога, Церковь – это место, куда не стоит ходить. В ней нет жизни, а только смерть».

(В ответах на мучившие душу вопросы, которые давала Библия, юный Карл Юнг не нашел «ничего, кроме красивых и пустых слов». Не удовлетворили они его и в зрелом возрасте. – *Прим. ред.*).

В. В ранней молодости и в период созревания Вы чувствовали себя так, как будто Вы разделены на две личности: на обычного человека и человека, который ищет чего-то большего. Кроме своего любимого Евангелия от Иоанна, Вы в то же время читали и «Фауста». Как Вы их сопоставите?

О. В «Фаусте» было что-то, что непосредственно влияло на меня. Христос Иоанна был мне чужой, но Спаситель других Евангелий был для меня еще дальше.

В. Кто был для Вас Господь Иисус Христос?

О. Господь Иисус был для меня только человеком, и потому это не та личность, за которую мы Его принимаем. Он был только вестником Святого Духа.

В. Что Вы думаете о мертвом, который в период Вашего разлада с Фрейдом явился провозвестником под псевдонимом Василида Александрийского?

О. Люди думают, что мертвые знают гораздо больше нас, согласно христианской доктрине о встрече в будущей жизни «лицом к лицу». Очевидно, души умерших имеют только те знания, которыми обладали в час смерти, и не более.

В. А Вы верите в то, что совокупная человеческая личность, ее душа и тело могут победить смерть благодатию Божией?

О. Если, допустим, жизнь продолжается «там», я просто не могу допустить мысли о другом виде существования, кроме психологи-

ческого, так как психологическая жизнь не требует пространства и времени.

В. Вы себя чувствовали свободным человеком как автор?

О. Все мои творения можно считать выполнением задания, которое мне ставилось внутри. Их источником была жизненная необходимость.

В. Любовь, вера, надежда – фундамент христианской добродетельной жизни. Какое у Вас отношение к любви?

О. В моей врачебной и жизненной практике, как и в моей личной жизни, я постоянно сталкивался с таинством любви и никогда не мог понять ее значение.

В. Вы как врач-психиатр, психолог, всегда несли большую ответственность перед многими душевнобольными людьми. Они верили, что у Вас есть спасительное знание, которое им поможет. Чувствуете ли Вы, что у Вас есть такое знание, поняли и приняли ли Вы действительно это в своей душе?

О. Не существует ничего, в чем бы я был абсолютно уверен. У меня нет окончательной уверенности ни в чем.

Но продолжим о гностических воззрениях Юнга.

Известно, что языческое толкование и принятие Христа и Церкви еще 1900 лет назад стало гностической ересью, а Юнга нужно считать в этом смысле гностиком. Аналитическая психология – это реализация его гностических исследований. Когда Юнга обвиняли в ереси, он свои «Семь проповедей мертвым» называл «грехом юношества». Но все-таки в «Воспоминаниях...» он открыто утверждал: «Сегодня я могу сказать, что никогда не терял связи со своим первоначальным опытом. Вся моя работа, вся моя творческая деятельность родились из этих фантазий и снов, которые начались почти 50 лет назад, в 1912 году. Все началось тогда. Более поздние подробности были только дополнением и объяснением материала, который внезапно появился из подсознания. Это была праматерия дела жизни» (С.436).

* * *

Это же подчеркивает и сербский психолог Велимир Попович: «Если бы мы наугад привели несколько понятий из его психологии личности, теории и практики психотерапии, то половина этих произвольно избранных выражений уже нашла бы отражение в пропо-

ведях («Семь проповедей мертвым». – В.Д.). Работа над беседами и их оформление служили Юнгу не только для теоретических предположений: диалог Василида и «мертвых христиан» подтверждает и практика его психотерапии. Продуктивность активного воображения как оригинальной психотерапевтической техники проявилась на деле». Велмир Попович сравнивает Юнга с Христом гностиков, который «раздает» знание, спасающее избранных от смерти. «Семь проповедей» появились в 1916 г., в период духовного кризиса Юнга, после нескольких демонических откровений и видений. С образами, явившимися ему и разговаривал молодой психиатр. Он сам утверждал, что весь его дом был наполнен духами, и что вся его семья дрожала от страха. Юнг, как покорная игрушка, послужил демонам проводником (медиумом) сообщений для мира, но, боясь за свою репутацию ученого, он подписался именем древнего гностика Василида: «Я не осмелился написать свое имя, а выбрал имя одного из величайших умов раннего христианства, которых оно уничтожало». Сумасшедший еретик Василид, который, возможно, и сам не понимал своей гностической запутанности, для Юнга явился великим умом, который был уничтожен «тоталитарным» христианством! В «Семи проповедях» все очень ясно: «Бог есть творение, потому что Он есть нечто определенное, отличное от плимомы», – так говорят демоны, а Юнг был их медиумом. Бог и дьявол связаны, «как две противоположности, и Богу всегда принадлежал дьявол», – утверждает он. Проповедуется и многобожие: «Множеству богов соответствует множество людей», – говорит так называемый Василид. В конце, после оды Абракасу, автор делает вывод: «В мире том принадлежит человек Абракасу, который его, человека, и мир порождает либо поглощает» (С.454).

Юнг говорит, что человеческий интеллект не может ответить на вопрос о существовании Бога и нет доказательств Его бытия. Бытие Бога есть раз и навсегда вопрос без ответа, но в то же время он говорит о богах и зонах. Но тот, кто встал на путь теософско-индустского примитивного мышления, проходит этот путь до конца. Так это случилось и с Карлом Юнгом – он договорился до «Адвайты»: «Мысль о всемогущем Существое есть Архетип», то есть Бог есть человек, а человек есть единственный бог, и в сущности человек помогает сам себе.

Проповедник для мертвых: заблуждения Юнга

Итак, для нас Юнг является проповедником для мертвых по следующим причинам:

1. Он сам себя так называет, ибо признается в авторстве «Семи наставлений мертвым».

2. Он поклоняется языческим идолам прошлых времен, а, как свидетельствует псалмопевец Давид, мертвым идолам подобны те, которые их сздают и поклоняются им, возлагая на них надежду (Пс.113).

3. К Юнгу приходили «мертвые христиане», которые якобы не нашли ответа на свои вопросы в Иерусалиме – городе, в котором Христос открыл Себя как Агнца Божия, принесшего Себя в жертву на Кресте. Конечно, православный человек знает, что эти «мертвые» – бесы, но существует и символическое значение того, что они называются мертвыми христианами. Мы, православные, считаем, что те, кто забывают Живого и Истинного Бога и святых, озаренных Святым Духом, и принимают «прелестные» проповеди Юнга, находятся в опасности стать «мертвыми христианами», недовольными простой Иерусалима и спешащими получить откровения болтливых, усталых и растленных от идольских заблуждений «проповедников».

В чем же заблуждался Карл Густав Юнг?

Вот те вопросы, которые будут занимать великого психолога всю жизнь и на которые он так и не найдет ясного ответа («Не существует ничего, в чем бы я был абсолютно уверен. У меня нет окончательной уверенности ни в чем»).

I. Principium Individuationis (принцип индивидуации), который в «Проповедях» звучит так: «Мы обречены превратиться в ничто. А это смерть творения. Мы умрем, таким образом, оттого, что не различаемся. Поэтому существо своим природным инстинктом стремится к различию, борясь против древнего, исконного равенства». В самом деле, согласно Библии, сотворенный Богом мир изначально обладал таким качеством, как многообразие форм жизни. Во всей полноте это многообразие проявится в новом, преображенном мире – будущем веке, в котором «праведники воссияют, как солнце» (свт. Григорий Палама), в котором «кроткие на-

следуют землю и наслаждаются множеством мира» (Пс. 36,11).

II. Единство противоположных пар в плироме («плирома». означает «полнота» и здесь имеет гностическое значение: ничто, из которого рождается всё без участия Бога). Центр этого единства – Абракасас, который, как Гермафродит, в состоянии сказать «это святое и проклятое слово, которое в одно и то же время и жизнь, и смерть». Это абсолютно антихристианская идея, что осознаёт и Юнг в «Проповедях», ссылаясь на то, что «мертвые не приняли идею единства противоположностей, образ «Бога-Диавола». Для христиан принципиально важна противоположность добра и зла, и такое отношение к этому основано на предупреждении Господа, что нельзя слушать одновременно и Богу, и диаволу. Для Юнга добро и зло «спаяны в пламени». Эти противоположности «венчаются» в священном браке (hieros gamos), во время «алхимической свадьбы Кристиана Розенкройца». Обособление заканчивается в момент обретения индивидуальности, которая находится «на границе сознания и бессознательного» и является соединением всего разьединенного, совершенной гармонией добра и зла, осуществленной в личности и в мире, которому она принадлежит.

III. Четыре составляющих человеческой психики.

Число составляющих личности, по Юнгу, – 4, и она является в виде четырех определённых начал. Всю жизнь Юнг указывал на квадратичность в человеческом бессознательном и утверждал, что в христианском миропонимании этим началам соответствуют Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой и Богородица, постоянно забывая, что Богородица не имеет божественной природы, и поддерживая поэтому попытки Римской католической Церкви обоготворить ее.

Семь проповедей, между тем, учат нас совсем иному, противоположному христианскому пониманию, делению: во-первых, «солнечный бог» – Начало; во-вторых, «Эрос» – сила соединения; в-третьих, Древо Жизни – «творец физической формы»; в-четвертых, Дьявол – открывающий сокровенное. Позднее Юнг отрицал такое деление, как и «Septem sermones», рассматривая это как промежуточную фазу своего духовного развития. Более того, от своего проповедничества мертвым никогда не освободился, но развил и усовершенствовал рациональными и научными методами все идеи, которые получил от Василида, и продолжал считать, что человек – только ворота, через которые мёртвые проходят из высшего мира в низший.

Неудивительно, что в конце жизни он признал, что был медиумом какого-то Демона, который его «окрылял». И еще: «Человек не свободен, диавол его связывает и преследует». Это высказывание ясно свидетельствует о степени ограниченности, которую Юнг не мог преодолеть. Именно об этом говорил прп. Иоанн Лествичник в одной из самых значительных книг православной аскетики – «Лествице»: «Все демоны пытаются омрачить ум, ибо тогда в нашу душу могут заронить то, что хотят; то есть, если ум не воспротивится, сокровищница легко может быть ограблена».

Юнг, поддавшись полету своей фантазии, оказался легко обманутым человеком, которому казалось, что каждое духовное явление одинаково ценно и каждое служит человеческому усовершенствованию. Из-за боязни демонов Юнг апеллировал к Вечной Женственности – das Ewig Weibliche (Гёте. «Фауст»). Вечное Материнское Крыло, София, «Вечная Женственность», так называемый «женский аспект божества», – классический образ гностицизма, который многим мыслителям представлялся как единственная возможность спасения. Вспомним, что потрясенного присутствием Мефистофеля, непокаявшегося Фауста ведет ввысь Вечная Женственность, Гретхен, Mater Gloriosa.

Вспомним русского поэта и философа Владимира Соловьева, который, создавая идею Божией Софии, подразумевал свое видение некоей Небесной Дамы. Тот же Соловьев был преследуем нечистой силой, духами и в поэме, которая описывает ее рождение и схождение с неба, угрожал им (духам) присутствием Вечной Женственности. Юнговская концепция женского аспекта божества и духовности также кроется в «Septem sermones». Ибо, как говорит Юнг (от имени Некто): «Духовность понятна и постижима, у нее женский облик, ее зовут Mater Coelestis, небесная мать». Категория пола имеет мужское начало – это земной отец Фаллос (phallos). Если не ошибаемся, это мог быть тот же Фаллос, которого Юнг, будучи четырехлетним ребенком, испугался во сне.

IV. Иисус, Будда, Гермес. Вполне очевидно, что сущность богословия и психологии различна. Существование Бога не может быть сведено к совокупности душевных переживаний всех религиозно настроенных людей. Также не может она заключаться и в индивидуальном отношении к «индивидуальному опыту», «индивидуальному абсолюту».

Юнг, сводя духовный человеческий опыт на уровень душевных проявлений, решил положить в основу своего учения «неконфессиональное богословие» гностического типа. При этом он не был верующим человеком, его ум был прежде всего направлен на «осваивание» Божественной Истины, а не на приобщение к ней. В Православии значение слова «богословствовать» не сводится лишь к разговорам о Боге и человеке. На первый взгляд, Юнг смотрит на эту проблему так же. Но православное богословие – не абстрактные мысли, вдохновляемые собственной интуицией. Оно основано на возвышенном «голосе Церковного разума», причащенном, исполненном благодати, поющем хвалебные гимны Богу Отцу и Тому, Кого Он послал, Господу Иисусу Христу. Для Юнга мерилом всего является человек, верующий в высшую Сущность (называемую им либо так, либо по-другому). Высшая Сущность зависит от индивидуального человеческого опыта. Ее феномены могут расцениваться как самостоятельные, не связанные с личностью факторы, зависящие от коллективного духовного наследия и, таким образом, не имеющие безусловной истинности и той монолитности, которой обладает Божие Откровение. Ставя во главу угла человека, Юнг неправомерно упрощает теологические проблемы, сводя их к проблеме обретения индивидуального. Мерилом жизни для православного человека и для православной теологии является Богочеловек Иисус Христос, Личность, Которая как Сын Божий и Сын Человеческий проповедует Истину и ее спасительное действие, призывая человека к общению с Богом через Причащение Своей Святой Кровью и Телом, не останавливаясь на сфере ностальгии и медитации, где базируются религии, основанные на человеческом умствовании.

При правильном духовном устройении души от разума и познания рождается вера. На человека, благодаря интуиции или развитию философского знания, нисходит благодать, свидетельствующая о бытии Божиим – «Первопричине всех причин», абсолютном Духе, Творце всего видимого и невидимого. Вера рождает стремление познать волю Творца и жить по Его законам, рождает спасительный страх Божий. Жизнь по заповедям дает возможность увидеть свое истинное состояние – состояние падшего человека, неспособного состоять собственными силами. Из этого чувства рождается покаяние и смирение, которые раскрывают сердце человека для воздействия благодати Божией. Быть верующим христианином – это значит жить в

Церкви, которая есть Тело Христово и Глава которой – Сам Господь. Это значит воспринять учение Церкви во всей полноте, пережить состояние богообщения в своем внутреннем мистическом опыте. В его основании должен быть опыт Церкви, творения подвижников, прошедших путь духовной борьбы с демоническими силами и своими страстями. По мере духовного подвига и преуспевания, очищения от страстей человеку подается просвещение разума. Просвещаясь душой и соединяясь разумом с Господом, христианин прежде воскресения телом воскресает душой.

Мудрость для православного не заключается в достижении совершенства «усилием души» (называют ли его расширением сознания или как-то иначе), так как это «усилие» без Божией благодати не достигает истинной цели, а «совершенствование» без вечной жизни не имеет значения. Мудрость Православия заключается в мудрости Святой Тайны Причащения, в постижении Бога Живого, а не «Бога философов и ученых», как писал Паскаль. Мудрость без спасения – «безумие перед Богом» (1 Кор. 3, 19). Юнга, как и многих других, не слишком смущал тот факт, что за Божию Любовь требуется человеческая любовь. По Юнгу, уходя в себя, «бросаясь головой в омут», «психологизируя себя», можно хорошо изучить различные проявления «духовного опыта», «подлинной духовности» и таким образом прийти до Бога. Юнг создает свою башню в Боллингене, где он мог бы соприкоснуться со средними веками, с колдуном Мерлином, алхимиками, ведунами и продолжить традицию своего «свободолюбивого мужского начала». Краеугольный камень, легший в основу такого строения, он определяет как «камень мудрости», припоминая стихи алхимика Арнолдуса де Виланове: «Насколько камень выше мнения дураков, настолько он выше воли мудрецов». Карл Густав Юнг, несомненно, причислял себя к мудрецам.

Юнг дошел в своих размышлениях до образа бессознательно-го, наполняемого различным содержанием религиозного, культурного или иного характера. Юнг, вслед за Ницше, пришел к осмыслению нового состояния человека, который отпал от Бога, и к заключению, что Бог мертв. Юнг «по-новому» открыл нам то, что до него уже давно было известно: «От Адама до наших дней человеческая душа – это всего лишь корзинка, в которой роятся пчелы прошлого и настоящего. Ничего не забывается. Каждый человек носит в себе наследие человеческого рода и использует его в соответствии с соб-

ственным опытом». На этом примере швейцарский психолог, сам того не осознавая, показал, как невидение в душе образа Божиего, пренебрежение духовным началом в ней и рационализация святого ведут к примитивизации в понимании человека и обрекают на неудачи путь «светского гуманизма». По мысли свт. Григория Паламы, обращаясь к самому себе, человек, не пребывающий в сакраментальном и действенном единении со Христом, узрит только свою падшую и подверженную заблуждениям природу.

Как «мир сна» толкуется место обитания бессознательного – как мир мистических видений, «гипнотических отпечатков» (по Юнгу), мир встречи с потусторонним. В самом же деле духовная, сверхчувственная реальность должна быть истолкована вкупе с Истиной, с Христом, в ней нужно установить «ясную иерархическую лестницу».

Постепенность постижения духовного мира, Бога предполагает в качестве начала отказ от всего мирского, несущественного; для спасения нам нужно верить, и эта вера открывает нам новое знание, знание, которое опирается на Священное Писание и Священное Предание (Евр.11,1).

Подлинная феноменология христианского тайноведения раскрыта в Евангелии, Апостольских посланиях, «Откровении» Иоанна Богослова, в аскетической литературе. Эти источники свидетельствуют, что «только избирающих скорбь и гонения Христос делает обладателями в тайне хранимых Своих сокровищ. И дух Истины открывает сокровенные тайны» (Свт. Григорий Нисский. Сочинения. Т.1. С.422). Подлинное тайноведение – христианство – есть «тайноучение Духа» (Св. Исаак Сирий) и тайноучение Логоса Христа, основой, центром которых является «ощущение живущего внутри Христа» (Он же).

Восприятие Иисуса Христа как воплотившегося Логоса, как Единородного Сына Божия было чуждо Юнгу, он выбрал противоположный путь, которым шли искатели «тайных знаний» всех времен – ложной мистики, интеллектуальных фантазий и спекуляций.

Жаждающий знания, как и Фауст, Юнг встречается с «великим сыном хаоса» Абраксасом – Мефистофелем в час отчаяния и непомерного рационализирования собственного мышления. Вся тайна человеческого падения (в нашем случае – падения одного мыслителя) выражена в речи дьявола, который говорит, что он «всегда жела-

ет зла, но всегда творит добро». Заметив, что зло нужно облечь в нечто целостное, Юнг обращается к мечтам и загадкам прошлого. В «Психологии и алхимии» он уделяет много внимания оправданиям алхимического представления о том, что Христов «младший брат», «дух земли», Меркурий, Гермес, есть олицетворение всего сущего и ищет спасения, как человек. По Юнгу, сатана – это тот «блудный сын» из новозаветной Христовой притчи, который должен вернуться к Отцу (гностическая идея апокатастасиса, всеобщего спасения). Христос, по его мнению, в одно и то же время и Спаситель людей, и творение, а не Единородный Сын Божий – воплотившийся Бог-Слово. Чтобы спасти «великую мать Природу», алхимики хотели создать философский камень. Одинокие и осмеянные, они остались горды своей миссией. «Наше золото – не золото простака», – твердили они упорно.

Что такое ляпис и кто такой Гермес? Юнг уверен в том, что ляпис (философский камень) – это не Господь Иисус Христос, Краеугольный камень новой жизни, богочеловеческий оплот Церкви. Это алхимический камень – Гермес, «дух земли». На самом деле он близок к образу того, кого христиане называют сатаной. А сатана, самовольный падший ангел, одно из Божиих творений, покусается доказать, что он как будто бы потерянный и блудный «сын Божий», который возвратится к своему Отцу, когда исполнит обязанность «князя этого мира». В этом как раз и заключена тайна его падения – он не захотел быть Божиим слугой, окруженным любовью Господа, и сыном по благодати Его; он вознамерился силой захватить Господень престол и подчинить мир себе. И он, по словам Иисуса Христа, «упал камнем с неба». Отсюда и его название: «ложь и отец лжи». Принимая во внимание человеческую гордыню и желание самообогащения (в противовес воцерковлению, которое Своей благодатью проповедует нам Господь), сатана указывает на «мать-природу», которая находится в оковах зла и сыном которой, могучим искупителем он якобы является. Исполненные гордыни философы и алхимики – все, кто не желает обратиться ко Христу, кто «своим новым способом» желает создать «новое небо и новую землю», узаконить людские похоти, придут на суд Божий. Со времени падения Адама сатана упорно утверждает, что Бог не говорит Истины, и всякий, кто вкусит запретного плода, пойдет по пути Бога, «станет яко Бог». Адам пал, и все его потомство несет на себе отпечаток этого падения. В

схожести разных религиозных форм и их содержания Юнг не мог понять главного: корнем всех религий, за исключением Истинной Церкви – Православия, является падшая природа человека, человеческие страсти. Только путем Нового Адама человек идет в мир тех, кто знает «путь, истину и жизнь», так как Господь Иисус Христос, безгрешный, есть Новый Адам, единственный путь, вся истина и вся жизнь человека и мира. Только литургическое, причастное, благодатное разумение Богочеловека Христа может спасти погрязшую в грехах и умствованиях душу. Старый Адам, живя в раю Божией любви, был богословом по призванию; впадши же в союз с дьяволом, он потерял эту способность и в грехе получил возможность жить по-своему, «в долине слез». Только Христов путь, путь спасения, может привести человека, который несет в себе печать греха, к истинному богословию. Православие – это жизнь во Христе и со Христом, жизнь, не подразумевающая обращения к пораженному грехом человеческо-демоническому мудрованию. Наш Бог, как говорит св.ап.Павел, – «огнь поядающий» (Евр.12,29).

У Юнга совсем не то. Юнг одинаково важное значение придает Христу и Будде. В своих «Воспоминаниях» он путь Христов назвал путем жертвы, а путь Будды – путем философских размышлений. Выводы те же: Христос, Будда, Конфуций, Лао-Цзы, алхимики, Парацельс, Беме, Экхардт и другие относятся к «этому миру» – миру слияния противоположностей, мировой целостности. Но огонь есть огонь. С ним играть нельзя. Будда, Конфуций, Нагарджуна, Ляпис, Тот, Гермес, Мухамед, Дао де Дзин, Де Цзен, Corpus Hermeticus не могут быть поставлены в один ряд с Богочеловеком Христом и Его Евангелием. До Бога Отца можно дойти только вместе с Сыном Божиим. Никакое человеческое знание и никакой опыт не могут иметь большего значения, чем опыт жизни во Христе. Гностицизм Юнга уже давно опровергнут Тертуллианом: «Какую связь может иметь Христос с Платоном, Церковь с Академией, Афины с Иерусалимом?» Конечно, никакую. Только тот, который от Платона идет ко Христу, от Академии к Церкви, от Афин к Иерусалиму, стяжал способность жить в вере, надеясь и желая жизни вечной. Юнг, как и многие другие, нерешительно стоит на распутье, забыв, что распутье – это сень Креста.

V. Новый Адам. Адам Кадмон. Святой отец.

Архетип

В Православном богословии не существует понятия «архетип Бога». То, что понимает под архетипом Бога Юнг, не есть Бог, но открытая возможность Его обретения. Стремление к Богу – не богообщение, а предусловие богообщения. Бог – не просто духовная действительность, а Святая Троица, Творец, Спаситель и Утешитель.

Познай себя

«Окупись в себя», – говорит Юнг. Но человек – это творение. А творение утверждается только если знает Творца. Без Бога нельзя обрести себя. Мир создан по воле Божией из ничего. Человек, окунувшийся в себя без Христа, без причащения Кровью и Телом Христовым, окунается просто в это «ничто».

Религия как индивидуальный путь

Церковь – это новая жизнь со Христом и во Христе, движимая Духом Святым. Церковь – это Тело Христово, глава которой – Сам Христос. Кто отступает от Церкви – отступает от Бога. Только *соборностью*, в союзе любви, можно постичь любовь Божию. Вот что говорит о любви как о необходимом условии приближения к Богу Авва Дорофей. По его словам, мир можно представить в виде круга: самая середина круга – Бог, а радиусы, идущие от центра или от окружности к центру, – суть пути жизни людей. Насколько святые люди, желая приблизиться к Богу, входят внутрь круга к середине, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и друг другу. Таково свойство любви. И наоборот: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько мы удалены друг от друга.

Вера – это не гностический путь для посвященных, а путь стяжания Духа Святого во Христе. Невозможно спастись своими собственными силами, а можно лишь обрета Бога. Юнг уклоняется от разговора о трансцендентном и пытается остаться на позициях «психологических реалий», но постоянно делает метафизические выводы, самый важный из которых – о спасении самопознанием. Бога нельзя постичь знанием, о Боге нельзя ничего сказать. Церковь – это единственный из возможных путей спасения и обретения истины.

Догмат и человек

Догмат – это Богом открытая истина, которая находится в Священном Писании и Священном Предании и которую хранит, толкует

и сообщает Церковь. Догматы суть санкционированные Церковью и указующие верующим путь спасения формулы (знаки, словесные выражения) тайн Царствия Божия, через деяния и опыт открывающиеся христианину в благодатном ощущении и конкретно-духовном содержании. Они суть вечные истины, которые превышают возможности логического познания, так как относятся к другой сфере бытия — духовному миру.

Догмат есть предел, который Святая Церковь установила естественному разуму во избежание заблуждений, порождаемых неумеренным использованием философии. Неизбежность заблуждений человеческого разума подтверждается историей и объясняется последствиями грехопадения: с помрачением образа Божия помрачилась в человеке и способность разумения Бога. Развращенное сердце не может содействовать разуму в познании истины, а находящийся в плену страстей ум — делать согласные с истиной заключения. Догматы делают возможным «вмещать невместимое», через ограниченные понятия правильно понимать Безграничное и, оставаясь в потоке времени, приобщаться к Вечности. Это те чертежи, по которым строится человеческая душа.

Юнг постоянно выдвигает свою идею о том, что догматы рождаются в душе, что идею о Святой Троице дало человеческое бессознательное, которое колеблется между цифрами 3 и 4. Но точка зрения Юнга произвольна: то, что в психологии существует такое колебание, — это гипотеза, необходимая для психологического исследования состояния потомков падшего Адама.

Бог и зло

Юнг в «Воспоминаниях...» говорит: «На старый вопрос, откуда приходит зло, христианский мир до сих пор не дал ответа, а предположение Оригена о возможности спасения дьявола христианство характеризует как ересь» (С.403). Юнг предлагал свое (правда, давно уже известное) эманационистическое решение: зло в Боге. Это толкование достаточно широко распространено, оно встречается в индуистской духовности, учении зароастризма персов и других языческих религиях. Но Юнг неправ: христианский ответ существует. В христианском понимании зло — это одна из возможностей человеческой и ангельской свободы, возможность отказаться от Божией любви и с презрением отнестись к Божией заповеди. Возомнив себя Богом (будучи, однако, Его творением),

ангел Денница (Люцифер) пал во ад. Ад – это состояние ненависти к Богу и отказ ответить на Его призыв любви. Это состояние вечно, как вечна ненависть того, кто в него впал, и происходит это не потому, что Бог так хочет.

Зло можно победить лишь добром, а значит – полнотою Божией любви в себе. Победа над злом – это его полное отвержение от себя, а не принятие и переживание. Юнг понимает это иначе. В одном месте он говорит: «Мифологию нужно принимать как ту данность, по которой человек должен жить в согласии со своим естеством. Он должен сосредоточиться на приобретении знания о себе и затем жить с истиной, которую он в себе откроет. Что бы вы сказали о тигре-вегетарианце? Сказали бы, конечно, что это плохой тигр. Поэтому каждый должен жить в согласии со своей природой индивидуально и в коллективе». Этот мыслитель заявляет, что тигр не может быть вегетарианцем, христианство же утверждает, что человек может быть либо святым и сыном Божиим по благодати, либо грешником и самовольным сыном дьявола. Человек сотворен добрым, но сам себя делает злым. Все в мире сотворено добрым, но некоторые творения отказались от своей доброты. Источник зла не в Боге, а в выборе падших ангелов и человека.

Об опыте зла

Побороть опыт зла не значит одновременно быть злым и добрым, тигром-мясоедом и тигром-вегетарианцем, принять зло в себя и победить его. Вихри страстных, нечистых помыслов во время молитвы, подсказанные дьяволом, напоминают нам о его существовании, но из этого не следует, что такие состояния нужно стремиться пережить. Юнг хотел пережить все, принять в себя зло и преодолеть его. Но святоотеческая духовная практика ясно показывает нам, что это пагубно, ибо дьявол гораздо могущественнее нас. Как говорят сербы, «...кто берется с дьяволом тыквы сажать, о голову того они и разобьются».

Противоречие

Юнг, как и многие другие, часто говорит о противоречии христианства и человеческой природы. Но христианство противостоит падшей, греховной, демонизированной человеческой природе. Совокупность ее изначальной природной богообразности благословлена Богом в Новом Адаме – Господе Иисусе Христе.

Еще немного об архетипической религиозности

Тертуллиан, которого любит цитировать Юнг, говорит: «Душа по природе христианка», а не «Душа по природе религиозна». Христос стоит над всякой религиозностью, а Церковь – над любым набожным стремлением других религиозных объединений.

О мечтаниях, о снах

Константин Каварнос, автор книги «Византийская мысль и искусство», описывает отношение византийского богословия к мечтаниям, которые Юнг и его последователи считают элементами здоровой духовной жизни. Каварнос говорит: «Мечта – одна из низших человеческих способностей. Ею обладают и бессловесные животные. Мечта – одно из главных препятствий молитве, которую ищет нерассеянный человеческий ум. Она также и одно из главных средств, которым пользуются злые духи, чтобы привести человека к нечистым ощущениям и злым делам. Они делают это путем внушения. И если это внушение ясно не уловлено и не отторгнуто сразу усилием воли, оно формулируется в мыслях и заканчивается грехом в делах». Святые отцы говорят, что нужно отстранять любую мечту. Нужно беречь ум от любых видений, как хороших, так и дурных. Что же касается снов, наш народ говорит: «Сон есть ложь, а Бог – истина». Святые отцы напоминают об ущербе, который наносится человеку мечтаньями и снами. Св. Иоанн Лествичник говорит: «Сон – это особенность природы, картина смерти, беспорядок чувств», а Юнг утверждает, что сны – это истинный путь к глубочайшему содержанию человеческой сущности. Святые отцы утверждают также, что в сновидениях демоны искушают нас ложными видениями, сладострастными картинками, и нельзя говорить о сне как о пути к самопознанию.

Святитель Григорий Нисский свидетельствует, что началом мнимого фантастического созерцания служит мнение (притязание на всезнайство), которое научает мечтательно представлять Божество в какой-либо образной форме. За этим следует прелесть, которая вводит в заблуждение мечтаниями, порождает затем хуление, наводит на душу страхование наяву и во сне. Во сне при омраченности души определенными страстями показываются встречи, пиры, лица женщин – все то, чем душа увлекается наяву. При омраченности другими страстями демоны заставляют «мечтателя» ходить по обрывистым местам, наводят вооруженных людей, ядовитых змей и диких зверей, повергают нас в ужас и бегство. Блаженный Диадох

поучает, что хорошо «не верить никакому сонному мечтанию», ибо мечтания есть мост для бесов. Прп. Максим Исповедник поучает, что «когда душа начнет чувствовать себя здорово, тогда начнет сновидения иметь чистые и безмятежные».

О практике разных религий

Юнга соблазнила продуктивность разных религий (буддизма, индуизма, даосизма) в области духовной практики. Но продуктивность не свидетельствует об их истинности. Есть чудесные дела, сделанные без Христа, но без Христа нет спасения. Сам Господь предупредил, что нам могут быть даны любые чудеса и знамения (См.: Мф. 24, 24; Мк. 13,22).

Святые отцы утверждают: вне Христа человек как таковой не понятен. Во-первых, потому, что человек сотворен по образу Божию, а образ Божий есть Христос (Кол.1,15). Во-вторых, поскольку в результате грехопадения люди отпали от Бога, встала богочеловеческая проблема «примирения» с Богом, возвращения к Нему, которая решается только посредством Божественной жертвы Христа. В-третьих, человек, как существо глубоко поврежденное, нуждается в спасении и исцелении, а Спасителем и Врачом человеческой природы является Христос. В-четвертых, Христос есть Божия Сила и Премудрость (1 Кор.1,24). Он дает истинное познание о человеке и просвещает самого человека, приходящего в мир (Ин.1,9).

Быть совершенным: Ветхий и Новый Завет

Кто может быть совершенным, кроме Бога? Кто пречист и свят, кто есть свет, кроме Бога? Христианину не нужно совершенство само по себе, ибо такового не существует. Ему нужна любовь Божия и спасение. Манихейское и гностическое толкования Бога привели Юнга к утверждению, что в Ветхом и Новом Завете – разные боги. По Юнгу, ветхозаветный Бог ближе к злему началу. Вероятно, он – низшее божество, Демиург... Но истина христианской веры в том, что Бог Ветхого и Нового Завета – это один Бог. Это всегда Любовь, но человек не всегда хочет принять ее. Бог, который водил до Пришествия Спасителя Израиль путем совершенствования (личного и коллективного), готовил людей к тому, чтобы они возлюбили и поняли, что Он – Любовь... Но этого не поняли те, которые Его распяли.

О воздействиях мира духов

Духовный мир существует в человеке, а также вне человека. Злые духи вызывают в человеке различные состояния – усиливают

страсти, вызывают галлюцинации, ложные видения и гипнотические впечатления, пытаюсь обмануть его, сбить с пути истинного. Юнг постоянно пытается представить духовный мир как область душевных переживаний, но факты его жизни подтверждают, что это не так и что демоны обладают самостоятельным бытием.

О заблуждениях мыслителей Юнга и Гессе идет речь в письмах автора данной работы, адресованных его близкому другу, и в размышлениях Виктора Франкла.

Письмо о «средневековье» Карла Юнга

Во Христе почитаемый брат!

Спасибо за привет и добрые пожелания. Пусть Господь даст тебе во много раз больше и лучше. Я рад, что тебе понравилась статья «Проповедник мертвым», где я постарался истолковать некоторые основные заблуждения Юнга. Теперь ты меня спрашиваешь, почему швейцарского психиатра настолько интересуют средние века, магия и мистика тех времен. Постараюсь ответить так, как смогу, потому что не могу до конца проникнуть в суть его мотивировки.

Так как нынешний мир стал пустым конформистско-гедоническим зверинцем, большинство модных интеллектуалов, которые хотели бы вернуться к своим корням, просто околдованы средневековым Западом и думают, что он (Запад) в корне отличался от нынешнего Запада, который живет по американскому образцу и подчиняется нигилизму, скрытому под пестрой ложью. В своем воображении они гуляют по коридорам средневековых замков и башен, благочестиво преклоняют голову перед готическими соборами, с наслаждением смотрят, как в сумрачных комнатах, наполненных книгами, алхимики размышляют о камне мудрецов... Для них средние века — это период мистического, где мистика всегда понимается как какой-то туман, где запах пергаментов смешивается с запахом ладана, а звуки келейных колокольчиков — со страстными разговорами о магии и каббале. Как дети в комнатах, наполненных игрушками и сладостями, они перебегают от одной вещи к другой, перепрыгивают от знания к знанию и хлопают в ладоши, когда находят то, что тешит их гордое гностическое чувство. Они гордятся тем, что представляют

«элиту мудрых», которой дано возвыситься над обычными людьми. Как говорят алхимики, «наше золото – не золото невежд». Эти алхимические средние века – пик Ренессанса, творений Джованни Пико де Мирандола и Марсилио Фичино¹, сновидений Да Винчи об универсальном человеке и мечтаний Бруно о множестве миров, где пребывают разумные существа... Этот увлекающийся романтичный Запад! Какое большое желание постичь таинство, пир благородных и возвышенных душ! У современного исследователя традиций в уме все смешивается: легенда о Граале и трубадурская «мистика эротического», построение соборов и тамплиерский синкретизм, месса на латинском языке и алхимические опыты, схоластика и каббала... Все это привлекает... Нам придется вникнуть в их взгляды, чтобы почувствовать их «опыт целостности».

Но до тех пор, пока эти писатели берут сладость за сладостью из средневековых домов, построенных из печени, за их спиной над ними смеется ведьма. Ведьма – это дух обмана, который помрачает рассудок и волю людей. Поэтому они не видят, что в средних веках берут начало многие современные тенденции западного менталитета. Последователи папы исказили истинную веру – православное христианство. Если бы не было отпадения от древа Вселенского Православия, не было бы схоластики, чье «Summae» (автор имеет в виду знаменитый трактат Фомы Аквинского «Сумма теологии», который явился одним из основных источников католической догматики. – *Прим. ред.*) создало почву для сожжения на кострах. Если бы не было папских ошибочных догматов, не было бы крестовых походов против Византии; если бы не было номиналистическо-рационалистических разногласий, возможно, не обратились бы западные интеллектуалы к алхимии, каббале, магии... Если бы не было «триумфальной рассудочности», не было бы атеизма... Если бы не было Ренессанса, не было бы и человека нового «сплава», и «светловолосого арийца»... Без инквизиции не было бы Освенцима (страшного лагеря немцев)...

Утопизм «святого» Римского царства породил все позднейшие

---

¹ Джованни Пико да Мирандола (1463–1496), член Флорентийской академии Фичино, каббалист, экуменист, неоплатоник.

Марсилио Фичино (1433–1499), итальянский неоплатоник и маг, первый экуменист, проповедник всеобщей религии, организатор Платоновской академии во Флоренции.

утопии, в которых погибает современное человечество. Эти люди во имя свободы, равенства и братства идут по трупам своих ближних, и их дорогу к «свету будущего» озаряют сожженные дома. Запад из-за впадения в папскую ересь не постиг подлинной традиции святости и, если хочешь, мистики... Но не мистики туманности, в значении мистики «сердца Иисусова» и каких-то «*De imitatione Christi*», а мистики святоотеческой, ведущей к жизни во Христе, как живой встрече с Богом Живым, Богом, Который есть Огонь, мистики трезвого поста и молитвы, приобщения Тела и Крови Господа. Даже когда православные верующие на своем горизонте увидят зарю православного востока, западные традиционалисты будут взирать на нее сквозь темные очки своей истории и философии. Вместо св.Марка Эфесского их интересует Георгис Гемистос Плитон, а в диалоге между исихастом Григорием Паламой и Варлаамом Калабрийским они встанут на сторону Варлаама (ведь он был учителем Петrarки, разве нет?).

Для меня Юнг – один из западных традиционалистов, один из тех, кто заблудился в лесу, как Ивица и Марица, и начал поедать дом из печенья до тех пор, пока не появилась ведьма оккультизма и не завлекла его в духовную тьму... И еще: Юнг был поздним язычником. Духовное язычество проделало путь через много периодов, начав от героев Гомера, у которого люди смеются и кричат от страсти и гнева, до равновесия «периода Аполлона», когда некоторые античные мыслители пытались освободить мир от призраков и заткнуть уши воском, чтобы не слышать крика божественных и человеческих страстей, чтобы в конце концов в царстве идей отдыхать на постели понятного, классически выстроенного. И в более позднее время, когда центром всего становится библиотека, тленный гностицизм пытается уловить верховное Божество в сеть интеллектуальной квазимистики. В Александрийский период все устали от ложных божеств и пустых мудрствований. Мифы давно выдохлись, оставив после себя шелуху серых, безжизненных значений. Аполлона заменил волшебник Гермес Трисмегистос. Эпос становится сатирой, а на престоле мира – Римская империя. После Августа приходят такие исторические лица, как Нерон, который сжег свою столицу, Калигула, сделавший коня сенатором...

Религия, которой следует Юнг, есть обновленное язычество. Писание трактуется на основе уже существующего тленного мира.

И вот Юнг, верный последователь Гермеса, — типичный мистик позднего язычества. Интересно, что же будет, когда все откроется? Где здесь можно найти Христа? А без Христа этот мир, как сказал архимандрит Иустин Попович, «большой космический сумасшедший дом»...

А теперь об архетипах... У Юнга это учение приводит к язычеству, и я думаю, что ты это понял. Архетипов, которые проявляются в личности, много, все они «автономные животные», которые, если им не покориться, нападают на человека. Сущность архетипов безрассудочна, стихийна. В Православии все по-другому. Через человека вся тварь стремится к Богу, но соединение с Ним возможно только в Церкви, которая есть Тело Христово. Личность — это образ Божий, отражение Христа, Солнца Правды, в человеке. Но разумный человек не станет ловить тени на воде, а направит свой взгляд к Солнцу. Без высокой психологии, которая в сущности есть пневматология, то есть откровение Святого Духа, глубинная психология бродит в лабиринтах «человеческого горизонтализма».

Жаль, действительно жаль, что такие великие умы, как, например, Юнг, не приняли Православия с его чувством прекрасного и Истиной в нем. Я глубоко убежден, что в этом случае их талант не был бы зарыт в землю ересей и духовных иллюзий, а сами они и их талант были бы приумножены и внесены в сокровищницу Царства Божиего. А нам остается с Божией помощью справляться и приумножать то, что у нас есть. Ибо кто много знает и согрешает, будет много бит, говорит Господь...

Помяни меня. Твой В.Д.

*   *   *

Продолжая тему архетипов, затронутую в письме, хотелось бы более подробно рассмотреть ее с позиций православного учения о человеке.

Человек создан как образ Божий: это основная истина православной антропологии. Святые отцы без намерения исчерпать все значения образа Божия в человеке приводят несколько наших особенностей, по которым можно определить, что мы созданы с образом Божиим в себе:

1. Человек разумен, так как он сотворен как икона (образ) Христа, Логоса Отца, который есть Божия Премудрость.

2. Первый человек создан как царь природы (земной), так как Христос есть всемогущий Господь и Царь.

3. Человек свободен, так как он есть икона абсолютно свободного Сына Божиего.

4. Человек ответствен за тварь и ее соединение с Богом, но так как человек пал, то эту миссию выполняет за него Христос, воплощенная Премудрость Божия, Бог Слово.

5. Человек стоит в центре всего созданного, так как в нем, как в микрокосме, соединяются мир видимый и невидимый, духовный и вещественный (душа и тело).

Первозданный человек создан был Богом таким, что все чувства его были устремлены к Богу, к Его любви, к союзу с Ним.

Как проповедует свт. Григорий Нисский, человек велик потому, что он – микрокосм и микротеос (Бог в миниатюре, «сотворенный по иконе Творца»). Поскольку сущность Божию определить нельзя, она остается таинственной, то и сущность человека как образа Божия остается неопределимой и таинственной. Как икона не может восприниматься лишь как краски и дерево, без связи с тем, кто на ней изображается, так и человек не может быть личностью, познаваемой лишь физиологией, наукой о теле, или психологией, наукой о душевных процессах, так как он – не только тело и душа, но и личность. Истину о человеке нам может дать лишь богооткровенное учение Православной Церкви. Человек сотворен Богом единым и цельным.

Поскольку человек создан как икона Христа, Адаму нужно было возрасти и исполниться такой любовью к Господу, чтобы прийти к Нему и остаться с Ним. Логосу нужно было вступить в личностное единство с человеком. Оно произошло во Христе Богочеловеке. «Это блаженный конец, ради которого созданы все творения», – говорит прп. Максим Исповедник. По словам архиепископа Николая Кавасилы, Бог сотворил человеческую природу, чтобы, когда придет время, выбрать для Себя Мать и воспринять от Нее человеческое естество. (Имеется в виду рождение Господа Иисуса Христа от Пресвятой Девы Богородицы. – *Ред.*) Человек стремится ко Христу своими желаниями и мыслями не только потому, что он – Бог, но и потому, что это – цель всей твари. Он исполнен нашей любви. Желать чего-либо, противного Ему, – значит бунтовать против своей природы. Поэтому нужно Его вспоминать в молитве каждый час. Обращаемся ко Хрис-

ту и верим, что Он услышит нас и поможет нам. Пророк Исайя, уверивший премудрость Промысла Божия, восклицал: «Господи, Ты еси Бог мой, величаю Тя, славлю Имя Твое, Творящий чудеса».

Из этого можно заключить следующее:

1. Христос воплотился не только для того, чтобы дьявол был побежден, как полагают на Западе. Вечная Воля Божия предопределила соединение в Личности Логоса Отчего Божественной и человеческой природы. Поэтому Христом человек не только спасается от греха, смерти и дьявола, но и соединяется с Небесным Отцом.

2. Обожение невозможно без воцерковления. Нет спасения без Церкви. В Церкви – спасение.

3. В Церкви все берет начало от Христа и возвращается к Нему. Вера, надежда, любовь, пост, молитва, милосердие – для Него, Им, в Нем.

4. Во Христе человек побеждает зло. Огромная глубина греха и падения не может уничтожить истинного замысла создания человека.

5. С Христом герметический круг падения и греховности проывается в свободу Царства Божиего. Христос возрождает все сотворенное. Человеком, влюбленным в себя и в смерть, зачарованным и закрытым в своем кругу, благодать Христова переносится болезненно. Гордый ум богоотступничеством и ересью бунтует против Христа, гонит Его от себя, по-каиновски ненавидит целомудреннейшего Авеля, явившегося в роду человеческом.

Воплощенная Истина, полнота Божества в человеке – это залог истины и спасения. Это вечная несказанная радость. О слиянии противоположностей спор велся между древними и новыми язычниками. С приходом Спасителя мы получили много откровений, которые до этого человеческий ум самостоятельно постичь не мог. Мы осознали, что, как это ни парадоксально, Бог Един в Трех Ипостасях: Отец, Сын и Дух Святой. А Христос Един в двух природах – божественной и человеческой. Как Бог – Он Животворец, как человек – умирает на Кресте. Пресвятая Богородица – также преславное, великое чудо: тварь, носившая в утробе Творца, родила Христа, оставшись Пречистой Девственницей...

Какая огромная разница между православной точкой зрения и взглядом Юнга на обожение! В юнговском учении об архетипе прорисовываются картины гностической ереси. Богословы заметили, что

истинная религия теоцентрична, тогда как гностицизм – магичен. Подобно гностикам, Юнг настаивает на том, что кратчайшим путем от падения можно освободиться при помощи формул, которые подчинят себе реальность.

Православный христианин, устремленный ко Христу, благословлен своим Спасителем истинным познанием действительности, к которому он стремится. Для этого ему не нужно мучительно скитаться по пустыням заблуждений современного человечества, погрязшего во тьме богоотступничества. Это значит: к Отцам! К Святым и Боговдохновенным мужам, которые возродят нас для Царствия Божия. Об этом говорит и современный богослов иеромонах Серафим (Роуз): «Среди них мы найдем своих истинных Отцов, которых в наши дни так мало, Отцов, чья единая цель – направить нас, своих детей, по пути к Богу и Его Небесному Царствию, где нас ожидает общение с ангелами в неизреченной вечной радости».

Виктор Франкл об учении Карла Юнга

Австрийский психиатр Виктор Франкл, основатель логотерапии, создатель Венской психологической школы, – один из самых смелых критиков психоанализа Юнга как раз в той области, где эта психология касается человеческой религиозности. Сам Франкл имеет библейский взгляд на мир и на Бога, Которого он воспринимает как Живого и Истинного Творца и Спасителя человечества, а не как абстракцию гностической мифологии. В труде «Бог подсознания» он решительно свидетельствует об истинности Божиего присутствия в нас: «С точки зрения психологии, отношения ребенок – отец предшествуют отношениям человек – Бог, но онтологически это не оригинал, а копия. С точки зрения онтологии, мой физический отец, который меня породил телесно, в некоторой степени – случайный представитель Другого, Который сотворил все».

Для Франкла человек – разумное, ответственное, наделенное совестью существо, парадоксальное на всех уровнях, даже на бессознательном. Он против того, что человеческое бессознательное якобы «всесознательно» или «божественно», и против того, что это

бессознательное инстинктивно и что оно сильнее нашей свободы. В этом основная ошибка Юнга и его последователей. Они ошибочно локализовали «Бога подсознания», полагая Его источник во тьме прачеловеческого *ИДа*, с которым *ЭГО* (рассудок и подсознание) не имеет ничего общего. «Это значит, – говорит Франкл, опровергая Юнга, – религиозность нельзя отнести к коллективному бессознательному, так как она заложена в самоопределении человека, основана на решительном напряжении воли и сердца, то есть совокупного нашего существа». Последователь Юнга Бенцигер утверждал: «Мы можем говорить о религиозном инстинкте так же, как и о сексуальном, и об агрессивном инстинкте». Франкл ответил на это следующим: «Какая же это религиозность, если она на инстинктивном уровне запрограммирована на сексуальность? Спасибо за такую религиозность!» Так как аутентичная религиозность имеет характер не инстинкта, а решения, его характером она устанавливается, а характером инстинкта падает. Религиозность может быть либо экзистенциальной, либо никакой. Для Юнга, как и для Фрейда, бессознательное – это нечто, что детерминирует (определяет) личность, а для нас подсознательная религиозность (как вообще все духовно подсознательное) – нечто подспудное, которое влияет на нас, но не решает за нас и не заставляет нас.

Франкл также решительно отбросил и идею Юнга об архетипах, которые якобы являются нашим архаическим наследием. «Надо признать, – говорит венский психиатр, – что религиозные «праобразы» существуют, но они не являются архетипами нашего культурного пространства. Этот мир рисунков и символов не дан нам изначально, мы лишь родились, окруженные им. Отсюда понятно, что эти праобразы – не архетипы, а молитвы наших отцов, обряды наших церквей, откровения наших пророков, образы наших святых. Аналитическая психология человека Юнга сводится к языческому существованию примитивного религиозного сознания. Франкл на основании своего врачебного опыта и на основании библейского взгляда на мир говорит: «Аутентичная (в этом контексте – первоначальная) религиозность не имеет никакой связи с «архайкой» (в этом смысле – примитивной) религиозности. Религиозность (которая ранее существовала, а потом была отвергнута) во многих людях осталась наивной, такой, какой она была во времена отрочества». Это подсознательная вера, которую можно назвать, в наилучшем смысле

ле, детской. Возможно, она и детская (и в этом смысле наивная), но не примитивная и не архаичная, как ее трактует Юнг. В свете беспристрастного анализа здесь нет места никакой архаичной мифологии, каковая встречается в толкованиях школы Юнга; поэтому если в экзистенциальном анализе иногда и можно увидеть такое подсознательное религиозное содержание, то, скорее всего, оно просто совпадает с любимыми старыми картинками из времен отрочества.

Для Франкла, человека библейского мироощущения, каждый из нас – существо, ищущее смысл. Но не любой гностический, манипулятивный «смысл», в котором мы сами себе боги, а Смысл с заглавной буквы «С» – в Боге, Который наш добрый и самый нежный Отец.

Письмо о Гессе, поэте Абрахасовом

Дорогой, в предварительном письме ты мне сообщил о своих впечатлениях от чтения «Степного волка», «Сидхархи» и «Демьяна». Говоришь, что это невыразительно, посредственно. Ты употребил выражение (признаю, мне нравится) «метафизический сентиментализм». Я соглашаюсь с тобой и тогда, когда ты говоришь, что существует гораздо больше писателей-героев, которые более смело (и более радикально) боролись с «проклятыми вопросами». Среди них – Кьеркегор, Кафка и Тракл, этот мученик экспрессионизма, и Камю... Но не это явилось темой твоего письма. Ты хотел узнать, что я думаю о Гессе с точки зрения православного христианина. Я отвечу кратко и, надеюсь, ясно.

В то время, когда я еще не пришел к Церкви, я читал Гессе, как и большинство молодежи, – не как художественную литературу, а как жизненную философию. Я не читал, а просто глотал. Признаю: интересно написано, захватывает. Это типичная молодежная литература, и читается она в тот период, когда у молодежи возникают вопросы: «Кто я? Откуда я? Куда иду?» Здесь имеют место и возрастное чувство, недовольство собой и миром, бунт против авторитета отца и Бога Отца, неопределенное чувство, как сказал бы Зигмунд Фрейд. Кроме того, и желание магически подчинить себе мир, быть «сверхлюдьми», которых остальные, обыкновенные, люди

в силу неимения таких «глубин» и «высот» знаний не воспринимали. Читая Германа Гессе, много молодежи стало увлекаться оккультизмом и ориенталистскими (восточными) религиями. Особенно у нас, когда книги Гессе были настоящими бестселлерами среди молодежи. Она искала в этих книгах глубокое, а не плоскостное понимание смысла жизни. Духовно голодные молодые люди питались прозой Гессе, они разговаривали о ней и верили ей. В «Степном волке» читатель встречался с попытками молодого героя самоопределиться и найти смысл жизни, которые могут быть отчаянными, если для него не существует Христос.

Главный герой романа, Гарри Галлер, – мятущийся «степной волк». Окружающие его не понимают. Своей подруге Гермин он говорит: «Демон – дух, а мы его несчастливые дети. Мы отпали от естества и висим в пустоте». Это ощущение современного ребенка, причем очень эмоционального, в период возмужания. Чтобы окружающие не нанесли ему вреда, он хочет отстраниться, хочет надеть какую-то маску исключительности и иметь свой «имидж», чтобы его не узнали. В романе говорится о двух силах в душе – божественной и сатанинской, которые ощущает в себе каждый разумный и чувствительный человек. Знакомый Гарри Галлера, Пабло, «расширяет» пределы познаваемого употреблением наркотика, который дает и Галлеру... Все личности, о которых пишет Гессе, чувствуют этот мир, как «грязь», где они – «элита» чувствующих. Если хочешь достичь космической гармонии, как Гарри, надо участвовать в оккультном танце, надо путешествовать через простор «за зеркалом», где человеку предлагаются «Камасутра» и восточная мудрость. «Я», личность Гарри, распадается на легионы, которые опять собираются, и т.д.

Но наиболее характерный труд Гессе – «Демриан». Ты уже знаешь, что в этом произведении описывается, как школьный друг молодого Синклера, Макс Демриан, посвящает его в таинство «избранности». В своем чтении он говорит о том, что Каин и его последователи (духовные) были сильными людьми, т.к. боролись против «судьбы» и Бога. А Каина осуждают как преступника только слабые люди. Затем он учит ненавидеть таких, как благоразумный разбойник, который был одесную Христа, и любить разбойника, который был распят по левую сторону. Демриан показывает Синклеру силу своей воли, свои парапсихические способности и от него требует, чтобы, кроме

Бога, любил и демона, и зло. Молодой Синклер начинает пить, блудить, но душа его мечется. И наконец Синклер узнает от Демиана об Абраксасе. Абраксас представляет вместе «бога и демона», которому надо поклоняться вместо Христа.

Ты хорошо знаешь, что влияние таких идей на развращенную молодежь Запада очень велико (а сегодня весь мир является Западом). Панк- и рок-революция предлагают все попробовать, быть братьями и сестрами Каина, «степными волками». Они верили Абраксасу, который является воплощением «добротного и злого», освобождением от всех этических и общественных правил. Идеология Гессе ничем не отличается (кроме гуманистического «слоя») от идеологии английского сатаниста Кроули: «Делай что хочешь, и пусть это будет единственным законом». Гессе легко стал одним из гуру Нового Века, где идеалы христианства заменяются синкретической эпохой Водолея. Все веры во имя «всеобщего человека» — Абраксаса — объединяются...

Мигуэль Серано во время чтения романа «Демиан» чувствовал свою мощь и избранность. Здесь он нашел источник релятивизма, который его поразил. В Индии Бога «абсолютно не существует, а если бог такой немощный, тогда каков демон». Серано считает: если западный человек хочет быть целостным, тогда он должен принять Абраксаса, «Христа Атлантиды...» С такими мыслями и чувствами чилиец посетил старого Гессе. Гессе еще в первой встрече подтверждает, что «И-цзин» — книга, которая может изменить жизнь. Вера не нужна, продолжает автор «Демиана»: «Если мы можем жить в мечтах, тогда нам не нужна религия, так как с помощью мечты можно понять, как человек после смерти воплощается в универсум». То, что для нас Бог, для Гессе — это природа, Космос, не личность. Без личности любовь нельзя представить, возражает автору Серано, хотя бы на Западе. Разве это погружение в Космос не отбрасывает личность? Гессе говорит: «Истина — для удовлетворения желания. Может быть, что на Западе идея личности является источником каких-то болезней, а может быть, и проклятием нашего существования». Потом они разговаривали о Кундалини, змее индуистского тантризма, которая ведет человека «вдоль дорожки освобождения» и которая «свернута в клубок в глубине позвоночного столба и представляет райское древо...» Для Гессе Кундалини есть чистое сознание. Все-таки он считает, что

в силу неимения таких «глубин» и «высот» знаний не воспринимали. Читая Германа Гессе, много молодежи стало увлекаться оккультизмом и ориенталистскими (восточными) религиями. Особенно у нас, когда книги Гессе были настоящими бестселлерами среди молодежи. Она искала в этих книгах глубокое, а не плоскостное понимание смысла жизни. Духовно голодные молодые люди питались прозой Гессе, они разговаривали о ней и верили ей. В «Степном волке» читатель встречался с попытками молодого героя самоопределиться и найти смысл жизни, которые могут быть отчаянными, если для него не существует Христос.

Главный герой романа, Гарри Галлер, – мятущийся «степной волк». Окружающие его не понимают. Своей подруге Гермин он говорит: «Демон – дух, а мы его несчастливые дети. Мы отпали от естества и висим в пустоте». Это ощущение современного ребенка, причем очень эмоционального, в период возмужания. Чтобы окружающие не нанесли ему вреда, он хочет отстраниться, хочет надеть какую-то маску исключительности и иметь свой «имидж», чтобы его не узнали. В романе говорится о двух силах в душе – божественной и сатанинской, которые ощущает в себе каждый разумный и чувствительный человек. Знакомый Гарри Галлера, Пабло, «расширяет» пределы познаваемого употреблением наркотика, который дает и Галлеру... Все личности, о которых пишет Гессе, чувствуют этот мир, как «грязь», где они – «элита» чувствующих. Если хочешь достичь космической гармонии, как Гарри, надо участвовать в оккультном танце, надо путешествовать через простор «за зеркалом», где человеку предлагаются «Камасутра» и восточная мудрость. «Я», личность Гарри, распадается на легионы, которые опять собираются, и т.д.

Но наиболее характерный труд Гессе – «Демриан». Ты уже знаешь, что в этом произведении описывается, как школьный друг молодого Синклера, Макс Демриан, посвящает его в таинство «избранности». В своем чтении он говорит о том, что Каин и его последователи (духовные) были сильными людьми, т.к. боролись против «судьбы» и Бога. А Каина осуждают как преступника только слабые люди. Затем он учит ненавидеть таких, как благоразумный разбойник, который был одесную Христа, и любить разбойника, который был распят по левую сторону. Демриан показывает Синклеру силу своей воли, свои парапсихические способности и от него требует, чтобы, кроме

Бога, любил и демона, и зло. Молодой Синклер начинает пить, блудить, но душа его мечется. И наконец Синклер узнает от Демиана об Абраксасе. Абраксас представляет вместе «бога и демона», которому надо поклоняться вместо Христа.

Ты хорошо знаешь, что влияние таких идей на развращенную молодежь Запада очень велико (а сегодня весь мир является Западом). Пунк- и рок-революция предлагают все попробовать, быть братьями и сестрами Каина, «степными волками». Они верили Абраксасу, который является воплощением «доброего и злого», освобождением от всех этических и общественных правил. Идеология Гессе ничем не отличается (кроме гуманистического «слоя») от идеологии английского сатаниста Кроули: «Делай что хочешь, и пусть это будет единственным законом». Гессе легко стал одним из гуру Нового Века, где идеалы христианства заменяются синкретической эпохой Водолея. Все веры во имя «всеобщего человека» – Абраксаса – объединяются...

Мигуэль Серано во время чтения романа «Демиан» чувствовал свою мощь и избранность. Здесь он нашел источник релятивизма, который его поразил. В Индии Бога «абсолютно не существует, а если бог такой немощный, тогда каков демон». Серано считает: если западный человек хочет быть целостным, тогда он должен принять Абраксаса, «Христа Атлантиды...» С такими мыслями и чувствами чилиец посетил старого Гессе. Гессе еще в первой встрече подтверждает, что «И-цзин» – книга, которая может изменить жизнь. Вера не нужна, продолжает автор «Демиана»: «Если мы можем жить в мечтах, тогда нам не нужна религия, так как с помощью мечты можно понять, как человек после смерти воплощается в универсум». То, что для нас Бог, для Гессе – это природа, Космос, не личность. Без личности любовь нельзя представить, возражает автору Серано, хотя бы на Западе. Разве это погружение в Космос не отбрасывает личность? Гессе говорит: «Истина – для удовлетворения желания. Может быть, что на Западе идея личности является источником каких-то болезней, а может быть, и проклятием нашего существования». Потом они разговаривали о Кундалини, змее индуистского тантризма, которая ведет человека «вдоль дорожки освобождения» и которая «свернута в клубок в глубине позвоночного столба и представляет райское древо...» Для Гессе Кундалини есть чистое сознание. Все-таки он считает, что

западники как раз не могут успешно заниматься йогой: у них нет склонности к созерцательному познанию, которое есть в Индии...

Трагична была кончина Гессе: он примирился с тем, что «потерял себя» ради «перехода в чистую форму». В конце жизни он написал песнь «Шелест надломленной ветви», говоря о ветви, как о себе: «без листьев, без коры, бесплодная и бледная».

Известно, что благовестие Христа – это благовестие о бесконечной ценности личности, о человеке, который приглашен, чтобы через Церковь Христову быть с Богом и чтобы, будучи созданным из праха земного, стать чадом Божиим. Я спрашиваю себя, почему нынешний человек так мало хочет и желает стать чадом и так сильно хочет стать богом для самого себя... И почему гордость скрывает, как и Гессе, так много «метафизического сентиментализма».

Приветствую Вас во Христе...

Ваш В.Д.

«Credo» («Верую») Гессе и Юнга и учение Православной Церкви

Завершая подробное рассмотрение философских взглядов Карла Юнга и Германа Гессе, подчеркнем те основные моменты, в которых эти взгляды отличаются от учения Православной Церкви.

Несколько черт «Верую» Гессе и Юнга:

1. Вера в то, что Бог есть Естество, Универсум, безличный океан блаженства (Гессе), или Демиург, немощное существо, которому человек нужен, чтобы «осветить Божию тьму» (Юнг).

2. Вера в Абраксаса. Абракас – божество, объединяющее добро и зло, истину и ложь. Абракас есть Бог и демон.

3. Вера в то, что человек с принятием плода с древа познания добра и зла сделал что-то положительное и это его подтолкнуло к развитию сознания. Адамово падение Юнг истолковал как выход из первоначального единства растений, животных, человека и Бога. Приняв запретный плод, Адам якобы потерял рай несознательного. Теперь он возвращается к первоначальной совокупности, но имеет развитое сознание. Как уверяет Юнг, это сознание и «есть самый ценный плод древа познания, магическое оружие, которое принесло победу над землёй и которое, надеемся, принесет еще большую по-

беду над собой». Для Иоланды Якоби, его коллеги, первородный грех есть «источник всего человеческого развития, он заставляет нас идти вперед к еще большему развитию нашей психики и нашего мира, а также к освящению нашего отношения к Богу и Его воздействию на нашу душу через символ личного».

4. Одержимость Индией и ее языческим пантеизмом. И для Юнга, и для Гессе Индия есть «архетипная почва». Западный человек не может принять индийский способ мышления, но якобы может обогатить свой духовный опыт.

5. Придание исключительного значения змеинному энергетическому столбу (Кундалини), через воздействие на который в человеке как будто бы зарождается «третий глаз» и появляется способность к мистическому опыту.

6. Вера в действие алхимических и магических ритуалов для достижения человеком «личного идеала». Вера в реинкарнацию, астрологию, различные виды колдовства.

7. Равнодушие к Христу (Гессе) или отношение к нему как к человеку-герою, «вестнику» Святого Духа, который не является истинным Богом (Юнг). Как учитель Христос подобен Будде, Конфуцию, Кришне.

8. Вера в свои мечты, видения, сны. Гессе считал, что «мечта заменяет религию», а Юнг контактировал с неким «духом». (Две большие части его автобиографии посвящены описанию видения, в котором он имел контакт с «духом»).

9. Вера в то, что надо жить в согласии со своим естеством (своей природой), т.е. «надо следовать личному пути и воле, к которым ты пришел в результате личного опыта».

10. Неверие в Истину и Надежду, открытые Богом.

Учение Православной Церкви разительно отличается от вышеописанного.

1. Бог не есть ни природа, ни Космос, ни Универсум, ни Демиург, который, борясь против хаоса, нуждается в помощи. Он есть Святая Троица в триединстве (Отец, Сын и Дух Святой), Творец, Спаситель и Утешитель. Господь из небытия в бытие привел мир Своей волей (мира могло и не быть); существование мира поддерживается Его любовью. Бог хочет, чтобы человек стал через Христа Его усыновленным чадом, но человек после грехопадения сам по

себе и сам для себя существо тленное, на смерть осужденное. Он не может просветить свою тьму, пока в нём не засияет светлый огонь Духа Святого. Наш Бог, как свидетельствует Апостол, есть свет, и нет в Нем никакой тьмы.

2. Бог не может быть в одно и то же время добрым и злым, так же как истина одновременно не может быть ложью, а жизнь – смертью. Бог не сотворил зло, оно есть результат злоупотребления разумными существами своей свободной волей: сначала – ангелы света восстали против Творца и стали бесами, а потом через Адама грех отравил всё сотворенное... А Абраксас – «бог-демон» – есть не что иное, как демон. Еще св.мч.Ириней Лионский в своем сочинении «Против ереси» писал об этом.

3. Бог сотворил человека, чтобы человек Его познал и чтобы, живя в союзе с Ним, получил вечное блаженство. Что касается древа познания добра и зла, то, как говорит святой Феофил Антиохийский, оно было прекрасно, и плод его был прекрасен. И оно не было смертоносным, как некоторые думают; вкушение его плода было несоблюдением заповеди. В плоде не было ничего другого, кроме познания. А познание прекрасно, если мы им хорошо пользуемся.

Когда Господь сотворил Адама, он еще был духовным младенцем, и для него не была полезна твердая пища познания добра и зла, а полезно было молоко смирения. И именно поэтому, а не из зависти, Господь ему запретил есть плод; он желал испытать его послушание, сохранив Адама в простоте и невинности. Но демон обманул прародителей, и они захотели неблагодарно, магически, стать богами. Этим они лишились общения с Жизнью – Господом и впали в грех и смерть.

Очевидно, что вкушение плода познания добра и зла не принесло никакого «просветления», а, напротив, явилось входом во тьму. Человек был облечен Богом в «кожаные одежды»: рождение от плотского сношения, как у животных, взросление, старение, необходимость кормиться тленной пищей. Его первоначальное любовное познание разбилось на множество частей: религия, наука, искусство, ремесло. А животные начали восставать на человека – так его изменил грех. Роды в муках, жизненные несчастья, болезни, разбушевавшиеся стихии природы, наводнения и землетрясения, да и сама смерть, такая страшная смерть – всё это пришло в мир по причине грехопадения.

А гностики — и древние, и новые, такие, как Гессе и Юнг, — верили в силу знания, которое автоматически обожествляет обладающих им; поэтому бунт Адама против Бога они считали «прогрессом». Сам гностицизм склоняется к обожествлению зла, как «равно-сильного божественному», как необходимого элемента в процессе освобождения души от материальных оков. Чтобы освободить себя от этого мира, гностик воздерживается от всего чувственного, с отвращением его отбрасывает (через запрещение брака, измождение постами, приводящими иногда к смерти) — или предаётся блуду, чтобы разрушить свое тело, в котором «обитает разнузданная душа» (это путь и «степного волка», и молодого Синклера в романе «Демриан»).

4. Индия, страна, в которой был распят св. Апостол Фома, не захотела принять Евангелие и осталась в аду своих «33 миллионов богов» (среди них есть и людоедка Кали, которой до недавнего времени приносили в жертву детей и девушек). В Индии считают, что природа есть иллюзия (Майя), рождение — проклятье, а душа — капля божественной субстанции, которая через реинкарнацию возвращается в океан Брахмана или в «ничто» нирваны. Индия, по словам епископа Николая Велимировича, — это страна «стеклянных глаз» и несогретого Христовой любовью сердца, страна, где много людей, которые разочаровались в жизни и нуждаются в том, чтобы в их стране благовестили Бога — воплотившегося Логоса Христа. Индии необходимо новое рождение — Крещением, упразднение страшной зависимости от кармы, омовения ее глаз блестящей росой Воскресения.

Что касается обогащения духовным опытом Индии, посмотрим, что говорит русский мыслитель Николай Трубецкой: «Можно ли создать синтез христианства и мистики Индии? Можно ли совместить христианство с религией Индии, чтобы от их совместной общественной жизни произошла какая-то новая, обоюдно принятая «высшая» религия? Никак невозможно. Христианство всегда подчеркивало существование метафизического зла, противопоставленного и противного Богу, а религиозная мысль Индии никогда не знала проблем борьбы добра и зла — это два исключających мировоззрения».

Только на первых порах можно впасть в заблуждение, приняв во внимание внешнее сходство проявлений религиозной жизни в индуизме и христианстве. «Умное деланье» в брахманизме, умерщвление плоти, всепрощение и самопожертвование в буддизме при

подробном рассмотрении оказываются направленными к цели, прямо противоположной христианской. Тот факт, что достижения, которые всегда, как у индусов, так и у христиан, проявляются на высшем уровне духовного развития, у индусов используются ради «сатанинских» целей (обретения магических сил или духовного самоубийства), свидетельствует о том, что существует глубокая пропасть, еще больший разрыв между индуизмом и христианством. И любой компромисс невозможен. Не может быть компромисса между Богом и сатаной.

А между тем Индия с христианской точки зрения – самый сильный оплот сатаны. Благодаря индийскому учению о переселении душ и «аватаре» (воплощении бога Вишну) проповедь Евангелия в Индии очень непроста, так как представление о Сыне Божием, принявшем человеческое естество, у каждого индуса ассоциируется с воплощением бога Вишну (который воплощался в тела животных – льва, рыбы, дикой свиньи). Таким образом, воплощение Сына Божиего в представлении индусов теряет свое исключительное значение, несомненное для каждого христианина.

Индус может принять христианство только путем сильнейшего внутреннего переживания и убеждения, которые произвели бы сущностный переворот во всей его религиозной психологии, унаследованной от предков с материнским молоком, – только путем разрушения этой психологии до самого основания – так, чтобы не осталось камня на камне... До тех пор, пока не произойдет это обращение, христианин не сможет смотреть на индуса иначе как на несчастного заблудшего человека, пленника сатаны, лишённого истинной веры и спасения; любую мысль о синтезе христианства и одной из индийских религий необходимо отвергнуть.

5. Возведение в ранг божества змеи и «змеиной энергии» в любом смысле есть сатанизм, так как это тот змей, который обманул наших прародителей. Часто там, где не почитают Бога Живого, змей находится в центре языческого культа. В Индии есть Кундалини, в Китае поклоняются дракону, огромной змее с крыльями (в даосизме это символ «Логоса»); на короне египетского фараона изображены две змеи, означающие единство Верхнего и Нижнего Египта; ацтеки приносили жертвы «крылатому змею» Кецалькоатлю. Это тоже плод языческого верования в то, что добро и зло принадлежат божественной сфере. Русский философ А.Ф.Лосев, говоря о демоническом на-

чалё в музыке Скрябина, пишет: «Только язычество может быть сатанинским, потому что в язычестве обожествляется мир с его несовершенством (пантеизм – В.Д.). Сатанизм есть обожествление материи и зла... В действительности и христианство признает бесов – без них было бы непонятно появление зла в мире. Но христианство знает, что демоны несут в себе зло, и для борьбы с ними существует действенное средство: все они падают перед лицом Божиим, креста достаточно, чтобы они потеряли силу. Язычество не чувствует зла в сатанизме. Язычники любят своих демонов, им молятся (вспомним хотя бы близкие отношения Юнга с Филемоном. – В.Д.); они не могут допустить их сокрушения или лишить их силы. Напротив, в язычестве сатанизм есть принцип религии и красоты, и верующие находятся в сокровенном союзе с ним (поэтому Демиан Синклер советует обожествлять Абракасаса. – В.Д.)... Тогда зло больше не является злом, тогда оно есть божественная стихия»...

6. Для Серано, оккультиста-практика, без сомнения, психоанализ Юнга и узкая стезя инициации в оккультизме имеют одну духовную сущность: «Он сам участвовал в мистериях, как человек, который претворяет в жизнь дело гностика и алхимика, но возможно, что он (Юнг. – В.Д.) сначала хотел остаться в стороне». Гностики и алхимики создавали символы не для психического анализа, а для магии. Юнг, хотя и боролся с магией, был чародеем, который часто переходил границы науки как она понимается в последние триста лет. Мы думаем, он это знал, когда сказал, что «его понять могут только поэты». Конечно, Юнг это знал. Он сказал Ричарду Эвансу, что только гностики и алхимики до него занимались вопросом архетипов, а о Парацельсе он очень ясно говорит: «Уже давно мне ясно, что алхимия не только мать химии, а первая ступенька сегодняшнего психологического бессознательного». Целью гностико-алхимической практики было соединение сознания с бессознательным, создание цельной личности, что является задачей глубинной аналитической психологии. По мнению Юнга, архетип – это путь к личности; достигнув высшей ступени развития личности, человек вступает в «диалог со своим личным (персональным) богом», что, однако, не доказывает его существования (рассуждение Карла Юнга об архетипе носит гипотетический характер, и нет доказательств его реальности. – *Прим. ред.*).

Продолжая говорить об анализе Юнга, Серано считает, что он

ведет к «алхимическому «браку» аналитиков и пациентов, в котором они друг друга обогащают». Это любовь с королевой из Сабы, от которой рождаются не телесные дети, а дети воображения. Процесс магической индивидуации помогает соединению противоположностей «в душе всякого любовника». Чтобы достигнуть цельности, у дьявола есть главное орудие – он нам помогает довольствоваться самим собой. Для язычников символ окончательной индивидуации есть круг, или «уроборос», – змея, поедающая свой хвост, а для христиан «уроборос» есть олицетворение дьявольской самодостаточности.

Серано сопоставляет психиатрическую практику Юнга с индийским тантризмом, где просыпается уже упомянутая Кундалини – энергия; это, как считает Юнг, своенравная змея, которая находится в основании позвоночного столба, эмоциональная энергия, которая течет рядом с позвоночным столбом, соединяя высшее и низшее. Цель тантрического процесса – открытие «третьего глаза», постигаемое путем длительного полового экстаза, который вызывает идольская блудница в молодом и невинном человеке (а для индусов блуд то же самое, что и девственность в мистическом смысле). Затем происходит половой акт, в течение которого молодой человек не эякулирует, а «оплодотворяет себя» (опять дьявольская самозакрытость, магическое самодовольство: даже в блуде нет общения с другим лицом, но только с собою)... Юнг вместе с Гессе пользовался китайской волшебной книгой «И-цзин», считая ее непогрешимой, так как посредством ее осуществляется взаимодействие души и природы. Он ее рекомендовал Серано и своим ученикам. Способ колдовства с помощью книги «И-цзин» состоит в идолатрическом поклонении ей, через которое происходит опустошение ума (освобождаемого для сатанинского внушения); осуществляется колдовство бросанием палочек, при котором выбирается какая-то из «пророческих» гексаграмм. Толкования гексаграмм очень неясны, но при помощи сатаны человек их толкует так, как этого захочется сатане.

Это гадание ничем не отличается (кроме мистических традиций Востока, откуда оно происходит) от колдовства с кружкой, картами и других примитивных, по мнению нынешних интеллектуалов, видов предсказания будущего. Швейцарскому психиатру не была чужда и астрология. Юнг признавался: «Если я не могу пациенту поставить диагноз, я посылаю его сделать гороскоп, соответствующ-

щий его характеру, и тогда истолковываю его психологически» (т.е. если психология не помогает, астрология бывает полезна). Чтобы осуществить герметические идеи на практике, Юнг построил башню в Боллингене. На стенах он нарисовал идолов, магические символы, записал мысли гностиков об алхимиках Древнего Египта.

Суеверие, магия, астрология, гадание – всё это наследие падшего Адама вместе с отцом лжи и его воинством. В Ветхом Завете ясно говорится: «Пусть не найдется у тебя ни человека, проводящего сына своего или дочь свою чрез огонь, ни знахаря, гадателя, ворожея, чародея, обаятеля, вызывающего духов, волшебника и вопрошающего мертвых» (Втор. 18, 10–12). Юнг считал, что бессознательное есть *via regia* (королевский путь) к достижению *unus mundis* (единства мира). Так как слова потеряли силу, нам нужны жесты волшебников, а наука должна объединиться с алхимией. Одно из учений, «new age-физика», так называемая «голографическая парадигма», настаивает на связи магии, восточного мистицизма и науки. Пророчество Юнга осуществляется и в другом смысле: через «New Age» человечество стремится к *unus mundis*, миру, который становится всё более похож на гедоническую темницу Великого Инквизитора Достоевского.

7. Единственный Спаситель мира от греха, смерти и дьявола есть Христос. Сравнить Его с идолами или языческими мудрецами – то же самое, что сравнивать жизнь со смертью. Кто не признаёт Христа как Бога (а Запад Его так и не признаёт уже веками), тот сознательно или бессознательно встает на сторону ереси. Для Гессе и Юнга Христос – только герой или символ высокоразвитой личности. Некоторые говорят, что у Юнга в рабочем кабинете было изображение Христа и св. ап. Иоанна Богослова. Но у него были и статуи Будды и Шивы. Не надо забывать, что любимыми символическими личностями гностиков были Христос и св. ап. Иоанн Богослов. Причину этого раскрыл св. мч. Иринеи Лионский в своей книге «Против ереси». Гностики верили в существование прабытия, праначала, Бездны. Бёмовский *Ungrund* через связь с женским началом «Софией» рождает «Ум», равный «Отцу», а с «Умом» якобы рождается Истина. До нее эмануруют Логос и Жизнь, праформа цельности; от Логоса и Жизни появляются Человек и Церковь и т.д. – всё по пифагорейским тетрадам.

Доказывая свои басни, гностики ссылались на Пролог Еванге-

лия от Иоанна, где говорится о Логосе на якобы гностический манер. Св.мч. Иринеи Лионский говорит: «Видно, что их учение ошибочно. Иоанн свидетельствует об одном Всемогущем Боге, от Которого всё исходит. Он объявляет Его как Сына Божия, Единородного, как Творца всего, как истинный Свет, который озаряет каждого человека; Он вселился в нас. А они, как слепые, искажают изложение, хотят, чтобы Единородный по очереди был кем-то другим, которого они называют Началом; называют Его то Спасителем, то Логосом, то Сыном Единородным, то Христом – все для того, чтобы постигнуть цельность». (Веруя в конечную цельность, гностики верили и в апокастазис – спасение дьявола и нераскаявшихся грешников вопреки их воле). Св.мч.Иринеи добавляет: «Услышьте, безумные! Иисус, Который пострадал за нас, Который вселился в нас, – именно Он есть Слово Божие». Что касается их ссылок на Библию, ясно, что они «придумали себе веру», «охвачены лживым сном, нападают на Писание».

8. Трезвый аскетизм Православной Церкви ведет решительную борьбу со всеми видами мечтаний и снов, которые возмущают ум и сердце человека, повергая его в плен к демонам, ловким обманщикам легковверных людей. В житиях святых есть множество примеров, когда гордые и неопытные христиане впадали в прелесть, веря видениям от демонов. Нет ничего странного в том, что Юнг и Гессе были в состоянии, которое в Православии называется прелестью, так как жили вне благодатной почвы Церкви; поэтому их религиозные поиски не могли увенчаться ничем, кроме демонических откровений. Странно, что те, кто живет на православном Востоке, принимают их откровения без критического рассуждения.

Здесь надо видеть разницу между мечтой, фантазией и воображением; этой разницы многие современники не замечают, считая, что без мечты нет ничего творческого. Мечта – это не творческое свойство души, основанное на принятии вымышленных, бесполезных и вредных картин, приводящее в одно мгновение к психическому наслаждению (при том, что ум в таком состоянии не бодрствует). Воображение же – это творческая сила, средоточие души, которая бодрствующим умом воспроизводит картины того, что мы хотим сделать.

Эмиль Золя в одной из своих книг замечает: «Сновидения вредны даже и тогда, когда они превращаются в невинную игру пред-

ставления. Представления – это идолы, они оказывают влияние на дух. Нельзя допускать, чтобы дух пускался в бесцельную мечту и чувствовал к ней влечение. Это состояние представляет собой первый шаг ко греху, и это именно те сновидения, которые, представляясь самыми простыми, приносят больше вреда. Соня – это человек нечувствительный, самодовольный, он занят собой, нерешительный, неспособный быстро реагировать и оценивать ситуацию.

«В настоящее время, – говорит Золя, – почти полностью утеряно соприкосновение с трансцендентной идеей, абсолютной истиной. И вследствие этого разница между сновидениями и воображением не определяется». Сновидения представляют собой фундамент магии, а волшебство – намеренное подстрекание диких мечтаний. Оно вырастает из ненависти к Красоте и Истине и охраняется ритуалами, которые извращают литургию, способствующую смирению и спасению. Поэтому икона – самая чистая, неискаженная форма воображения. Что касается видений, святые отцы рекомендуют следующее: «Если видение от Бога, нужно считать, что я недостоин его увидеть, а если от дьявола, я не хочу его видеть». Св. Григорий Синаит предупреждает: «Когда, делая свое дело (молясь. – В.Д.), увидишь свет или огонь снаружи или изнутри, или какой-нибудь образ, не принимай его, дабы он не ранил тебя. Не создавай себе иллюзии, не обращай на нее внимания и не позволяй уму ее принять». Свт. Феофан Затворник говорит: «Если будете держать у себя картины, то будете молиться мечтам. Есть только один путь – молитва сердца... Вспомните сказку про старика, который всегда представлял себе образ Бога. Когда же ему объяснили, что так делать нельзя, он возразил: «Вы отняли у меня Бога». На самом же деле у него отняли не Бога, а его мечту».

Сновидения, по учению Церкви, могут быть откровениями (как чаще бывает) от дьявола, но могут быть и от Бога. Обыкновенно они представляют собой обработку наших дневных впечатлений. От дьявола бывают ложные сновидения, которые смущают человека и отвлекают его от истинной веры. Сновидения от Бога бывают редко, они даются или святым, или закоренелым грешникам. Святым сновидения бывают как откровения о будущем либо о рае, а грешникам – как картины вечных мук, которые ожидают их в аду, если они не покаются. Основное мнение Православной Церкви о том, что касается снов, высказано Иисусом, сыном Сираховым: «Гадания и при-

меты и сновидения — суета, и сердце наполняется мечтами, как у рождающей. Если они не будут посланы от Всевышнего для вразумления, не прилагай к ним сердца твоего. Сновидения многих ввели в заблуждение, и надеявшиеся на них подверглись падению» (Сир.34,5–7). В Древнем Патерике описан случай «великого подвижника», который, к несчастью, верил в свои сновидения. Бесы его обманули, показав ему, что все христиане идут в ад, а иудеи — в рай. И он покинул монашество и перешел в иудаизм, борясь против Христа. Когда же он умер, то пошел в ад.

Юнг утверждал, что нами, сознательными существами, руководит бессознательное, так как бессознательное обладает знанием. Именно оно управляет нами, а не мы им. По Юнгу, архетипы имеют животворный для человеческого разума характер. По его мнению, они имели собственный рассудок и психологическую жизнь. Они — и боги, и демоны, и иллюзии в одном. Юнг сверх всякой меры предавался стихии примитивного, анимистического переживания мира, что видно из разговора Мигуэля Серано с его ученицей Рут Бейли. Описывая поведение Юнга в башне в Боллингене, она говорит следующее: «Человек, который лечил душевнобольных людей, приветствовал посуду, утверждая, что тарелки и кувшины его «понимают и благодарят». Любимыми его собеседниками были посуда и плитка, с которыми он разговаривал в одиночестве и считал их своими приятелями». Он убеждал и Рут Бейли участвовать в этом диалоге... При таком описании психического состояния Юнга благочестивый сербский крестьянин перекрестился бы.

9. Человек должен жить в гармонии со своей природой (естеством), но не с той природой, которая запятнана грехом Ветхого Адама; он должен жить в Церкви, где эта природа преобразается в Новом Адаме — Христе Спасителе. Из утверждения, что человек должен жить по своему усмотрению, Юнг сделал следующее заключение: «Следуй своему разумению, к которому пришел своей волей, благодаря своему опыту, так как это — истинное выражение твоей индивидуальности». Одним словом, как говорил сатанист Алистер Кроули, «делай что хочешь, и пусть это будет для тебя единственным законом». Тот, кто живет в стихии своего падения, действительно, не в состоянии исполнять больше, чем свою волю, ведущую в небытие, к адскому одиночеству. Для человека, обновленного во Христе, предлагается совершенно иное: «Господи, не знаю, чего про-

сильнее мне у Тебя. Ты один ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня больше, нежели я могу любить себя» (Из молитвы свт. Филарета Московского).

10. Цель индивидуации – не союз с Богом, а целостность личности. Иоланда Якоби (одна из первых последовательниц и учениц Юнга) говорит: «Любая религия – узкая и догматическая вера, она не подразумевает встречи с Богом». Аналитическая психология считает все вероисповедания идентичными. С психологической точки зрения человек может стать психически уравновешенным и целостным, независимо от того, мусульманин он или буддист, иудей или христианин. «Несомненно, существуют определенные формы веры, которые соответствуют природе человека, базируясь исключительно на личном рассуждении и чувстве ответственности, которые в будущем поддержат его и усилят в нем чувство уверенности», – говорит Якоби. Вот перед нами врата в экуменизм и синкретизм, где нет Откровения Истины как Любви и Премудрости Божией; последователи же Юнга уверяют, что все другие религии более истинны, чем христианство, учитывая их психическую уравновешенность. Для православных ясно, что означает: «Веруем во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь». Это значит: мы веруем в Церковь, которая несет спасение, так как Христос – Дерево Жизни, без которого мы – сухие ветви, которые ломает сильная нога «князя тьмы».

* * *

Сделаем некоторые выводы

Мигуэль Серано, оккультист, друживший с Юнгом в конце его жизни, вспоминает, что в одном разговоре с ним он почувствовал взгляд Юнга «прямо в глаза». У Серано возникло впечатление, что перед ним воплотившийся Абрахас, демон, бывший одним из важнейших юношеских символов Юнга. Также он говорит: «Я ощутил внезапный холод, и мне показалось, что я слышу отдаленные голоса, исходящие из этого существа». Дочь Юнга говорила о молнии, которая после смерти отца во время бури ударила в столетнее дерево. Под этим деревом Карл Густав Юнг провел в размышлениях большую часть своей жизни, думая и записывая. Некоторые истолковали это событие прибытием Юнга в «центр космических сил».

Алексей Толстой в романе «Князь Серебряный» описывает похожий факт: церковь на дворе Александровской слободы, которую построил Иван Грозный и в которой он со своими опричниками разыгрывал монаха, через год после его смерти была сожжена дотла ударом молнии. Есть ли какая-то связь между этими двумя фактами? Кто знает...

Воплотившийся Абракас... Филемон... гностик... Человек, уверенный в том, что его жизнью управляет демон, Карл Юнг был пастырем многих душевнобольных. И сегодня он является идеалом для многих европейских и мировых мыслителей и психологов. Св. Иоанн Лествичник говорил: «Нельзя, чтобы лев охранял овец, недопустимо, чтобы тот, кто сам раб страстей, руководил одержимыми страстями. Ужасная картина – лиса среди куриц. Нет ничего хуже раздражительного пастыря: лиса душит куриц, а он вносит панику в их разумные души и губит их». И еще: «Души кротких людей исполняются знанием, а гневливых – повергаются во мрак и незнание».

Гностическая змея, которую так почитал Юнг, змея из райского сада, конечно же, не может вползти в душу кроткого человека.

То веруя, то не веруя, то пытаюсь навязаться учителем и преобразить человека, полный сомнений и колебаний, Юнг подтверждает слова ап. Павла: «Если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может» (2Тим.2,13).

Известно, что мы живем в апокалиптическое время, время ложных пророков и ложных христов, которые, прячась под различными личинами политических вождей, волшебников и гуру, книжников и психологов, стараются прельстить и избранных. И это не переход в «эпоху Водолея», что якобы означает мир и гармонию всех вер на земле, но плод конечного отхода от Христа и Церкви, что ведет к самоуничтожению нашего рода, если мы не покаемся и не возвратимся в лоно Церкви. Человечество, по Юнгу, поступает безрассудно и нуждается в том, чтобы «дотянуть до новой религиозности», религиозности, которая с начала человеческой истории попускает принесение своих собратьев в жертву дьяволу (с 1966 года в США официально существует «церковь» сатаны, и несколько тысяч людей погибают в черных мессах).

Ни по стилю жизни, ни по способу мышления Гессе и Юнг не являются христианскими писателями. Не вдаваясь в причины их

личной трагедии (а на Западе бывает трудно или невозможно встретить Откровение Православной Церкви), мы утверждаем, что они – язычники, охваченные магическим миропониманием.

В настоящее время человек становится как будто бы более религиозным. На самом же деле он обращается лицом к некой абстрактной религиозности, но все менее обращается к Богу Живому. Это явление губительно, поскольку в таком случае человек все более отдается во власть культов и суеверий язычников. Чудо возможно, чудеса происходят и сегодня: человек открывает для себя духовный мир. Но чудо – не критерий истинности. Чудо спасает только в том случае, когда оно приводит человека ко Христу, когда оно пробуждает в человеке веру в Богочеловека и делает его членом Тела Его, членом Церкви. Целостность, о которой мечтали Гессе и Юнг, не является тем же, что и Бог, и Бог не сравнится с «бессознательным», с пустотой, ничтожностью и хаосом. В вопросе духовности нельзя смешивать истину и ложь. Для нас Бог – не нечто неизвестное (он неизвестен для западных агностиков и новых идолопоклонников), а Эммануил, Бог-с-нами, Распятый и Воскресший Мессия, Чьим Телом и Кровью мы причащаемся; Агнец, который взял на Себя грехи мира. И какая же связь в таком случае существует между Христом и Велиаром, демоном Абраксамом? Какова связь между Его Церковью и идолопоклонничеством старых и новых безбожников?

Припоминая размышления Карла Густава Юнга, Серано заключает: «Возможно, он был волшебником, который, в отличие от святых, не хотел войти в союз с Богом и не хотел достичь Его спокойствия, а ограничился вечным путешествием с несчастьями, которые оно несет».

Мы понимаем несчастье как «не-встречу» с Богом (по-сербски «не-срешту»; по-старосербски «срешта» – «встреча»). Это несчастье постигло Юнга, поэтому нет причин вдохновляться плодами его скитаний, если мы живем в союзе с Господом и прекрасными и чудесными Святыми Его.

Карл Юнг – учитель и пророк движения Новой Эры («Нью Эйдж»)

Идет время, и теперь, в конце XX века, уже Карл Густав Юнг становится кумиром, учение которого поднято на щит современными язычниками. Своим учителем и пророком его считают многие мыслители движения «Нью Эйдж».

Забывшему Христа и Евангелие западному человечеству нельзя было оставаться в настоящем атеистическо-материалистическом состоянии. Душа не терпит пустоты. Если она потеряла Бога, ей нужны идолы; если, как слепая, она не получит света Истины, ей нужен искусственный свет лжи. И действительно, расцвет оккультизма и восточных учений на Западе заменил христианство; в конце прошлого и начале нашего века (на основании теософии и антропософии) была создана сатанинская антипятидесятница: для людей, отошедших от Христа, князь тьмы послал злых духов, дабы они были их учителями и воспитателями и вели бы их к вечной смерти. Не случайно XX век – это век «атомной техники и этики джунглей» (архимандрит Иустин /Попович/), и в этом веке сотни миллионов людей погибли в страшных войнах. Можно сказать, что исполнилось все то, что демон, хвастаясь, сообщил св. Андрею Юродивому, говоря, что в последние дни люди станут хуже дьявола, что маленькие дети злом превзойдут старых людей, и тогда он, лукавый, не будет учить человека ничему – многие будут выполнять его волю сами.

Следовательно, отступничество привело к открытому и желаемому общению с демонами, которые являются в виде духов-проводников или инопланетян. На Западе активно развивается движение «Нью Эйдж», основной целью которого является создание объединенной мировой религии и объединенного государства, и его правителем будет Россия нового времени. Движение охватывает все восточные и оккультные секты, в нем также принимает участие каждый, кого интересует целительство, астрология, магия, гадание на картах Таро и т.д. В движении участвуют экологи, феминистки, гомосексуалисты, т.е. все те, кто борется за признание исключительности своих прав; есть и ученые, которые говорят, что пришло время, когда натуралисты должны объединить свои усилия с экстрасенсами и восточными гуру по требованию «Высшего Разума» с целью

перехода человечества в новую фазу эволюции. Откуда приверженцы черпают вдохновение? Конечно, из оккультно-магических сочинений, но и не только оттуда. Есть один очень популярный метод, называемый «канализированием». «Канализировать» – это предоставить себя, свою душу, тело, ум в распоряжение какой-то «космической интеллигенции», инопланетянину, духу покойного, который через человека сообщает свои поучения и советы по поводу наступающих времен.

Эти поучения записываются на бумагу или на аудио- и видеокассеты. Из них составляются книги, и ими руководствуются последователи «Нью Эйдж». В газете «Лос-Анжелес Таймс» от 5 декабря 1986 года журналистка Линсмит сообщила, что только в Лос-Анжелесе живут более 1000 «проводников» («channels»), через которых духи объявляют миру о новых учениях. В США есть газета «Spirit Speaks» («Дух говорит»), которая посвящена только откровениям духов. Деньги, которые добываются от визитов к «проводникам», составляют сумму от 100 до 400 млн. долларов.

Телевидение постоянно пропагандирует такого рода «духовность». С духами общаются популярные актеры: Майкл Йорк, Линда Эванс, Шарон Глас, Ширли Маклейн. От 600 до 800 человек каждую неделю ходят слушать, как из Джека Парсела говорит Лазарис – наиболее популярный в Америке инопланетянин. Неслучайно 67 % американцев утверждают, что они имели такие «сверхчувственные» контакты, а 42 % верят в то, что контактировали с мертвыми. Мода на «канализирование» пришла и в свободомыслящие «церкви», такие, как, например, англиканская. Лаура Камерон Фрейзер, женщина-«епископ» северного Пацифика, общается с духом, который представляется ей как Иона. Куда ведут последние времена, сообщает нам дух Ментор, который находится в Мередит Лейди Янг и который уведомил ее, что через 50 лет всех людей будут воспитывать духи с самого детства.

К сожалению, и Югославия находится под воздействием ложной духовности, которую мы вместе с неверием и развратом духа и тела взяли у Запада. В продажу поступают книги, где содержатся учения инопланетян, а также такие газеты, как «Третий глаз», где стесняющимся религии и морально запущенным читателям дают «инопланетные сласти». Всех превзошла третья программа «ТВ Белград», которая наполнена астрологией, «пророчествами», оккульт-

ными учениями. 31 января 1993 года около 23.00 передачу о канализировании с названием «Нью Эйдж сообщение» вел актер Тели Савалас, который продемонстрировал самые свежие примеры «близких встреч» с инопланетянами. Передачу трудно было смотреть без молитвы. Мы присутствовали при пропагандировании «работы дьявольской» во всей ее гнусности. Конечно, каждый православный человек знает, что эти «инопланетяне» – демоны, которые входят в людей по их собственной воле. Все проводники – либо оккультисты, либо твердо верящие в маленьких зеленых человечков и летающие тарелки, которые также являются одним из видов демонской прелести.

Например, некая Джейми контактирует с двумя инопланетянами – Лиом и Тибетаном, которые вошли в нее, когда она увидела НЛО и позвала гостей из иного мира, чтобы они поговорили с ней. Дерил Анка из Лос-Анжелеса носит в себе духа, зовущегося Башар. Он измененным, нечеловеческим голосом изумляет присутствующих чудесами и призывает всюду распространять его учение. В 18-летней девушке из Аризоны сидит инопланетянин Мина, который утверждает, что он прибыл на землю из другого мира, в котором есть бог.

Доктор Дэвид Френинг, один из ученых, владеющих экстрасенсорикой, сообщает, что канализирование – лучший способ общения с инопланетными цивилизациями, так как космические корабли и сигналы с Земли – ненадежная связь.

Самый страшный случай – это случай с Луисом Гаспарету из Бразилии, чей отец был спиритом. В Луиса, когда ему было 13 лет, «вселились» души 44 художников из прошлого – от Да Винчи до Пикассо. Он может за 5 минут нарисовать нечто похожее на работы этих известных художников. Когда дух входит в него, Луис весь дрожит и корчится, совершенно теряя понимание окружающего мира. Он может рисовать только в темноте. Демоны для рисования используют обе руки и даже правую ногу этого страдальца, в котором обитает легион бесов, а он говорит, что духи очень симпатичные и что он чувствует радость в их присутствии.

Что же касается основного учения инопланетян, то оно таково: Человек божествен по природе, и они должны ему это открыть. Иисус – не последний Христос. Цель человечества есть объединение религий и государств; инопланетяне вскоре посетят нас; суще-

ствуется реинкарнация; ради раскрытия своей божественной сущности нужно заниматься магией и оккультизмом. Тех, кто мешает процессу объединения, нужно устранять. Известно, что мешают «христианские фундаменталисты», т.е. те, кто верует в Бога Троицу и в Иисуса Христа как Единственного Спасителя человека и мира. Кут Хуми, дух-проводник Алисы Бейли, основательницы «Нью Эйдж», сказал ей, что до 2000 года должна погибнуть третья часть человечества – все те, кто против объединения, чтобы мир, наконец, объединился в счастье и гармонии.

Что сказать после этого? Человечество приближается ко времени антихриста и его ужасного владычества, которое человекоубийца дьявол будет поддерживать всеми средствами. Он будет посылать инопланетян, которые, как мы уже знаем, захватывают души и тела прельщенных. Но демонские интриги немощны перед силою Господа. От нас, Его рабов, требуются осторожность и здравомыслие. По словам св. Антония Великого, «нам не нужно бояться демонских привидений и не нужно обращать внимания на их ложные слова». Очень важно, чтобы каждый православный христианин уклонялся от любой оккультной пропаганды, чтобы из-за любой малейшей неосторожности не впасть в грех, уверовав в новые «духовные учения», которые часто представляются как христианские. Это значит: не смотреть телевизионные передачи, которые имеют хоть какую-нибудь связь с астрологией, оккультизмом и т.д.; уклоняться от радиопрограмм подобного сорта; не читать такого рода газет, чтобы не прельщаться названиями типа «Новое учение Иисуса Христа», «Курс чудес» и т.д.

Таким образом, мы должны выполнять церковную заповедь, запрещающую чтение еретических книг и внимание к неправославным учениям. Мы должны от всего сердца стремиться наполнять свою жизнь благодатными силами нашей Святой Церкви: постом, постоянной молитвой, святым Причащением, глубоким, искренним покаянием и исповедью. Тогда мы будем в состоянии одолеть искушение врага нашего спасения. Вера, Слово Божие, страх Божий, смирение, духовная бдительность, молитва, крестное знамение – вот наше оружие в духовной борьбе. Никогда не нужно забывать: Господь Своим ученикам сказал, что Его Именем будут изгонять злых духов (Мк.16,17). По словам свт. Григория Богослова, демоны трепещут при упоминании имени Богочеловека. Он есть Распятый Христос,

Которого бояться демоны (свт. Кирилл Иерусалимский). Борясь в армии Небесного Воеводы, Победителя греха, смерти и дьявола, мы, если не будем расслабляться, одолеем любое искушение грядущих дней.

Ответ Церкви на вызов гностицизма

Гессе в «Демияне» и «Степном волке» и Юнг в «Семи наставлениях мертвым» не оригинальны. Как мы уже видели, Церкви их идеи были известны еще в первые дни ее существования. Василид бредил Абрахасом и 365 зонами, с помощью которых будто бы сотворен мир; офиты обожали змея, который соблазнил Адама и Еву; каиниты называли первым гностиком Каина, которого наказал «суровый» Бог Ветхого Завета; антитактиты восставали против Творца и Церкви, как института, учрежденного людьми; адамиты ходили обнаженными и пропагандировали «свободную любовь». Все идеи Гессе и Юнга известны нам из истории еретического мышления, создатель которого — дьявол, ненавистник Откровенной истины. С помощью своих духоносных отцов Церковь разобралась с гностическими баснями о «Пятом Евангелии», в котором «иное» учение Христа, о спасительном «знании» для посвященных, об идентичности Бога и дьявола. Один из блестящих умов Церкви, св.мч. Иринея Лионский, ответил на вызов этих язычников еще во II веке. Прежде всего он подчеркнул, что один и тот же Бог дал оба Завета — и Ветхий, и Новый и что «третьего» завета, «завета Духа Святого», не будет, потому что союз установлен с Отцом через Сына Божия в Духе Святом. Этот союз вечен и неизменен. Правда, гностики для доказательства своих тезисов пользовались Священным Писанием, но их истолкование было вольным и с многочисленными ошибками. Настоящее толкование Священного Писания дано Церкви. По мнению св.мч.Иринея, Книгу книг нужно читать вместе с епископами и священниками, со святыми отцами, которым само Слово Божие толковало Откровение.

Настоящий гностик («гностик» — знаток) — только тот, кто пребывает в Церкви и причащается Святых Христовых Тайн. Его знание дано Небом; это эпигноза, сверхзнание. Он в состоянии критически судить о ложных учениях падшего мира и избегать их сетей.

Православный христианин может судить язычество, которое более чтит тварь, чем Творца; иудаизм, чьи последователи не пожалали принять благую весть свободы и истинного Мессию; маркианитство, которое учит, что существует два «бога», а Христа, Распятого и Воскресшего, называет «видением»; валентинианство и другие секты «извращенных гностиков», последователей Симона волхва... Он обо всем и всех судит (не осуждает их, а проверяет их учение Истиною, которая есть Церковь Божия), а его никто и ничто не может судить, кроме милостивого и человеколюбивого Спасителя. Господь Иисус для православного человека есть все знание и познание Творца и твари. Он взял на Себя нашу немощь, на ослике вошел в Иерусалим, и Его повели, как Агнца на заклание; Он распростер руки Свои на Кресте и поразил духовного Амалика-диавола, собрал воедино детей Божиих, открыл нам Отца и послал Святого Духа; Он вновь придет со славою, чтобы судить живых и мертвых, а день суда будет пылать, как печь (См.: Мал. IV, I). Он убьет безбожников дыханием уст Своих и соберет пшеницу – праведников – в житницу Свою. Он и есть истинный Бог и истинный Человек, а не видение; Его ребра были пронзены, Его кровь текла, Его тело было похоронено, Он воскрес из гроба...

Истинным знанием является также и учение Апостолов и древнее учреждение Церкви во всей вселенной, и апостольское преемничество в рукоположении епископа и священника, такое же истинное, как истинно и Священное Писание. Все еретики – это «сатанинская синагога» и обладатели ложного знания. Единая истинная и животворная вера, которую Церковь приняла от Апостолов и передает своим детям, «канон истины, которую мы приняли через крещение», «совокупное тело Истины» – вот что отличает христианина от так называемых мудрецов этого мира. Среди них гностики – самые потерянные и самим себе непонятные «учителя»; одни утверждали, что Иисус некоторые слова говорил от Плиромы, другие – от Демиурга, третьи – от Хороса, а четвертые – от Софии; как будто Он в одно и то же время может быть и совершенным, и несовершенным, и Премудростью, и невеждою... Так всегда бывает, когда критерием истинности становится гностическая ученость, а не Богочеловек.

Но основная разница между последователями Христа и гностиками антихриста – вера в то, что содержится в Священном Предании Православной Церкви, в причащении животворной Пищи Веч-

ности, которой нет у еретиков, т.к. они считают, что им это не нужно, потому что у них есть «спасительная информация». Что касается нас, христиан, то св.мч. Ириней Лионский говорит: «Наша вера – в согласии с Евхаристией, а Евхаристия утверждает нашу веру». Он свидетельствует, что тот, кто не вкушает Тела Сына Человеческого и Его Крови, какое бы он ни имел «знание», лишен жизни. Господь наш Своею собственною Кровью искупил наш грех и отдал Душу Свою за наши души и Тело Свое за наши тела, и излил Дух Отца с целью соединения и единения Бога и людей, низведя Дух Бога в людей и возведя Своим воплощением человека к Богу; при этом еще Своим присутствием действительно дал нам бессмертие через соединение с Ним – и, таким образом, уничтожил все еретические учения.

Этот критерий отличия Истины от лжи остается актуальным до последнего времени, и на Страшном Суде будет актуален, потому что не всякий, кто призывает к Господу, будет на самом деле взят в Царство Божие, а только тот, кто выполняет волю Отца Небесного. Православные не должны дрожать перед мудростью этого мира, которое есть безумие перед Всевышним, а должны Христом проверять духов – от Бога они или нет. Если художник, писатель, ученый, философ или психолог находится в прелести или в ереси – его слово и дело есть хлеб смерти. Зачем тогда питаться хлебом смерти, если у нас есть Пища Вечности?

Утверждение, что нужно от светских наук и философий взять все хорошее, можно часто услышать от православных, особенно в наше время. Еще святой Иустин, философ и мученик, говорил: все хорошее, что есть у язычников, принадлежит нам, христианам. Все это так, но в вопросе выбора и определения полезности нужна особая осторожность и разборчивость. Беседуя с христианской молодежью о чтении языческих писателей и мыслителей, свт. Василий Великий обращает внимание на тот факт, что духовная наука – плод, а светская – листья. Светское должно подчиниться духовному, ибо мы стремимся к Вечному благу. Не надо читать всех светских поэтов, а только тех, которые приносят пользу и поучение, тогда как других нужно избегать, заткнув уши воском духовной аскезы, чтобы не слышать дьявольских голосов сирен, соблазнительных ложных учений (к сожалению, у нас самыми популярными являются именно мифы и басни Юнга и Гессе, их празднословие). Вследствие извращенности языческой «догматики» ее этика не может быть истинной, поэто-

му у язычников в лучшем случае мы видим очертания добродетели, а у наших Святых Отцов учимся самой добродетели.

Новое язычество.

Св. Иустин, философ и мученик, говорит: «Все, что сказано и открыто философами и законодателями, сказано и открыто согласно мере, в которой Слово (Логос) обитало в них и в которой они Его созерцали, а так как они не знали всех свойств Слова, Которое есть Христос, то они часто противоречили сами себе». Конечно, здесь говорится о признаках Христа до Его Воплощения, когда человечество Его жадно ждало.

Современное язычество, которое представляют Юнг и Гессе, — это плод восстания против Спасителя и нового самообожествления человека. Оно ведет не к Христу, а к антихристу. Дух старого язычества, изгнанный из человечества жертвою Христа на Кресте, вернулся с семью другими духами; и вот — нынешнее состояние сознания общества на Западе, да и во всем мире, хуже прежнего.

Теперь надо быть более осторожными и избегать прелести и лжи в произведениях новых языческих мыслителей, руководствуясь предупреждением св. Феофила Антиохийского: «Как смертоносный яд, смешанный с медом или вином, всю смесь делает опасной и неупотребительной, так и их красноречие становится напрасным трудом или, лучше сказать, губительным для тех, кто ему верит». В «Слове против эллинистов» Татиан доказывает, что языческие мыслители были людьми, которые не в состоянии жить возвышенным учением о добродетели. Диоген хвалился своей жизнью в бочке, а умер от переедания. Аристип вел себя распутно. Гераклит гордился знанием и мистифицировал происхождение своих произведений, а умер, обложенный навозом, веря, что так он вылечится. Эмпедокл поскакал в вулкан Этну, думая, что он бог, который вознесся. Конечно, он сгорел. (Добавим: Юнг считал себя мудрецом, а слушался злых духов, писал под их диктовку, совершал магические обряды, разговаривал со сковородкой и кастрюлей, посылал своих пациентов к астрологу...). Поэтому Татиан говорит язычникам: «Пусть вас привлекают велелепные собрания философов, которые вообще не философы, которые сами себе противоречат и болтают без умолку, что им придет в голову». Настоящие философы есть те, кто живет добродетелью, — христиане, слуги Логоса.

Зачем мы, православные, должны черпать свое вдохновение из старого и нового язычества, если имеем живую воду Святых Отцов? Почему мы должны питаться «рожцами» (Лк. 15, 16) ненадежной науки и философии, если слуги нашего Небесного Отца имеют хлеба в избытке? Почему мы не следуем Божественному свету во тьме своего падшего разума? Святоотеческое богословие есть целостное, благое мировоззрение, которое охватывает все. Здесь и онтология, и гносеология, и антропология, и социология, это наша аскетика и наша этика. Здесь, конечно, и наша психология, неотделимая от откровений святых подвижников Православной Церкви. После папского отступничества все богоискатели, мистики, писатели несчастного Запада находятся в большей или меньшей прелести. Они скитаются лабиринтами мечтаний и воодушевляются миражами духовности, которые видятся им в пустыне их ереси. Это довело до крика ученого безумца Ницше: «Последний Христианин умер на Голгофе!..» На Западе не нужно искать духовность. Глубину нужно искать у прп. Макария Великого, прп. Иоанна Лествичника, св. Иоанна Дамаскина, прп. Симеона Нового Богослова... Разве не лучше жить по их заветам, в гармонии со своими возможностями, читать святых отцов, Священным Писанием кормить людей голодных и жаждущих Бога Живого, чем довольствоваться мудростью, которая есть безумие перед Богом? Разве не полезнее житие прп. Серафима Саровского, чем собрания сочинений Фрейда, Юнга и Гессе? Нельзя забывать, что читать Святых Отцов – значит дышать Духом, которым дышали Отцы; а читать безбожные и еретические книги – значит соприкасаться с мнением страстных, духовно обманутых людей, чуждых небесной логике Креста. Поэтому Святая Церковь предупреждает: «Еретические книги не читать». «Мы должны следовать Святым Отцам, чтобы стать их учениками, чтобы от них получить учение об истинной жизни, о спасении души, при этом мы должны знать, что потеряем благосклонность этого мира и что в этом мире станем изгнанниками», – говорит отец Серафим (Роуз), выдающийся ум американского Православия. Изгнание необходимо, потому что мы не отсюда, а с Неба, из Небесного Иерусалима. Но нам, грешным и слабым, отечество – Царство Божие, а не домыслы пустословных языческих «мудрецов».

Заключение

Только два пути открываются перед человеком с момента его рождения, когда он Божией любовью приведен из небытия в бытие. Каждый человек свободно и осознанно выбирает один из них: это путь жизни – или путь смерти, путь созидания – или путь распада, путь истины – или путь лжи, путь Логоса – или путь бессмыслицы. Одним словом, путь спасения в Церкви, путь Святой Литургии – или путь утопии.

С момента, когда человек по собственной воле отпал от Бога Живого в смерть, покушаясь тварью заменить Творца, одним вечным соблазном удерживаем он от возвращения к Дому Отчему – соблазном утопического, магического мышления. Человек сам желает быть богом, хочет и себя, и тварь воскресить своими силами, хочет быть бессмертным, хотя тяжело болен смертью, хочет, чтобы магический «океан блаженства», океан безличной «самой неизменной гармонии» исцелил сущность человеческую, разбитую на осколки... Он отказывается быть священником и богословом, а желает быть магом и каббалистом.

Человек не хочет признать, что он прах и пепел, он считает себя мудрым без Бога. Признай он себя прахом и пеплом, возопил бы, как разбойник, распятый рядом с Христом, и мог бы исправить, изменить свою человеческую природу и, подобно тому разумному разбойнику, наследовать Жизнь Вечную. Полагая, что он мудр без Бога, человек становится рабом праха и пепла и, веруя, что нашел эликсир вечности, повергает себя вечной смерти. Он перестает быть богословом, а становится технократом, перестает измерять действительность Христом, а всматривается в нее своим собственным светом и светом дьявола, который есть тьма.

Воистину, воистину – это знает любой православный христианин – от этого, и только от этого происходит все самое страшное зло, которое на протяжении всей истории человечества скрывалось под маской самых высоких идеалов: иметь религию без Бога; наслаждаться царствованием на небе и земле, без Царя над царями; иметь похоть к твари вместо любви к Творцу. Все это от гордости, греха, берущего свое начало от Денницы – Люцифера, превратившегося в темного, языческого, злобного сатану, от первого греха, из-за кото-

рого Адам был изгнан из рая... Гордость – это самый страшный грех, так как гордостью человек лелеет свое «я», впадает в состояние самозрелизма, ищет в себе источник и способ вечного существования; становится букашкой в винограднике самообмана, желающей признать свое состояние как духовно здоровое. Гордость – это слепота, которая верит в свою зрячесть; бессловесность, считающая себя Логосом света; ненависть самодостаточности, которая презирает Бога Любви...

Два пути открываются перед человеком – путь святости и путь утопии. Одно из высших достижений церковного соборного познания действительности есть смирение, осознание своей бренности и ограниченности, и молитва к Безграничному и Вечному Богочеловеку. На уровне же утопии – гордость, которая не признает своей ограниченности и которая ошибочно, во тьме падения замкнутого на себе «я», хочет отождествиться с космосом. Литургия есть истинное просвещение человека, так как в ней через причащение Логосом Божиим вся наша тьма просвещается Святой Троицей, в то время как утопический путь зиждется на люциферском посвящении и ложном гнозисе, которые тешатся иллюзией – сделать нас всемогущими (а всемогущ только наш пресмиранный, до Жертвы на Кресте смиренный Христос)... Церковь есть «столп и утверждение Истины» (1Тим.3,15), в которой Господь Иисус Христос – «путь, истина и жизнь» – Тот, Который приносит и приносится в жертву, Священник и Агнец; утопия же – отсутствие пути, ложь и смерть, так как в ней человек заодно с дьяволом, с тем, кто хотел бы властвовать над всей тварью.

Зная все это и по мере веры переживая это на собственном опыте, мы должны осознавать, что на нашей скованной грехом планете нет ничего «нейтрального»; все это через нас определено для Христа или для антихриста, для небес или адской тьмы. Люди должны знать, что они ответственны перед Богом и перед тварью. В день Второго Пришествия Агнца Божиего каждый человек будет давать ответ за каждое пустое, бессмысленное слово, за каждую злую, не исповеданную мысль. Таким образом, без правой веры мы не сможем угодить Богу. А первое, основное, самое важное дело Божие – верить в Небесного Отца и Сына Его Единородного, в Котором сосредоточено спасение всех людей – от Адама до последнего рожденного на земле. Вера жизни и света – это Православие, верное, истинное прославление Бога в Троице. А вера, в которой много беспутно-

го, ошибочного, — это ереси, неправда, прославление зла. Дьявол, отец лжи, — в то же время и человекоубийца по природе своей. Он и человека убивает ложью, ложной верой и неверным толкованием Евангелия.

Именно поэтому Господь заповедал нам быть мудрыми, как змеи, и беззлыми, как голуби. Беззлость — это условие нашего целомудрия, а без целомудрия мы не можем быть чадами Божиими... Что касается змеиной мудрости, то она имеет двойственную природу: во-первых, когда кто-то хочет ее убить, змея прячет голову; во-вторых, когда она хочет скинуть старую кожу, то протискивается через узкие места. А это, по учению святых отцов, значит следующее: если хочешь наследовать Царствие Божие, от всех соблазнов и ложных учений храни свою голову — святую и непорочную православную веру, которой тебя наплатила твоя Матерь Церковь; а затем — иди узким путем смирения и самоотрицания, дабы искоренить в себе ветхого, от греха прогнившего человека и просветить его в нового, во Христе воскрешенного сына Божиего по благодати. Голова нашего спасения должна быть чистой, никем и ничем не замутненной, открытой Святыне Божиего Откровения. Для нее мы живем и умираем, ею охраняемся и обороняемся.

Наши дни апокалиптичны по двум причинам. Первая и основная: умножилось беззаконие, и охладела любовь многих (Мф.24,12), а без любви трудно найти и принять Истину. Поэтому и умножилось количество лжепророков и лжехристов, которые ведут людей в смерть и небытие, — это другая причина апокалиптичности нашего века (Мф.24,24). И эти апокалиптические дни требуют от нас трезвости, проницательности, бдительности, чтобы нам не быть обманутыми, принимая рог за свечу, а желаемое — за действительное. Это значит, что нужно бдеть и молиться, внимательнее относиться к себе и своим поступкам, а особенно — к ложным учениям, которые распространяются с молниеносной быстротой. И при этом нужно знать: никогда еще ложь не была так искусно замаскирована и сладка, как в наше время. Она сегодня везде: в политике, в искусстве, в медицине. Есть она и в нас. И очень тяжело ее распознать, столь красиво замаскированную, если не иметь перед собой Священного Предания Церкви. А так как Бог благословил нас знанием вскрывать ложь, то мы обязаны оповестить об этом наших близких, чтобы и они могли уберечься от ложных пророков — волков в овечьей шкуре. Но пусть это

наше предупреждение не будет назойливым и громогласным. Как говорит свт. Иоанн Златоуст, «наш долг – не убеждать слушающих, а лишь дать им совет. Наше дело – предложить этот совет, а последовать ему или нет – уже их дело».

Мы рассмотрели здесь взгляды Германа Гессе и Карла Густава Юнга, которые, по нашему твердому убеждению, для человека духовно вредны. Им двоим, как и многим великим умам Запада, не были открыты глубины Божественного Откровения, данного Церкви. Вот как говорил св. Лев Великий, папа Римский: «Тот, кто не станет учеником Истины, станет учителем заблуждения». Пойти за Гессе и Юнгом – сойти с пути истинного, ведущего в Жизнь Вечную. Это не значит, что мы судим Гессе и Юнга, как людей, как икону, как образ Божий: существует один Праведный и Человеколюбивый Судья – Распятый и Воскресший Спаситель. Показывая их ошибочные убеждения, мы придерживаемся правила, которое изрек свт. Иоанн Златоуст, патриарх Константинопольский: «Еретические догматы, противные тем, которые исповедуем мы, нужно предавать анафеме, безбожные догматы нужно разоблачать, *людей же – щадить и молиться об их спасении*».

В заключение прошу читателя еще раз простить ошибки и недостатки нашего труда и помянуть перед Господом Человеколюбцем грешного Владимира Димитриевича.

Конец и Богу слава!

Выпуск в свет книги стал возможен благодаря большой и бескорыстной творческой помощи, оказанной переводчиком А.Н.Марченко, кандидатом философских наук А.В.Ситниковым, кандидатом филологических наук Н.И.Россомагиной, а также благодаря ценным замечаниям кандидата психологических наук Ф.Е.Васильюка, добрым советам и поддержке в работе доктора филологических наук, профессора МДА М.М.Дунаева, доктора философских наук, профессора МГМА им. Сеченова И.В.Силуяновой.

М. Медведев, Т. Калашникова

ОБ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КАРЛА ЮНГА

**Взгляд с позиций святоотеческого учения
о спасении души**

Авторы работы «Аналитическая психология Карла Юнга» выражают теплую признательность насельнику Свято-Данилова монастыря иеромонаху Феофану (Крюкову), кандидату физико-математических наук, чья духовная помощь, а также научные идеи сыграли важную роль в нашей работе.

Авторы также благодарят В.В.Щекотова, доктора медицинских наук, профессора ПГМА, И.Л.Гуляеву, кандидата медицинских наук, ассистента ПГМА, и Л.П.Скрыльникову, преподавателя кафедры психологии ПТПУ, за консультативную помощь при подготовке статьи.

*Как голова предпочтительней для тебя всех членов тела твоего...,
так пусть будет всего предпочтительнее вера во Святую
Единосущную Троицу, потому что без-сей веры невозможно никому
жить истинною жизнью.*

Святой Ефрем Сирин

*Вместо веры, надежды, любви современный человек поставил
превыше всего «независимость», формальный принцип «свободы»,
забыв совершенно о том, что содержательная и действительная
свобода дается только там, где есть дары Духа Святого.*

Академик А.А.Ухтомский

Из неврологического отделения одной детской больницы выписывался ребенок, страдающий неврозом и имеющий ряд психотравмирующих ситуаций в школе и дома. При выписке состоялся следующий разговор. На мамин вопрос: «Что же нам делать дальше?» – лечащий врач посоветовал: «Вам нужно обратиться к психоаналитику, тогда все ваши проблемы будут разрешены. Весь Запад пользуется услугами психоанализа. У каждого есть свой аналитик. Это только мы такие, еще не привыкли».

Действительно, российские психиатры и психотерапевты все чаще выезжают за рубеж на специализацию, чтобы овладеть различными техниками психоанализа. Многие наши соотечественники уже испытали их воздействие на себе ¹. Поэтому небезынтересно проследить, имеет ли психоанализ возможность разрешить глубинные противоречия человеческой личности. Кроме того, поскольку психоанализ несет свое собственное понимание смысла и цели человеческого бытия, особое понимание нравственных ценностей, необходимо знать: не содержат ли плоды этого учения духовный вред? не опасен ли психоанализ для здоровья человека?

Чтобы ответить на эти и другие вопросы, мы попытаемся рассмотреть некоторые аспекты научного творчества Карла Юнга, изве-

---

¹ В августе 1996 г. в России принят Указ Президента РФ «О возрождении развития философского, клинического и прикладного психоанализа» как «одного из направлений современной науки».

стного во всем мире психоаналитика. В нашей работе мы будем опираться на православную аскетику — святоотеческое учение о закономерностях душевной жизни человека, который стремится к восстановлению своей искаженной грехом первозданной природы. Об объективности и всеобщности законов православной аскетики свидетельствует удивительное совпадение опыта святых отцов в учении о страстях (порочных наклонностях души), об очищении (катарсисе) человеческого сердца и обретении добродетелей, а также выдающиеся практические достижения в духовно-нравственном преображении личности, давшем сонм святых. В прямом, а не в условном смысле можно принять определение православной аскетики как «науки из наук, искусства из искусств». Видится вполне обоснованным и высказывание крупного немецкого психолога и психиатра Эрнеста Кречмера (1888 — 1964), который, как ученый, убедился, что православное учение наиболее полно и глубоко из всех существующих учений отражает психические процессы человеческой души. С этим убеждением связан его приход в Православие.

Анализ учения Карла Юнга с обозначенных позиций может способствовать углублению взглядов на важные проблемы душевной и духовной жизни человека, осмыслению их в свете непреходящих вечных ценностей бытия.

История и краткая характеристика аналитической психологии Карла Юнга

Аналитическая психология Карла Юнга возникла как антитеза фрейдовскому психоанализу. В психоаналитическом методе Зигмунда Фрейда Юнг видел большие возможности для психотерапии, но идея инфантильной сексуальности, лежащая в основе психоаналитической концепции, была чужда ему. В отличие от Фрейда, Юнг верил в возможность достижения человеком внутренней гармонии и направил свои исследования на ее поиски.

В предложенной Юнгом структуре личности выделяются следующие элементы (слои): *персона*, *эго*, *тень*, *Анима* (у мужчин), *Анимус* (у женщин), *самость*. По мнению Юнга, *сознание* подобно пленке на поверхности *бессознательного* с его неведомыми глуби-

нами [26, с.5]. *Персона (личность)* – самый верхний слой личного сознательного. Она означает некое подобие *маски*, которую надевали греческие актеры для обозначения той или иной роли. *Эго* – более глубокий слой сознательного. Ниже идет бессознательное – сначала индивидуальное, потом коллективное. Самый верхний слой бессознательного – *двойник Я*, его *тень*; самый нижний слой – *объективное Я (самость)*. *Самость* является архетипом целостности личности.

Термином *либидо* Фрейд определял сексуальную энергию. Юнг, переосмыслив значение термина, обозначил им психическую энергию вообще. Согласно Юнгу, *либидо* коренится в глубочайших слоях бессознательного, связанных непосредственно с природными, материальными основами жизни. В сознании же *либидо* проявляется как стремление и желание. Важным психотерапевтическим понятием Юнга является *запруженность либидо* – некое *блокирование психической энергии*. Оно возникает вследствие ухода человека от насущных жизненных трудностей к более легким и приятным *стадиям* жизни. Используя свой метод контролируемых, или циклических, ассоциаций (*амплификации*), ассоциативный эксперимент, Юнг стремился определить, в каком пункте произошел разрыв сознания и бессознательного, обусловленный *запруженностью либидо*. По его мнению, именно этот разрыв является причиной внутреннего разлада личности. Свою задачу Юнг видел в выявлении *линии жизни* (или *логики развития личности*) пациента и в доведении до его сознания направления, по которому в настоящее время течет психическая энергия. На наш взгляд, он совершенно верно отмечал, что попытки свести этот конфликт к отвлеченным рациональным схемам – это уход от реального психологического опыта, подмена живого духа словами, которые никого не согревают. В то же время он не мог объяснить, в чем первопричина этой патологической раздробленности человеческого сознания. Неспособность определить причины болезни, как известно, делает лечение симптоматическим по характеру.

Смысловым центром аналитической психологии Юнга является проблема *индивидуации*. Если Фрейд считал стремление личности к совершенствованию «приятной иллюзией», то Юнг видел цель человека в нахождении его уникальной целостности – *самости*. В отличие от сознательного *эго*, *самость* является, по Юнгу, синтезом сознательного и бессознательного. На пути к *самости* человек должен преодолеть свою социальную роль – *маску*, ограничивающую

сознательное *эго*, и примириться со своей *тенью* – темным *двойником Я*. «Индивидуальное сознание – это только цветок на один сезон, прорастающий из многолетнего подземного клубня; если бы оно принимало в расчет существование этого подземного образования, наше сознание могло бы приблизиться к гармонии с истиной. Ибо корень – мать всего остального» [26, с.207]. В состоянии *самости*, достигнув согласованности мышления, ощущений, чувства ¹, интуиции, человек может «прозреть трансцендентное и действовать согласно с этим знанием» [с.215]. Достижение этой цели и было одной из важных жизненных задач Карла Юнга.

В то же время Юнг считал, что если вечные проблемы преодоления страха или избавления от совести, долга, принуждения и подсознательных желаний мы не в состоянии решить, «опираясь на нечто светлое и идеальное, то, может быть, следует обратиться к силам темным, биологическим» [27, с.191]. Чем полнее осознается *тьень*, тем гармоничнее становится личность, ее отношения с окружающей средой, считал Юнг ². Архетип *самости* – *бог в человеке*, – по мнению Юнга, соединяет в себе противоположности добра и зла, света и тьмы.

Плодом философии Юнга явилась его двусмысленная позиция в годы фашизма, когда он был идеологически связан с «Немецким движением за веру». Мифическим героем этого движения был Вotan – древнегерманский бог грозы, бури и войны, соединявший в себе противоположности добра и зла. Как и другие западные либералы, Юнг надеялся на временный характер «эксцессов» в Германии, уповая, в духе своей теории, на позитивные творческие потенции Вотана, персонифицирующего характер немецкой нации ³. Впоследствии Юнг отказался от этих иллюзий, однако он не отказался от своей философии и научных взглядов.

«Нравственный релятивизм» Юнга – признание им, что «добро и зло суть одно» [26, с.216] – в душе человеческой усугубляет состояние «нравственного хаоса», которое, по словам доктора психологических наук Т.А.Флоренской, является одним из главных источни-

---

¹ Понятие *чувство* в интерпретации Карла Юнга близко к понятию *сердце* в христианской антропологии.

² См.: Кондращенко В.Т., Донской Д.М. Общая психотерапия. Минск, 1997. С.153.

³ См. об этом: Буржуазные психологические концепции общественного развития. М., 1980. С.137.

ков психических заболеваний. Зло, в святоотеческом понимании, — недуг души, разрушающий восприятие истины.

Кроме того, подобный подход неизбежно таит опасные социальные последствия. Американский ученый, профессор Томас Цасс, автор двадцати трех книг по психиатрии, изучая влияние нравственного релятивизма в психологии, психотерапии, психиатрии на моральное состояние американского общества, пришел к важному выводу. Снижение индивидуальной личной ответственности, замена христианских добродетелей, высоких нравственных ценностей их суррогатами, снижение нравственных стандартов во имя избежания «стресса» и для достижения комфорта стало «главной разрушительной силой, которая влияла на американское общество на протяжении последних пятидесяти лет»¹. В частности, приводятся данные о переменах в моральном состоянии США за эти годы: количество детей, содержащихся государством, увеличилось на 300%; число самоубийств юношей, девушек и детей младше 20 лет увеличилось в 10 раз; количество крупных преступлений — в 5 раз².

Источник нравственного релятивизма Юнга связан с восточным учением о тождестве противоположностей *инь* и *ян*: тьмы и света, женского и мужского, земли и неба, добра и зла.

Показательно, что говорит сам К.Юнг о некоторых других источниках своего научного творчества: «Наблюдения спиритов, какими бы странными и сомнительными они ни казались мне вначале, были все же первым объективным свидетельством о психических феноменах» [27, с.130]. После личного контакта с явившимся ему духовным существом — гуру по имени Филемон, а также на основе спиритических сеансов Карл Юнг, по его словам, «обнаружил нечто объективное в человеческой психике» [с.139]. Идея наличия женского начала в мужской душе (*Анима*) и мужского в женской (*Анимус*) возникла у Юнга после того, как однажды он внутри себя явно услышал голос одной из своих пациенток, критиковавший его жизненный выбор. Практически безоговорочным было доверие ученого и к своим сновидениям. Такой «дерзновенный» подход к исследованию явлений духовного мира ставил самого исследователя на грань безумия, грозил ему полным распадом личности [23, с.165].

---

¹ Цит. по: *Psychiatry—the Ultimate Betrayal*, by Bruce Wiseman, Freedom Publishing, Los Angeles, California, USA, 1995.

² См. там же.

Православный взгляд на причины болезненного состояния человека

Рассмотрим подробно, как отвечает на вопросы о причинах болезненного состояния человеческого существа и источнике бытия православное учение, основывающееся на двухтысячелетнем соборном опыте.

Прежде всего, в христианском богооткровенном учении подчеркивается одно важное положение: человек как творение Божие лишь в том случае обладает гармонией и подлинной жизнью, если он постоянно связан с Творцом – Источником и Первопричиной бытия, по образу и подобию Которого он создан, и постоянно испытывает действие нетварной благодатной энергии.

Следование Божественным законам есть *жизнь*, так как Сам Бог – Жизнь нескончаемая и полная; Он – сверхъестественный Источник Жизни и Любви, Который никогда не иссякнет, – Единое Существо в Трех Лицах. Жизнь Божественных Лиц есть взаимопроникновение (греч. *перехорисис*), так что жизнь Одного является жизнью Другого, иными словами, каждое Лицо живет не для Себя, но отдает Себя другим Ипостасям (Лицам). Это и есть Истинная Любовь, Вечная Гармония, Самосущее Блаженство.

Подход православной антропологии к проблеме источника психической энергии также является принципиально отличным от взглядов Юнга. В своей книге «Дух, душа, тело» архиепископ Лука (доктор медицинских наук, профессор В.Ф.Войно-Ясенецкий) отмечает, что духовная энергия является «первородительницей всех физических форм энергии, а через них и самой материи». Он пишет также: «Энергией любви, излившейся по всеблагой воле Божией, Словом Божиим дано начало всем другим формам энергии».

Святоотеческая мысль выделяет в устройении человека такое свойство, как иерархичность структуры. По образному выражению представителей каппадокийско-ареопагитской богословской традиции, тело прекрасно душой, душа прекрасна умом, ум прекрасен Божественным озарением. Человек прекрасен благодаря своей причастности Богу, озаренности со стороны Абсолютной Божественной Личности [7, с.142].

Из всего этого следует, что подчинение человека (как свободно-разумного тварного существа) Высшей Власти через исполнение заповедей связано с самыми глубокими и сущностными основами бытия. При органическом, т.е. духовном, благодатном, а не внешнем, приятии веры грех воспринимается нами не как нарушение какой-то инструкции, а как самоубийство, как измена самому дыханию жизни, а заповеди Божии – как биение сердца [24, с.413].

На основе вышеизложенного может быть сделан очень важный вывод. Поскольку бытие Пресвятой Троицы есть личное бытие, а любовь есть главное Божие свойство, то для человека, созданного по образу Творца, любовь является главным признаком личного сознания. Соответственно все, что связано с нарушением закона о жертвенной любви, неизбежно приводит к глубоким повреждениям сознания.

Важным положением христианской антропологии является учение о человеке как образе и подобии Божиим. Именно богообразность предполагает бесконечные возможности человека в его совершенствовании как свободно-разумного творческого существа. Эти возможности человека, созданного по образу Творца, проявляются и осуществляются в «перерастании образа в подобие». Динамическое отношение между образом и подобием и представляет собой онтологическую основу развития и совершенствования человека.

Сятоотеческая мысль учит также, что мир создан через Христа и ради Христа, что с Ним и в Нем человек не просто спасается от греха, зла и смерти, но обретает первозданную полноту своего бытия и благобытия. Христос – не просто явление Бога, но и раскрытие и явление истинного Человека. Он – Новый Небесный Адам, поэтому подлинное учение о человеке – антропология – может быть только христологией.

В грехе как злоупотреблении своей свободной волей, нарушении заповедей Творца, попытке обойтись без Бога, разрыве духа человеческого с Духом Божиим видится причина внутреннего растрепывания всех потомков Адама и Евы, всей земной природы. Это грех эгоистического самолюбия, восставшего против Божественной Любви. С грехопадением наших прародителей, свидетельствует Священное Писание, в мир вошли смерть, болезнь и тление, исказилась природа человека, распалось единство духа, души и тела.

Метасхематизм (извращение) коснулся не только человека в целом, но и всех сил духа, души и тела по отдельности. Извратились, проявились в гипертрофированном (болезненно усиленном) виде все чувства и влечения человека. Оказались пораженными все силы его души – ум, чувства, воля. Рожденные для познания истины, мы томимся в духовном невежестве; рожденные любить Бога, мы занимаем сердце самыми низкими чувствованиями; самое трагичное – мы не хотим видеть нашей болезни и знать ее причины. Образец метасхематизма – судьба человеческого эроса, превратившегося в эротизм и сексуальность. Дух человеческий, отвернувшись от Истинной Жизни, проявляет противоестественную тягу к *небытию, безличности и бессознательности*¹. Он оказывается поработанным плотью и неспособен выйти из латентного (скрытого) состояния. Душа пребывает как бы в летаргическом сне, проявляя свою жизнь главным образом в низшем аспекте чувств, желаний, стремлений, аффектов, или водится *комплексом фантазий*.

Отчужденность человека от «теплых Отчих недр» (митрополит Амфилохий /Радович/) рождает в его сознании двух чудовищ: страх как проявление метафизического одиночества и чувство непрощаемой вины – неосознанное, часто болезненное и уродливое ощущение *виноватости* перед кем-то или чем-то. Это болезни, причина которых находится не на психологическом и эмоциональном, но прежде всего на глубоком духовном уровне. Поэтому и метод Юнга, и вся современная психология и психиатрия способны лишь поверхностно объяснить болезненное состояние человеческой души и тела и лишь частично излечить их, но они не могут и никогда не смогут дать человеку истинное здоровье и радость спасения, свойственную этому здоровью.

По учению Церкви, грехопадение – это первоначальное, доисторическое событие, когда зло вторглось в мир и извратило все творение Божие. Это была катастрофа общекосмического масштаба. В извращение и замешательство погружены мы сами, все наше существование во всех формах проявления, в том числе и мышление, поскольку, являясь частью человеческого рода, каждый человек разделяет участь первого Адама. В метафизическом смысле он тоже – Адам. Поэтому мы сами, на основе нашего опытного знания, не в

---

¹ Очень важно отметить, что последние два качества и создают основной пафос теории индивидуации.

состоянии создать об этом явлении верное представление. Это возможно только при обретении веры, поскольку лишь богооткровенная вера дает человеку знание о том, каким он был до грехопадения и каким он должен стать.

Осознание своей падшести, отделенности от Бога, своей нравственной нечистоты является одной из самых значительных интуиций человека. Оно идет из самой сокровенной, неповрежденной глубины личности и свидетельствует о том, что в человеке не утрачено желание вернуть первозданную красоту души. Из библейского понимания зла как следствия преступного использования свободы следует вывод, что зло не принадлежит природе разумных существ. Это понимание будит в человеке неистребимый оптимизм и надежду на искоренение зла и тьмы, какими бы сильными они ни казались. Победа над злом означает свободное возвращение к своему природному состоянию богообщения.

Правильное понимание первородного греха, этой сущностной реальности человеческого бытия, создает основу правильного отношения личности к смыслу жизни, к другому человеку, является условием полноценной душевной жизни и исцеления, основой подлинной духовности.

В процессе исцеления человеческой души, в святоотеческом понимании, можно выделить три этапа, связанные с тремя состояниями души.

1. Первое состояние определяется как *противоестественное*. Человек в этом состоянии представляет собой, образно говоря, *кучу осколков павшего образа*, содержащих в себе искаженные богообразные свойства.

2. Если поработанный злой и греховой волей человек придет в себя и обратится к Церкви, к покаянию, то с помощью благодати и святых добродетелей поднимется на вторую, *естественную*, ступень, т.е. будет жить и мыслить сообразно с естественными законами своего разумного существа, основанными на Божественном Откровении.

3. Если же, преодолевая влечение старых привычек, человек продолжит духовный подвиг, то взойдет на *вышнееестественную* ступень, которая подобает его природе и первоначальному его предназначению.

Святоотеческая «модель личности»

Раскрывая свое понимание устройства человека, православная антропология учит, что после падения весь человек как бы разделяется на две части: *внешний* (эмпирический, он же ветхий, тленный человек /Еф.4,22/) и *внутренний* (сокровенный). Внутренний мир человека с его микрокосмическим содержанием выпадает из области, контролируемой сознанием, и становится областью бессознательного [18, с.3]. Это «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого молчаливого духа» (1Пет. 2,4), который дает о себе знать лишь в редкие минуты просветления. Там же, в области бессознательного, в тайниках и хранилищах души, «под самым умом» (прп.Макарий Египетский) находится и источник греха – та нечистая духовная сила, которая вошла в человека с грехопадением. Вот почему так опасно людям, не имеющим духовного опыта, не получившим благодатного дара *различения духов*, различения добра и зла, *любое вторжение* в эту сокровенную область.

Этот святоотеческий взгляд на устройство человека находит подтверждение в трудах доктора психологических наук Т.А.Флоренской. Ученый выделяет в структуре сознания в том числе *духовное Я* и *нижнее Я* (*Двойник*, по А.А.Ухтомскому); при этом подчеркивается, что речь идет не об абстрактных уровнях, но о субъектах, отвечающих на вопрос *кто?*, а не *что?* [23, с.56]. Наше *нижнее Я* заявляет о себе главным образом через голос страстей. *Духовное Я* проявляет себя в сознании как страх Божий, через голос совести, а также через чувства вечного и абсолютного.

Страх Божий в понимании Священного Писания есть, прежде всего, дисциплина ума, сердца и воли, признающих Бога как своего Создателя и Судию. Это не парализующий страх, но творческая сила, позволяющая человеку обрести власть над низшими стремлениями. По мере духовного роста *страх Божий* преобразуется в совершенную – жертвенную – любовь к Богу. При этом тренируется процесс активного регулирующего центрального торможения, который контролируется сознанием человека и его волей. Он способствует повышению жизнестойкости организма.

Совесть, по определению архиепископа Амвросия (Ключарева), есть чувство жизни духовной, подобное чувству жизни физической, какое мы имеем в нашем теле. Это чувство свидетельствует о

правильном, гармоничном настроении нашего духа, когда мы делаем добро, и о расстройстве, стеснении, страдании его, когда мы делаем злое. Выдающийся современный ученый, физиолог с мировым именем, академик А.А.Ухтомский называет совесть высшим, дальновиднейшим из органов рецепции на расстоянии. С другой стороны, она есть субъективный отблеск объективного закона Добра и Зла [21, с.64]. *Совесть* как одно из чувств интуиции создает возможность восприятия явлений из будущего, без которого не может быть, по словам А.А.Ухтомского, ясности и полноты сознания.

Чувство вечного и абсолютного проявляется в человеке как стремление к абсолютным ценностям и неудовлетворенность всем относительным и земным. По словам митрополита Амфилохия, человек – это существо, которое постоянно стремится к полноте, тоскует по Божественному совершенству и предназначено для него.

Одним из основных понятий православной антропологии является *личность (ипостась)*. Понятие *личность* рождается в христианском мироощущении из непосредственного переживания верующим чувства личного предстояния Личному Живому Богу, Источнику объективной Красоты и Любви. Оно ускользает от всякого рационального определения и осознается лишь непосредственно через духовный опыт. Личность (ипостась) – это способ существования, который пронизывает и делает личностным все существо. Это интегрирующий принцип, созидающий единство человеческого существа, дающий ему бытие. В строении человека, в православном понимании, уровню личности соответствует уровень духа. В личности заключена уникальность человека, и именно ее, личность, необходимо раскрыть.

Понятие личности тесно связано с понятием *лицо, лик*. Лицо, по словам митрополита Амфилохия (Радовича), – это раскрытие, откровение личности, ее светлый символ, выражение и отражение. Лицо Божие, Которое открывается во Христе, сияет бесконечным человеколюбием. Это человеколюбие обнимает всего человека, и тем освящает и просвещает его. Академик А.А.Ухтомский, глубоко отразивший в своем учении христианское мировоззрение, категории *лицо* отводит одну из центральных ролей в системе своих психологических идей. Он считает, что категория *лицо* должна быть принята наравне с такими категориями, как *причина, бытие, единство, множество* [с.48].

Светскому понятию *индивидуальность* в православной антропологии соответствует понятие *prosopon*, которое является социологической и биологической категорией. Если *prosopon* отражает обращенность только к собственному внутреннему миру и самосознанию, а его развитие связано с процессом обособления, то *ипостась* (*личность*) отражает открытость другим личностям и Высшему Другому, а также трансцендирование – движение к Нему. Это движение характеризует богочеловеческое измерение личности. По мысли А.А.Ухтомского, наша подлинная *природа* состоит именно в уходе от того, что мы есть, в то, что выше, – в уходе от себя в высшее [Там же, с.222].

Согласно закону симметрии, должна существовать категория, противоположная по духовному смыслу понятию *лицо* (*личность*), которая является таким же «реальным и исключительным фактом жизни» (А.А.Ухтомский), как и *лицо*. В Священном Писании *лицу* ясно противопоставляется *идол*. Идол – это все, что становится на пути к Единому Истинному Богу, явившему Свою Любовь в крестном подвиге Единородного Сына, даровавшего человеку Вечную Жизнь. Академик А.А.Ухтомский говорит, что проблемы любви и смерти являются самыми важными для человека, а отношение к ним определяет его мировоззрение и ценности. Исходя из вышесказанного, *идол* – это препятствие на пути человека к Вечной Жизни и Любви. Идолом может становиться, прежде всего, человек сам для себя. Идолами могут быть не только ложные боги, но и новые научные теории, идеи и открытия, наука и философия в целом, а также искусство, как отчуждающие человека от истинного Бога. «Достоинно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу – Троице единосущной и нераздельной», – поют за Божественной Литургией в церкви. Достоинно и праведно...

Пути восстановления личности

Карл Юнг понимал, что человеку нужен смысл жизни, нужна *духовная работа*. Но он отрицал возможность полной и содержательной духовной жизни в Церкви, которая, как он полагал, живет лишь символами [27, с.78]. Цель своего творчества Карл Юнг видел в том, чтобы «открыть тайну человеческой личности» [с.253]. Путь к

разрешению проблемы личности, как уже говорилось, Юнг видел в восстановлении ее целостности через соединение сознания с силами и содержанием индивидуального и коллективного бессознательного¹.

Прямо противоположный подходу Карла Юнга взгляд на восстановление целостности личности мы находим в учении Православной Церкви. Рост личного сознания подвижника происходит только под действием обоживающей благодати, при этом в совершенной (цельной) личности не остается места для *бессознательного*, инстинктивного, произвольного, все пронизывается Божественным светом, усвоенным человеческой личностью и становящимся ее собственным качеством по дару Святого Духа [15, с. 162].

Путь восстановления целостности личности в христианстве – это путь развития человеком осознанного диалога со своим *духовным Я* через принятие его господствующей (доминирующей) роли в своей жизни, прежде всего через голос совести.

Очень важно отметить, что спасительный диалог *наличного Я* (сознания) с *духовным Я* начинается лишь тогда, когда наше сознание молитвенно обращается к Божественному *Ты*. Наше *Я* в понимании православной антропологии – место Божие, т.е. тварный свет, или тварная прозрачность, которая зависит от степени открытости Божественному свету.

Отстраненность от собственного *Я* и устремленность к Божественному *Ты* соответствует процессу, который А.А. Ухтомский называл *доминантой на Собеседника*. Этот процесс означает победу над противодействующей, эгоцентрической доминантой и освобождением от *Двойника*. Только освободившись от эгоцентрической доминанты, воспитав в себе *доминанту на Собеседника*, человек начинает видеть Лицо другого. В этом случае он, по словам А.А. Ухтомского, обретает свое *лицо*, т.е. становится *личностью*. Такова *диалекти-*

---

¹ Важно отметить, что теория Юнга, как и весь психоанализ, не обладает выдержанной научной классификацией понятия *бессознательное*. Поэтому считаем полезным привести определение термина *бессознательное* в православном понимании. «Бессознательное в широком («описательном») смысле – это содержания психической жизни, о наличии которых человек не подозревает в данный момент, либо не знает долгое время, либо вообще никогда не знал. В более строгом («динамическом») смысле бессознательное есть то, осознание чего требует значительных усилий или невозможно, например самые «низкие» безудержные сексуальные и агрессивные влечения, а также самое «высокое» в духовной жизни» [13, с. 78].

ка личности, по ученому-христианину А.А.Ухтомскому, являющаяся антиподом логики развития личности, по ученому-язычнику К. Юнгу.

С другой стороны, только благодатно открывающийся сердечному взору Лик Господа, таинственно соединяющий в Себе неизреченную Красоту и живую Истину, дает силы отвести взгляд от самого себя, разорвать цепь самогипнотизирующего созерцания себя и услаждения собой. Человек «перестает бредить самим собой» (А.А.Ухтомский). С этого момента начинаются объективные самопознание и самовосприятие. «Когда человека вдохновляет Красота Истины..., он прочно и навсегда пойдет за этой красотой, ибо будет забывать себя и уходить постоянно от себя к ней – куда она, туда и он» [21, с.390].

По своему духовному смыслу понятие *доминанты на Собеседника* глубоко связано с христианской добродетелью *смирения*. Смирение, говорит свт. Тихон Задонский, не смотрит на то, что имеет, но рассуждает и ищет то, чего не имеет. Человек, имеющий эту добродетель, даже при великих дарованиях признает себя за ничего не значащего и все свои добрые дела относит Господу. Эта добродетель, по словам прп. Григория Синаита, представляет собой Божественную силу, действующую во всем и производящую все ¹. Это основа нашего *внутреннего сокровенного человека*. Вне этой добродетели душевный храм уподобляется святыми отцами зданию, построенному на песке. Смирение в святоотеческом понимании – это и способность видеть истину.

Восприятие Бога как Личности, пробуждение любви к Нему позволяют человеку изменить свое естественное отношение к страданию и перестать избегать его любой ценой. Над страданием ставится более глубокое для души чувство – любовь, ответная сыновняя любовь к Отцу Небесному. Эту любовь к Богу прозревали еще в заповедях Ветхого Завета немногие пророки и праведники. Для них заповеди представлялись уже не внешним принуждением, но путем к Богу, путем самоотречения, привлекающим к себе милость Божию, которая оживотворяла их сердца. Во всей полноте чувство ответной любви к Богу – Спасителю – раскрылось в сердцах христианских подвижников. По словам схиархимандрита Гавриила (Зырянова, +1915), в любви к Богу – сила жизни, сила творческая, благодатная, освобождающая человека от оков страстей, сжигающая их своим

---

¹ Цит. по: Скурят К.Е. Великие учителя Церкви. Клин, 2000. С.115.

огнем. Только эта благодатная сила создает в христианской душе сверхъестественное качество – *любовь к врагам*.

Рассмотренные нами свойства христианской веры (*благой вести*) делают ее уникальным, истинно надмирным мирозерцанием – плодом дара *Свыше*. Оно глубоко отличается от всех других мирозерцаний, порожденных падшим человеческим разумом. Стремление к Богу как сверхъестественному Источнику совершенных Любви, Красоты, Истины является объективным по природе для здоровой человеческой души (выдающийся ученый, психиатр С.С.Корсаков) и самым глубоким и сильным по характеру (свт. Феофан Затворник) влечением человека. Вне этого сердечного влечения религиозное чувство подвергается опасности вырождения в обрядоверие, фанатизм или морализаторство. Чувство стремления к Богу, являющееся побудительной силой человека, принципиально отличается и от *стремления к превосходству* (по А.Адлеру), и от *стремления к самоактуализации* (по Маслоу), и даже от *поиска смысла жизни* (по В.Франклу). Тем более оно никоим образом не связано с сексуальным чувством – *либидо, похоть* (по З.Фрейду). Это – иное, духовное по своей сущности чувство, о котором пророк Давид говорит: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс.41,2–3).

Таким образом, в христианстве, с одной стороны, и в учении Карла Юнга – с другой, мы видим два противоположных процесса: в первом случае – движение в сторону *духовного Я*, к обретению лица (ипостаси) через очищение совести и самоотречение, через победу над *низшим Я* (*Двойником, тенью*); во втором – движение к обретению *самости* через слияние с этим *низшим Я*, через потерю *лица* (*маски*), через *избавление от совести* (как честно предупреждает Карл Юнг) и усиление эгоизма, т.е. путь *индивидуации*. Действительно, путь в сторону, противоположную *духовному Я*, возможен только на фоне умолкания совести, всегда призывающей нас к высшему – к духовному восхождению, а не к падению. «Мой принцип таков: ...не будьте совершенными, но любыми средствами старайтесь достичь полноты, чего бы вам это ни стоило», – говорит Карл Юнг [26, с.101].

В христианском понимании, дух пронизывает всю психофизическую природу человека, определяет *качество жизни*, развитие и творческую силу души, является стержнем, метафизическим ядром

личности. «Доминанта души – внимание духу», – указывает на важнейшую закономерность жизни души А.А. Ухтомский. Если же человек следует путем индивидуации, то изменения, происходящие в нем, касаются только душевно-телесного уровня (*prosopon*) его существа, причем в ущерб духовному, личностному уровню. В этом смысле индивидуация является процессом, нарушающим важнейшую закономерность жизни души, т.е. явлением, противоестественным для души. «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6, 8), – дает оценку подобным путям Священное Писание. Итак, христианство – это путь, по которому человек ведется «отеческим жезлом» страха Божия – смирennemудрием; аналитическая психология Карла Юнга – это путь гордого своеволия – *самости*.

Что приносит душа на «жертвенник» индивидуации?

Во-первых, душа *теряет страх Божий*. «Начало мудрости – страх Господень» (Притч. 1,7), – свидетельствует Священное Писание. О тех, кто не желает смириться страхом Божиим, святой отец наш Ефрем Сирийский говорит: «Начало отступления в человеке есть удаление его от смирения. Оставленного же Богом давит лукавый дух, как Саула» [3, с. 69]. Существует огромный трагический опыт, подтверждающий, что вне страха Божия, вне смирения, лишаясь покрова благодати Божией, человек становится совершенно беззащитным перед соблазнами мира падших духов.

Во вторых, в душе *разрушается совесть*. В понимании православной антропологии, совесть является высшей формой сознания, поэтому омрачение совести есть омрачение сознания. Святые отцы говорят, что совесть тесно взаимодействует с тремя силами души – умом, сердцем и волей. По мнению современного православного психолога, заглушение совести, в частности, подрывает и расшатывает нравственную память (фундамент интеллекта). Монолит ума без *цемент*а совести разваливается на фрагменты (интеллектуальные блоки). До времени они могут оставаться весьма крупными, если природные способности значительны, но умным (*целомудренным*) такой «интеллектуал» уже не будет [16, с.29].

Совесть несет интуицию о единосущности людей, о том, что они – дети одного Отца Небесного; поэтому совершенствование (очищение) совести приводит к раскрытию в человеке чувства любви к ближнему, как к самому себе. Напротив, *ее умалчение* способствует

самозамыканию человека, отстраненности от других. Христианская вера соединяет людей в некое подобие живого организма. Соединение происходит в том числе через общее понимание определяющих жизненных ценностей. «Возлюбим друг друга за единомыслие», – звучит в православных храмах за Божественной Литургией. Сравним: «Даже если со мной не согласен весь мир, мне это совершенно безразлично»; «Для меня приемлема лишь юнговская конфессия» [26, с. 129]. Так заявляет *отец аналитической психологии*.

Таким образом, путь индивидуации – это путь индивидуализма. Стремясь достичь полноты в самом себе, человек теряет ощущение того, что истинная его полнота – в лице другого, теряет ощущение его незаменимости, говорит митрополит Амфилохий (Радович). Тогда происходит глубокое смещение системы ценностей, всего мировосприятия. К.Юнг обвинял христианство, как «устаревший миф», во многих бедах, поразивших Европу в XX веке. В самом же деле зло умножается тогда, когда люди, целые народы, отпадают от христианства, извращают его. При этом, как предупреждает Евангелие, неизбежно, по причине умножения беззакония, во многих охладевает любовь, а на ее место приходят равнодушие и ненависть.

Путь индивидуации опасен для самой личности, о чем предупреждал А.А.Ухтомский: «Один человек – не целое! И это не норма, чтобы он «уравновесился» сам в себе как индивидуальность» [с.487].

Можно говорить о формировании двух типов сознания в процессе восстановления целостности личности: *монологического* (в случае аналитической психологии) и *диалогического* (путь христианской духовности). В отличие от монологической, диалогическая установка сознания проявляется в стремлении слышать, видеть, воспринимать другого, не внося в это восприятие своих искажений. Такая установка сознания лежит, по мнению М.М.Бахтина, в основе человеческого бытия, а также подлинного творчества. Кроме того, она является условием движения к полноте разнообразия форм жизни.

«Онтологическая злокачественность» индивидуации по Юнгу

Прп. Максим Исповедник учит, что мир как творение Божие обладает тремя основными закономерностями – *бытийностью, движением, разнообразием*. В христианстве движение *наличного Я (сознания)* – ограниченного и несовершенного – в сторону *духовного Я* – безграничного и совершенного – раскрывает перед сознанием глубину их несоответствия и противоречия. Это противоречие не снимается никакими достижениями и создает *пафос дистанции*. Оно же составляет основу духовной активности личности, является источником внутреннего динамизма, который, по мысли А.А.Ухтомского, есть одно из важных условий внутренней устойчивости человеческого существа. Человек – существо *приснодвижное*, говорят святые отцы, т.е. одним из свойств его природы является движение. Напротив, индивидуация предполагает крен в сторону ограниченного уровня – *нижнего Я*, а значит, и неизбежную *остановку в движении*. *Остановившаяся система* становится *принципиально неустойчивой*, что относится, прежде всего, к душевно-духовной сфере. В этом и заключается нарушение двух первых закономерностей. Третья закономерность – стремление к разнообразию – нарушается, поскольку в процессе индивидуации дух человеческий, в котором как раз и заложена уникальность человека, не раскрывается (остается в латентном состоянии). Только путь христианской духовности раскрывает в человеке его уникальные качества, его неповторимое лицо. Метод же Юнга может приводить только к стиранию неповторимых черт.

С определенной долей условности индивидуацию можно назвать *онтологически злокачественным* процессом. Если рассматривать человечество не как абстрактную общность, но как единый живой организм (именно так воспринимает его христианство), то можно говорить, что в этом организме формируется некое злокачественное образование, подобное, например, совокупности мало дифференцированных клеток в злокачественной опухоли. Самозамыкание индивидуума на себе напоминает процесс появления в организме клеток, утративших свои специфические функции, свое предназначение.

ние для организма в целом. Стремительный рост числа патологических клеток может привести к разрушению целостного организма, так же как рост числа людей, зараженных крайним индивидуализмом, неизбежно приведет к гибели общества.

Два взгляда на исцеление души

В качестве практических методов исследования аналитической психологии Карл Юнг использовал:

1. Ассоциативный тест.
2. Анализ сновидений.
3. Активное воображение [26, с.48].

Второй и третий методы, с позиций святоотеческого опыта, представляют собой несомненную духовную опасность для пациента. Так, раскрывая свой метод активного воображения, К.Юнг говорит о переводе некоторого содержания бессознательного в сознательное, осуществление которого требует исполнения целого ряда условий. Эти условия весьма напоминают условия аскетического внутреннего внимания: отрешение от чувственно-рассудочного содержания сознания в концентрации; освобождение от стесняющих внешне объективных условий в виде чувственного восприятия и мышления (интраверсия, т.е. обращение внутрь). Но это сходство больше внешнее. По духовной же сути это не только иное, но прямо противоположное и весьма опасное явление.

Практические методы аналитической психологии, которые развивал Карл Юнг, активизируют бессознательное. Тем самым они разрушают оградительный барьер между бессознательным и сознанием, и тогда первое может прорываться в форме несдержанных фантазий, неконтролируемых желаний, прямым путем ведущих к духовным заболеваниям. Всякое неосторожное прикосновение к этому миру может приводить к неконтролируемым взрывным процессам, к аффективным и мотивационным расстройствам.

Кроме того, *прикосновение* к некоторым поверхностным слоям бессознательного может приводить к пробуждению архаического мышления, уже преодоленного христианской культурой. Обращение Карла Юнга к пантеизму, натурализму, алхимии есть то масло, которое подливается в огонь активно возрождающегося ныне неоязыче-

ского сознания. Евангельский призыв «Врач! Исцелися сам!» попадает язычествующим психологам не в бровь, а в глаз.

Методы аналитической психологии часто описывают опасные кривые и ставят пациентов на самый край бездны, особенно когда они находятся в руках духовно невежественного или мистически поврежденного (в случае Карла Юнга) врача-психоаналитика (Юнг считал, что в процессе аналитической работы бессознательное пациента и врача тесно взаимодействуют). Пациент в таком случае подвергается серьезной опасности оказаться в непосредственной демонической зависимости.

Важно отметить принципиальную ограниченность методов аналитической психологии. Они не достигают (и не могут достигнуть!) глубин жизненных истоков, находящихся в центре человеческой триметрии – духа, души, тела, т.е. того, что в христианстве называется *сердцем*, поскольку они имеют другую направленность. Они не достигают и основной цели – раскрытия глубинного, вытесненного из области сознания нашего *духовного Я* с его высшими запросами. Поэтому не решается проблема главного противоречия человеческой личности. Оно проявляется, с одной стороны, как томление о Бесконечном и Вечном, как невозможность человеческого духа успокоиться на чем-то ограниченном и временном, как неутолимая жажда абсолютной красоты и совершенства, высшего смысла, как жжение совести. А с другой стороны – как склонность ко греху, которая также лежит не на периферии духовной жизни, но поражает самую ее глубину, извращая все движения духа: «Сжигает душу человеческую, крушит и ломает духовные кости разума, помрачает свет сердца» (свт. Кирилл Иерусалимский).

Где же выход из комплекса душевных проблем, которые нависли над душевно и духовно страждущим человечеством, как дамклов меч? Что делать несчастному, исстрадавшемуся человеку с тяготеющими над ним вредными комплексами и психическими новообразованиями, извращенными желаниями, стремлениями, последствиями первородного греха, которые сформировались в виде устойчивых структур в области бессознательного? Как устранить из памяти события, долгие годы терзающие совесть, ведь человеку не дана способность их произвольного забвения?

Религия Воплотившегося Логоса Христа знает универсальное средство против этой обремененности поврежденной грехом чело-

веческой души, не владеющей своим психосоматическим аппаратом.

Это – путь борьбы за содержание сознания, за чистоту помыслов, путь очищения, просветления и обновления. Лишь религиозная молитвенная концентрация способна достигать внутреннейшего ядра личности, *внутреннего сокровища*, пробуждать целительные силы Главного Врача – благодатные дары Святого Духа. Только двигаясь к Тому, Кто есть «путь, истина и жизнь», можно уберечься от всех уклонений и извращений, от всякого вмешательства внутреннего и внешнего зла, от соблазнов магического психизма.

По мысли академика А.А.Ухтомского, именно при «молитвенном чтении души» может осуществиться перевод «тайных внутренних врагов... в свет сознания» [21, с.369]. «Молитвенная дисциплина есть по преимуществу дисциплина всеобъемлющего внимания, освещающая все уголки тайного и подсознательного, соединяющая и собирающая личность в одно деятельное целое, скрепленное притом в могучую эмоцию – эмоцию любви ко всякому бытию», – говорит выдающийся ученый-физиолог [с.369-370].

Учение святых отцов исходит из того, что Церковь есть лечебница, которая лечит израненного человека. Этот образ используется во многих местах Священного Писания. Так, трактуя притчу о Добром Самарянине (Лк. 10, 33–45), свт. Иоанн Златоуст видит в образе Доброго Самарянина Самого Иисуса Христа. Он сходит с Небес, чтобы исцелить *раненого человека*, который ниспал из небесного жителства, сделавшись жертвой диавольского обмана. Раны, которые он получил, – суть различные грехи, которые производят духовные, душевные и телесные болезни, как говорит пророк Давид: «Воссмердеша и согниша раны мои от лица безумия моего» (Пс.37,6).

Добрый Самарянин – Христос – использовал вино и елей для излечения ран, т.е., «смешав Дух Святой со Своею Кровью, оживотворил человека» [5, с.18]. Он посадил больного человека на Своего осла, т.е. воспринял человеческую плоть на плечи Своего Божества, и вознес к Отцу на Небеса. Он привел человека в большую, чудную, просторную гостиницу – Вселенскую Церковь. Церковь и есть Небесная Лечебница, предлагающая каждому необходимое. От самого же человека (*раненого*) требуется только желание принять помощь. Это желание выражается в чувстве покаяния.

Путь очищения

«Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас» (Мф.11,28), – вызывает к нам Господь. *Труждающиеся и обремененные* – это раздавленные извращенными психическими комплексами люди – рабы грехов, страстей, порочных влечений и аффектов. Главными факторами, приводящими к созданию *извращенных психических комплексов* [17], по словам А.Позова, являются *греховная сладость в сердце, извращенное (пристрастное) направление ума, самовалие, извращенные фантазия и память*. Примеры извращенных комплексов, или дела плоти, по апостолу Павлу, перечислены в его послании Галатам: прелюбодеяние, блуд, нечистота, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, ненависть, пьянство (Гал.5,19–21). Плоды духа – любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал.5,22–23). «Найдете покой душам вашим, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Мф.11,29–30).

Принять бремя Господа – это значит поверить в Него, принять Его как Единородного Сына Божия, как своего личного Спасителя, искупившего нас Своими страданиями. Это значит смиренно принять, что все тягостное и невыносимое, происходящее в нашей жизни, в самом деле посылается милосердным Богом с благой целью, что внешние обстоятельства выстраиваются в соответствии с особенностями нашего внутреннего устройства. Эти внешние события помогают осознать (используя терминологию Юнга: *выводят в область сознания*) те скрытые душевные язвы, которые и являются источником нашего внутреннего нездоровья.

Цель бытия нашего на земле – нравственное совершенствование для должного приготовления себя к Вечности. На эту цель направлено действие Промысла Божия, желающего, чтобы все спаслись и пришли в познание Истины. Это и есть *линия жизни*, к которой призывает нас Господь и ждет нашего волеизъявления.

Внутреннему взору верующего человека открывается истина, что все обстоятельства и факты земной жизни выстраиваются Промыслом так, чтобы смирить человека, избавляя его от самой страшной душевной болезни – гордости, самодостаточности, самодовольства. Великие подвижники духа – святые – единодушно свидетельствуют: основой и первопричиной всей сущности грешной личнос-

ти, всего состава извращенных и противоестественных стремлений и действий омертвелою, смертного – *ветхого человека*, источником *мерзости и запустения* в нем является эгоизм [10, с.296]. С эгоизмом, который есть самолюбие, неразрывно связано «соскальзывание» сознания в область низкой чувственности, вытеснение духовной природы – телесной.

Если гедонизм есть устремление к видимому и временному, то добровольное принятие страданий, жертвенность, смирение есть устремление к невидимому и вечному. Добровольно, с благодарением принимающий страдания «участвует в страданиях Христовых» (1Пет. 4,13). Через *претерпение страданий* человек приходит к подлинному созерцанию реальности и подлинной радости:

Под облаками сокрыты резервуары воды,
Эту воду мы зовем радостью,
Радость глубже, чем счастье облаков.
Но вода не выйдет на поверхность сама собой.
Поэтому должно вскопать этот пласт скорби,
Чтобы извлечь ее [29].

Эти строки, содержащие древнюю мудрость, отражают общечеловеческую интуицию о подлинном пути к Истине.

В то же время понимание жертвенности как единственного пути к Истине, возвращения к себе остается до сих пор тайной за семью печатями для сегодняшнего знания и полузнания, обещающего от имени современных лжепророков безболезненно *просветить* и *исцелить* доверчивые умы.

Когда человек находится в состоянии тягостной болезни или невыносимых обстоятельств, в его душе рождается мучительный вопрос: за что мне это? Одна из причин того, что страдания становятся невыносимыми, заключается именно в их кажущейся бессмысленности. Верующая душа воспринимает страдания совершенно иначе. Сама форма вопрошания – *за что мне это?* – изменяется на *для чего мне это?* Вновь обретаемый смысл жизни становится одним из главных внутренних источников силы для страдающей души.

Принять бремя Господа – это значит прийти к *покаянию*. Покаянием начинается и завершается духовный путь примирения грешной души с Богом. В покаянии выражается акт важного внутреннего

произволения и поворота воли от греха, зла – к добру и истине. Отсюда очищающая и исцеляющая сила покаяния. По своей природе покаяние не является чем-то искусственно навязываемым человеку извне. Это внутренний бальзам для его души. По словам доктора Владеты Еротича, потребность в исповеди – самая глубинная и сокровенная потребность человеческого существа. Покаяние (греч. *μετανοια*) в истинном, глубоком смысле означает также изменение ума, возвращение на путь истины. Ум (греч. *нус*) в святоотеческом понимании может обозначать душу, сердце, определенную силу души. Кроме того, он обозначает высшую созерцательную способность – *око души*, ее чистейшую часть. И от чистоты этого *ока* зависит чистота души и тела.

Покаяние – единственный путь реального очищения ума. Сам ум, потерявший способность различения добра и зла, очиститься не может. Единственное, что он может знать истинно, – это что сам он не является источником истины. Он не может очищаться, когда размышляет о проблеме преодоления зла или медитирует. Неочищенный ум, сам того не замечая, вместо очищения может *переходить* от одного *нечистого* объекта к другому, *вылезать* из одной *ментальной ямы*, чтобы попасть в другую. Он может быть уподоблен человеку, ведущему брань с закрытыми глазами, который получает удары, слышит шум, крики, но не видит врагов своих.

Таков путь всякой ложной мистики. Таков путь аналитической психологии, приводящей не столько к очищению от комплексов, сколько к созданию новых, скорее, создающей иллюзию исцеления, чем подлинно исцеляющей.

Путем же очищения является путь покаяния, путь признания своей немощи, поврежденности, неспособности исцелиться без помощи *Свыше*. Это путь исполненного скорби духовного самопознания, возникающего перед Лицом Божиим. Такое самопознание постепенно и глубоко открывает уму сокровенное. «Когда ум увидит согрешения свои, количеством подобные песку морскому, то это служит признаком начавшегося просвещения души, признаком ее здоровья» (Св. Петр Дамаскин).

Очищение и преображение происходят через непрестанное *молитвенное делание*. По словам прп. Григория Синаита, молитва вселяет в человека чувствование Неба, согревает и радует ум, воспламеняет душу невыразимой любовью к Богу и людям, дарит ему

духовную мудрость ¹. Молитва есть «тончайший воспитатель ума, сердца, всей личности» (митрополит Амфилохий /Радович/) и «единственный метод сущностного самопознания» (архимандрит Иустин /Попович/). По мысли прп. Максима Исповедника, чистая молитва ведет практически к полному очищению ума.

Особое преображающее влияние православной молитвы на сознание человека экспериментально доказано исследованиями доктора биологических и кандидата медицинских наук, заведующего лабораторией психофизиологии Института мозга им. В.М.Бехтерева профессора В.Б.Слезина и кандидата медицинских наук И.Я.Рябининой. Энцефалограмма показала, что в состоянии молитвы у православного христианина наблюдалось полное отключение коры головного мозга при ясном сознании. Этот феномен определен учеными как *четвертое состояние сознания* (до этого науке были известны три состояния сознания человека: бодрствование, медленный сон и быстрый сон). Тезисы сообщения об этом важном научном открытии были опубликованы на Всемирной конференции «Последние достижения науки о сознании», проходившей в 1999 г. в Аризонском университете (США).

Вот что говорит профессор В.Б.Слезин, комментируя свое открытие. Молитвенное состояние, согласно проведенным экспериментам, свойственно и необходимо человеческому организму, как и три известные нам состояния. Ведь в жизни человека наблюдаются переходы одного состояния сознания в другое, существуют системы торможения, отключения... Когда у человека отсутствует необходимое для него четвертое состояние мозга, то происходят некие негативные процессы. Неслучайно характерной чертой подвижников Церкви, монахов-старцев, является *умиротворенное* состояние души... Есть основания предположить, что без внедрения в практику молитвенного состояния трудно достигнуть этого мирного устройства в душе. Отсюда и целительные свойства молитвы. Во время настоящей молитвы происходит уход от реальности, что приводит к разрушению патологических связей. Уходя от мира, от образов патологии, человек способствует своему выздоровлению. Четвертое состояние — это путь к гармонии.

Эксперименты показали также, что, в противовес молитвенному состоянию, во время медитации в коре головного мозга вклю-

---

¹ См.: Скурат К.Е. Великие учителя Церкви. С.106.

чаются механизмы *возбуждения*. Поэтому несостоятельным оказывается утверждение йогов о том, что медитация – это та же молитва, т.е. то же общение с Богом. Современные психотерапевты пытаются предложить медитацию в качестве одного из терапевтических средств, но независимыми исследованиями профессора А.Берестова выявлено, что характерным для лиц, занимающихся медитативными практиками, является наличие на электроэнцефалограмме (ЭЭГ) гиперсинхронизации волн, которую можно рассматривать как патологическую деятельность мозга.

Если для человеческого организма характерны четыре физиологических состояния, значит, они все должны чередоваться в жизни человека. Отсутствие одного из них нарушает гармоничное развитие организма, приводит его к деградации и болезни. Поэтому, по словам профессора В.Б.Слезина, молитвенное состояние позволяет или помогает человеку оставаться человеком [28, с.6].

С молитвой неразрывно связан *пост*. Молитва и пост – это два крыла, на которых душа поднимается над землей. Пост – одно из проявлений самопожертвования, добровольного самоограничения, способ борьбы с эгоизмом и самовлюбленностью. Он имеет прежде всего духовный смысл и органически связан со всей духовной жизнью. Его конечная цель – это всецелое посвящение души и тела Господу, смирение тела, подчинение его высшему духовному началу.

Очищение ума происходит через непрестанное *памятование о Боге*, Который есть Верховная Красота и Беспредельное Совершенство. Это памятование становится всеобъемлющим благодатным помыслом ума, определяющим характер всех его движений, преобразующим его.

Ум очищается через *Слово Божие*, которое принес Христос: «Вы уже очищены через Слово Божие, которое Я проповедал» (Ин. 15,3).

К действию Слова Своего Христос присоединил действие *благодати* основанной Им Церкви. В *Таинствах* Церкви действие трансцендентной Божественной Силы, осуществляясь через тело, преобразует всю человеческую триметрию: дух, душу, тело. В Таинствах действует очистительная сила огня Божественной благодати, который пришел низвести на землю Христос, огня, сжигающего нечистоту человека там, где человек не может ничего сделать силою своего естественного огня [17, с.252].

«Аскетический психоанализ»

Благодатные изменения души, идущей по пути спасения, сопровождаются двумя взаимосвязанными и усиливающими друг друга процессами. С одной стороны, в ходе аскетической жизни сам ум научается воздерживаться от инстинктов, плотских (низших) влечений и от связанных с ними чувственности и фантазии – всего того, что, по опыту святых отцов, омрачает ум, лишает его ведения, делает рассеянным и бесплодным.

С другой стороны, ум через это благодатное очищение восстанавливает одно из своих важнейших качеств – способность контроля чувств и их торможения (чувства в данном случае понимаются больше как эмоции). Ум *упрощает* чувства, избавляя их от того, что искажает восприятие, он вводит их в естественные рамки, анализирует, «философствует», по выражению прп. Максима Исповедника. Это становится возможным, поскольку ум обретает способность видеть дурные склонности сердца, влияние и действие *страстей*. Все это означает *возвращение ума к самому себе*.

Страсть – это особая наклонность души, имеющая тягу к непомерному росту и подавлению всех прочих качеств души и проявлений личности (свт. Григорий Палама); это своего рода *доминанта*, по А.А.Ухтомскому, имеющая душевное и телесное проявление. Страсти суть основные побудители, основные мотивы, определяющие поведение человека; это те тонкие, но прочные нити, из которых соткан его характер [14]. В святоотеческой литературе выделяются семь главных страстей (суть порочных наклонностей): объедение, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, гордость. Развитие страсти есть процесс деформации душевной сферы, ведущий к расстройству душевной жизни до состояния хаоса.

Состояние порабощения страстями неразрывно связано с болезненным состоянием души, определяемым как *греховное опьянение*, которое в своем развитии может приводить к состоянию, называемому святыми отцами *прелестью*. По определению прп. Григория Синаита, прелесть – «великая противница истин, влекущая к гибели людей» [19, с.111]. Прелесть, по его словам, – это ложное созерцание, неразумная радость, самомнение – *воспламенение греха*.

Обнаруживается это состояние часто в чрезмерной мечтательности, в основе которой лежат гордость и самоомнение.

По словам А.А.Ухтомского, человек воспринимает мир и себя через призму своих доминант. Состояние греховного опьянения создает своего рода дефектную – искажающую мировосприятие – *призму*. Одной из главных особенностей *страстного* состояния является полное непонимание, нечувствие пагубности этого состояния. Адекватность самовосприятия восстанавливается лишь тогда, когда человек начинает борьбу со страстями, когда он пытается преодолевать стихию падения, т.е. начинает *приходить в себя*. В этом случае в его душе начинает действовать благодать Божия. Поэтому так важен для нас опыт святых, ставших по отношению к нашему состоянию греховного опьянения – *иными*, несущими трезвенное (правильное) восприятие реальности. Важно отметить, что творчество Карла Юнга, в том числе и рассматриваемая нами аналитическая психология, несет на себе явные следы *мечтательной прелести*.

Страсть отличается от добродетели не только гипертрофированным характером своих проявлений, но прежде всего извращенным направлением. Поэтому, по словам свт. Григория Нисского, если ум воспримет власть над таковыми движениями (т.е.страстями), то каждое из них может превратиться в добродетель. Так, раздражение порождает мужество, робость – осторожность, страх – благопокорность, ненависть – отвращение от порока, сила любви – воздержание истинно прекрасного, печаль – раскаяние. Из этого явления становится очевидной главенствующая роль ума в борьбе со страстями, его центрирующая и связующая роль в процессе очищения. Неслучайно ум определяется прп. Исааком Сириним как *царь страстей*, как *кормчий и домостроитель чувств и помыслов*, а покаяние – *метанойя* – означает в аскетике прежде всего *изменение ума*.

Каким же путем страсть овладевает душой человека?

По единодушному мнению святых отцов, пленение души страстью происходит через неконтролируемое развитие греховного помысла, представляющего собой образ греховного действия. Развитие помысла (от прилога – к сочетанию, сложению и пленению), которое подробным образом описано в аскетической литературе, является, по сути, процессом формирования мотива. *Незнание процесса, которым помыслы доводят нас до страстей, неспособность различать помыслы, нежелание и неумение бороться с ними явля-*

ются коренными причинами разрушения духовно-нравственных основ личности, ее деградации и ее бедственного состояния. Ум при этом слабеет, не исследует чувства и желания, не контролирует их и не господствует над ними, а покоряется чувствам и следует за ними. По образному выражению прп. Исаака Сирина, ум, увлекаясь чувствами, вместе с ними «ест звериную пищу», т.е. увлекается страстями; когда же чувства увлечены умом, тогда они «приобщаются с ним ангельской пище» [2, с.280].

Важным условием борьбы с помыслами является постоянное внутреннее внимание ко всем движениям нашей души. Закон *внутри-пребывания* определяется святыми отцами следующим образом: держи сознание свое в сердце и собирай там все силы души и тела. *Внутри-пребывание* осуществляется в сердце как в *исходище* (источнике) всех движений, что дает возможность иметь перед глазами все происходящее в человеке. Следовательно, оно является условием истинного господства человека над собой, условием истинной духовной жизни. Поэтому всякий подвиг, совершаемый без пребывания в себе, по словам свт. Феофана Затворника, «не духовен, ниже подвижничества и должен быть отменяем» [1, с.207-208]. «Примири с собой, и с тобой примирится вся вселенная», — говорит прп. Исаак Сирин.

Нейрофизиологическими исследованиями доказано, что механизм активного волевого участия проявляется в человеке прежде всего через его способность к запрету негативного помысла или желания. Этот научный опыт подтверждает истинность православного понимания духовной работы, ориентирующей человека не столько на то, чтобы по своей воле вовлекаться в добрые дела и активно утверждать себя, сколько на способность прежде всего различать и обрывать недолжное. Эта закономерность распространяется и на процесс познания в целом. Вот как об этом говорит прп. Исаак Сирин: «...и на помышление, и на движения свои повесь завесу целомудрия и смирения, и через это найдешь то, что внутри твоей природы, потому что смиренномудрым открываются тайны» [2, с.280].

Обновление ума, выражающееся в благодатном внимании к своим помыслам и своей внутренней жизни, есть один из важнейших признаков *рожденной свыше души*, на который единодушно указывают святые отцы. Напротив, не возрожденная благодатью душа, пребывающая в своем естестве, этой спасительной деятельности не

имеет и иметь не может. Она постоянно носится в вихре вредительных, разрушающих ее мечтаний. Тишина ума ей неведома и несвойственна. Для ума же, возрожденного благодатью Святого Духа, это кружение является противоестественным, через непрестанную молитву он стремится постоянно входить в небесную тишину благодатных помыслов.

Очистившись, сам ум становится великой очистительной силой, которая *обуздывает душу, покоряет страсти*. По авве Таласию, «ум, исцеливший себя, делается врачом... Освободившись от страстей, он становится огневидным и непрерывно просветляется созерцанием».

Рвется порочный круг взаимного негативного влияния тела на ум и ума на тело. В беспросветной душевной тьме появляется свет. Все это может быть названо подлинным аскетическим психоанализом. Движение к этому свету начинается и проходит на путях обретения и возрастания веры, которая является, с одной стороны, великим даром Божиим, а с другой – входит в число главных добродетелей души. Путем веры, этого, по прп. Максиму Исповеднику, «недоказуемого знания», человек таинственным образом соединяется с Господом в «над-сознательном (над-умном) единстве» (митрополит Амфилохий). Вера – это духовный стержень личности, важнейшее антропологическое качество, определяющее все устройство человека. Становится очевидным трагический характер гностической гордыни Карла Юнга, который не принимал для ума путь веры, обвинял за нее религию и предлагал путь гностика – «спасение через знание».

Вместе с очищением ума происходит очищение всей души и всего тела. С очищением ума происходит *умолкание* его низшей (рассудочной) части, точнее, рассудок занимает свое естественное (подчиненное) положение. Ум освобождается от ложных стереотипов, пустомыслия, рассеянности и блуждания.

В безмолвии ума начинает очищаться главный источник скверны – греховное сердце, из которого, по словам Самого Господа, «исходят злые помышления», грехи и преступления. Очищение сердца есть процесс очищения того, что Карл Юнг называет бессознательным. Оно происходит в результате анализа и диссоциации (разложения) комплексов психических новообразований под воздействием молитвенной концентрации ума в сердце, под действием благодати. В

сердце открываются сокровенные неисчислимыя богатства, обретается драгоценная евангельская *жемчужина*.

Освобождение ума от духовной слепоты одновременно приводит к восстановлению потерянной им способности *видения и распознавания* воли Божией. В жизненном опыте исполнения воли Господа, Его заповедей, во внутренней борьбе с греховными движениями души (помыслами) происходит глубокое изменение всей волевой направленности личности, коренным образом меняется в лучшую сторону поведение человека. Через это делание человек выявляет направленность своей *умной* воли относительно добра или зла, которая и определит его участь в жизни Вечной.

Духовное преображение души

Осознание и очищение всего сердечного содержания (так называемого *бессознательного*), исправление воли, стабилизация и просветление сознания действием благодати Святого Духа – таков идеал умного Иисусова делания в духе и истине.

Этот путь, называемый *трезвением*, связан не с убийством или уничтожением естественных способностей человека, в том числе и телесных, а именно с их воспитанием и использованием для служения высшему духовному началу в человеке, извлечением и освобождением здоровых, неповрежденных начал (*энергий*) из плена греха. Пределом этого пути является достижение бесстрастия. Бесстрастие, как учат афонские исихасты, не есть умерщвление страстного начала в человеке, но лучшая энергия его тела ¹. Происходит преображение всей *душевной ткани* – порочные нити страстей симметрично заменяются святыми нитями добродетелей: объядение – воздержанием, блуд – целомудрием, сребролюбие – нестяжанием, гнев – кротостью, печаль – блаженным плачем, уныние – трезвением, гордость – смирением.

В то же время происходит соединение – исцеление, восстановление в единое целое трех сил души – ума, чувства, воли, их одухотворение. Душа становится единым духом, исчезает фрагментарность, которая признается современной медициной главной причиной патологии всякой живой системы и с которой пытался бороться

---

¹ Цит. по: Архимандрит Киприан (Керн). Антропология свт. Григория Паламы. М., 1996. С. 511.

Карл Юнг. Дух человеческий стяжанием благодати Святого Духа избавляется от сущностной пустоты (преодолевают «экзистенциальный вакуум», по В.Франклу), которая не может быть преодолена никаким другим путем. Дух человеческий становится полным и целостным, в лице человеческом выявляется лик Христов.

Рассмотрим подробнее процесс преображения (т.е. обретения принципиально нового качества) *душевной ткани* на пути святости и восстановления целостности души и сравним его с процессом индивидуации. Преображение души становится возможным, с одной стороны, благодаря тому, что дух человеческий под действием благодати Святого Духа восстанавливает утраченную в первородном грехе способность к интегрирующему (объединяющему) действию. С другой стороны, это возможно, поскольку добродетель, по очень важному замечанию прп. Максима Исповедника, в отличие от страсти, обладает *логосным содержанием*¹. Логосы отдельных вещей содержатся в более общих логосах, как виды – в роде. Все вместе они содержатся в ипостасном Логосе, т.е. во Второй Ипостаси Святой Троицы, Который есть первоначало и конечная цель всего тварного [4, кн.2].

В человеке – свой, особый, состоящий из трех частей логос:

1. Логос бытия, согласно которому человек создан из души и тела и, таким образом, причастен как миру ангельскому, так и миру вещественному.

2. Логос благобытия, определяющий нормы деятельности человека и добрые задатки его души.

3. Логос вечнобытия, определяющий вечную цель Промысла – обожение человека, соединение его с Богом в вечности [6, с.168].

Поскольку *логосы творений* обладают сущностью и энергией, способностью соединять элементы в одну согласную стройность и, самое главное, их энергия связана с энергией Логоса ипостасного, то возможен процесс взаимного усиления добродетелей и соединения в некую структуру. Эта целостная структура обладает принципиально новыми (дополнительными) свойствами.

— Такой процесс формирования целостной структуры, на наш

---

¹ Учение о предвечных Божественных идеях, согласно которым творится мир, подробно разработано прп.Максимо Исповедником. Он называет эти идеи *логосами*, т.е. *словами*, имея в виду, что это те Божественные силы и слова, о которых возвещает нам первая глава Книги Бытия, Псалтирь [6, с.166-167]. Весь мир находится, по учению прп. Максима, как бы «подвешенным» на логосах творений.

взгляд, лежит в основе способности только *живых систем* к сверхаддитивному нелинейному сложению – когда несколько элементов, объединяясь, создают структуру, способную совершать то, что каждый элемент в отдельности совершить бы не мог. Это свойство отсутствует у неживой природы. Математически это может быть выражено следующей формулой:

$$F(x,y) > F(x)+F(y),$$

где $F(x,y)$ – функция целого; $F(x)$, $F(y)$ – функции отдельных элементов [22, с.10].

Таким образом, рост добродетелей – это созидание, умножение, появление принципиально нового качества, подлинное оживление души. Это, можно сказать, небесный свет, возгорающийся в духовном мраке души. Это – путь в вечную жизнь, о котором Воплотившийся Логос говорит: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (Ин.7,38). Напротив, страсти, по словам Ефрема Сирина, делают человека *истуканом*.

Важно отметить, что в духовной жизни добродетели не являются высшей целью. Высшая цель христианина – богообщение, «стяжание благодати Святого Духа» (прп. Серафим Саровский). Оно возможно лишь при смиренном осознании своей несамодостаточности, потребности в Высшем Другом. Путь добродетелей – это путь самоотвержения. «Отвергнись себя, возьми свой крест и следуй за Мной», – призывает Господь. Отвергнуться себя – значит признать над собой во всем Высшую волю, победить самоугодие и самолюбие во всех его формах. В этом сокровенном чувстве происходит бытийное самоопределение человека. По словам архимандрита Софрония (Сахарова), полнота нетленной любви к Богу и ближнему чудным образом связывается с *отталкиванием от самого себя*, точнее, от того, что искажает образ Божий в нас. Эта *святая ненависть* – дар Божий, через нее мы приобщаемся к вечности, спасаем душу [8, с.203]. Именно здесь, в области этого сердечного чувства, сокрыты и открыты забытые законы жизни и бытия, нарушение которых искажает все в мире, но следование которым возвращает данную Богом гармонию (митрополит Амфилохий /Радович/).

Взять свой крест – это значит распять своего *ветхого человека* с его *страстями и похотями*. Наш внутренний крест, получая благо-

датную силу от Животворящего Креста Господня, духовно воскрешает душу. По словам свт. Григория Паламы, одна из целей боговоплощения – быть для нас примером смирения и спасения от плотских страстей и гордости, показать ее всегубительный характер.

Тайна, скрытая в самоотвержении, тайна «Распятой Любви», была и остается камнем преткновения для язычников всех времен. Представитель современного язычества Карл Юнг радикально отрицает христианский путь самоотвержения, боясь сделаться *невротиком* [26, с.129]. Он предлагает «во имя собственного достоинства, ради психологического развития... принимать себя такими, какие мы есть», быть «на стороне природы» [с.135]. Он призывает примириться со своей *внутренней змеей* – инстинктами [с.129], безоглядно полюбить свою душу, забывая о евангельском предостережении: «Сберегший душу свою потеряет ее» (Мф.10,39). В призывах Юнга нет ничего нового. Те же идеи проповедуются на земле уже не одну тысячу лет, начиная с первой *змеиной проповеди*, прозвучавшей в Эдемском саду перед нашими прародителями.

Чувство ложной самодостаточности (*самости*), которое создает индивидуация Карла Юнга, усиливает в человеке эгоцентрическое начало – *гордость*, эту мать всех страстей. Поэтому индивидуация Карла Юнга неизбежно сопровождается развитием всей греховной цепи страстей. Это явление представляет собой деструктивный процесс, неустойчивый по характеру, способный лишь паразитировать на живом организме; это – образование *злокачественной ткани*, вытесняющей из души благодатный свет. Поскольку существует явная связь между пораженностью человека страстями и различными болезнями¹, то воздействие аналитической психологии Карла Юнга может повлечь дезорганизацию всей душевной и телесной жизни человека, а это, в свою очередь, проявится в формировании разнообразных патологических симптомов.

Выявленная роль страстей и добродетелей в жизни души делает очевидной правомерность святоотеческого подхода к определению типов личности. Ее мы находим у выдающегося аскетического автора аввы Дорофея. Святой авва говорит, что есть три устройства души: человек «или... действует по страсти, или сопротивляется ей, или искореняет ее» (19, с.76).

---

¹ См., напр.: Гурьев Н.Д. Страсти и их проявления в болезнях. М., 1999.

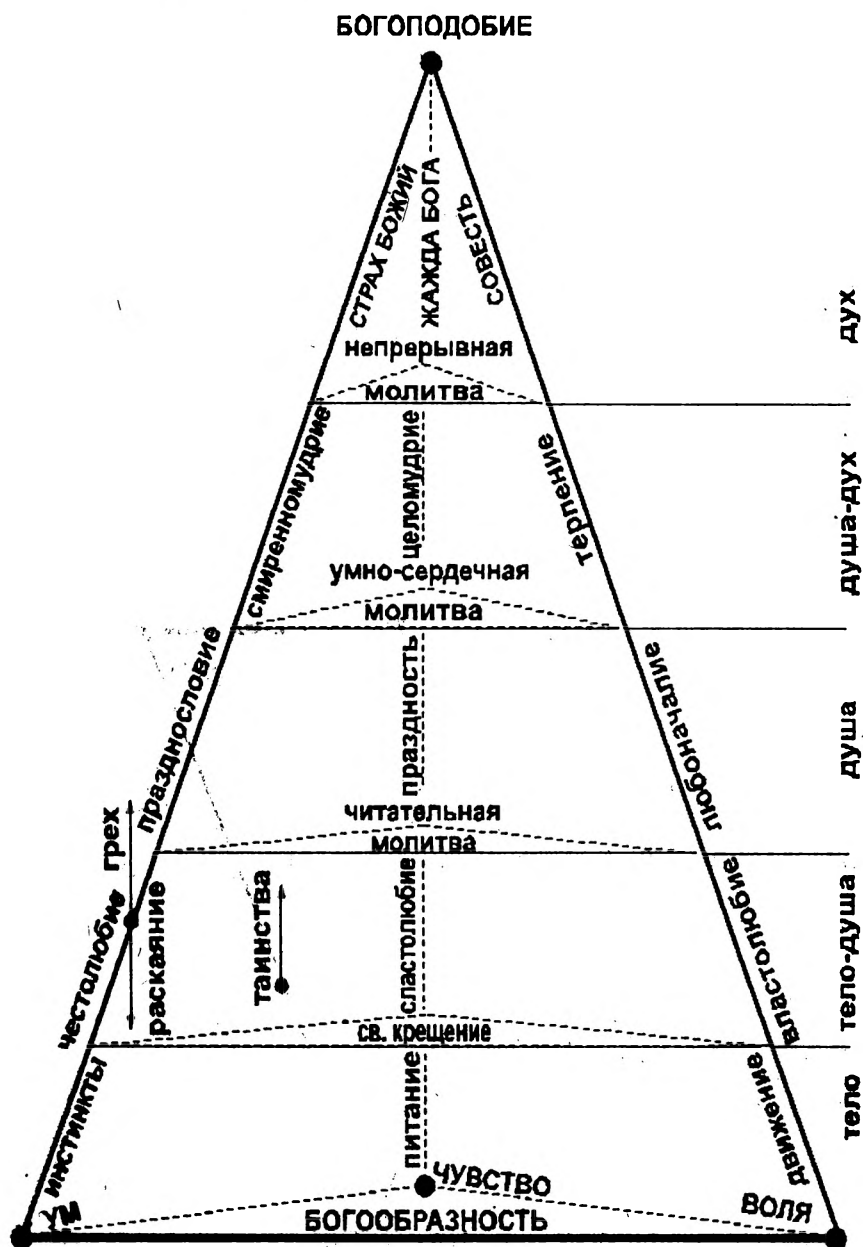
Цепи страстей и добродетелей представляют собой своего рода доминанты, определяющие характер процессов духовного, душевного и телесного уровней. Путь ликвидации патологической доминанты, по А.А.Ухтомскому, – это формирование более сильной доминанты, имеющей принципиально *иную природу*. А это и есть путь излечения, рассмотренный нами как процесс искоренения страстей и вытеснения их добродетелями, имеющими *иную* по отношению к страстям *природу*.

Нам могут возразить практические психологи и неоаналитики, что психологические методики, построенные на основе учения Карла Юнга, работают, а его метод работы с пациентами дает хорошие результаты. Тогда закономерно возникает вопрос: чем объясняется эффективность аналитической психологии как психотерапевтического способа воздействия на людей?

Ответ у Православной Церкви есть. Известно, что *человек может достигать умиротворенного, спокойного состояния в двух случаях: во-первых, при очищении совести через покаяние; во-вторых, при сжигании совести, т.е. приходя в состояние окамененного сердечного нечувствия*. Все указывает на то, что Юнг следует вторым, по нашему пониманию, губительным, путем, вовлекая в бездну греха всех следующих за ним.

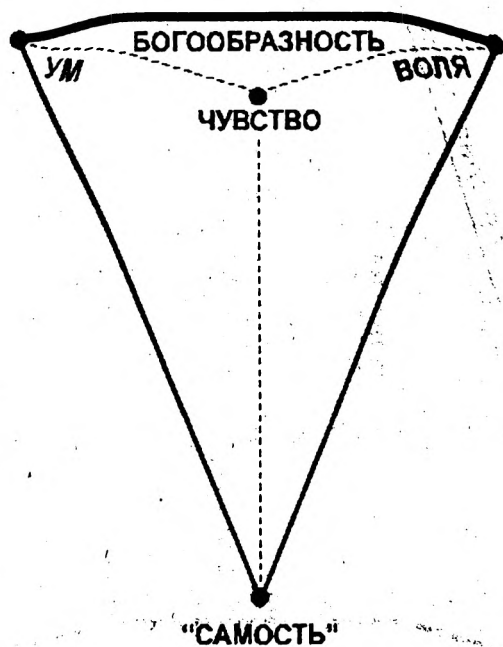
Рассмотрим подробнее преображение сил души в ходе ее исцеления. В частности, соединение ума (не рассудка, но того, что называется *оком души*, самой чистой ее частью, высшим вниманием [5, с. 133] с сердцем – сущностью души [с.37], средоточием душевных сил и духовной жизни – приводит к обретению (восстановлению) качества, называемого *чувством тонкостей*, *знанием сердца* (Блез Паскаль). Это – чувство, позволяющее человеку воспринимать мир целостно, обращающееся к логосам (идеям творения). Познавательная способность не сводится ни к чувственному, ни к интеллектуальному познанию и выходит за пределы двух связанных с ними сигнальных систем, определенных И.П.Павловым и его школой, но представляет собой «особую, третью сигнальную систему, связывающую человека с Богом и всем тварным миром» [20, с.33]. Благодатное соединение ума и сердца происходит по мере очищения сердца от страстей и является даром Божиим за духовный подвиг и смирение. По свидетельству Священного Писания, этим высшим познавательным качеством души обладал наш прародитель Адам до грехопадения,

Святоотеческая модель личности

**Модель изменения личности
в процессе индивидуации по Карлу Юнгу**

**МОДЕЛЬНЫЕ
КООРДИНАТЫ**

когда он *нарекал имена животным*, т.е. обладал способностью сущностного видения мира. Это качество души в святоотеческой терминологии называется *целамудрием*. И это качество может быть безвозвратно утеряно на пути индивидуации.

Прозрение трансцендентного, к которому стремился Карл Юнг, является иным по природе созерцанием по отношению к рассмотренному нами, оно не может приводить к логосному видению мира. Проблема истинных и ложных созерцаний выходит за пределы определенной нами темы и подробно рассмотрена в книге «Восточная медитация в свете православного учения о молитве» (Пермь, 2000).

Важно отметить, что в болезненном разделении (фрагментарности) сердца и ума может, на наш взгляд, скрываться один из главных источников бессилия (астении) человека.

Описанные нами процессы преобразования души в лоне Православной Церкви отражены в *святоотеческой модели личности*, разработанной иеромонахом Феофаном (Крюковым), кандидатом физико-математических наук. Предлагаемая нами *модель изменения личности в процессе индивидуации* отражает процесс, противоположный христианской духовности (см. с. 116–117).

Рассмотренные духовные явления, связанные с аналитической психологией и христианской духовностью, могут быть описаны с позиций физических понятий о базовых и метастабильных состояниях. Базовое, фундаментальное состояние любой системы (так называемый *глобальный минимум*) характеризуется наименьшим энергетическим потреблением. *Глобальный минимум* – это состояние, в котором система теоретически может находиться неограниченное, т.е. бесконечное, время. Так и человек. Двигаясь по пути подлинного совершенства, святости, он уже здесь, в земном существовании, приобщается по дару благодати с большей или меньшей напряженностью к Вечности, бессмертию.

Метастабильное состояние (*локальный минимум*) характеризуется теми же внешними свойствами, что и базовое, но оно есть состояние временно-устойчивое, краткое; в естественных условиях оно не переходит в благодатное [9]. Главной причиной *энергетической неоптимальности* состояния человека, на наш взгляд, является действие страстей – своего рода энергетических *черных дыр*, а не *запруженность либидо*, по Карлу Юнгу. Отсюда очевидно, что исцеляющий эффект при использовании аналитической психологии, как и

любого псевдодуховного метода, не обладающего способностью к подлинному *катарсису* (очищению от страстей), является временным и иллюзорным. Проходит определенное время, и заболевание возвращается – часто в иной, возможно, еще более тяжелой форме.

Состояние очищения от страстей, или чистоты сердца, достигаемое духовным подвигом, по прп. Марку Подвижнику, есть *состояние любви*, которое является одним из важных свойств человеческого сознания. Напротив, индивидуация по Карлу Юнгу может способствовать лишь омрачению сознания, усугублению состояния, называемого святыми отцами *греховным опьянением*.

Об обратной стороне аналитической психологии свидетельствуют ее результаты. Вот один из известных примеров.

Эмиль Метнер, издатель и критик начала XX в., страдал тяжелыми приступами истерии, «психической боли». Его знакомство с аналитической психологией началось с того, что он принимал участие в ассоциативных экспериментах, которыми занимались в Москве ученики Карла Юнга. Уже в зрелом возрасте Э.Метнер обратился к Юнгу и был им вылечен. А.Эткинд уточняет: «Все болезненные признаки прошли, он стал нормальным человеком и с благословения самого Юнга стал принимать больных и сам лечить их психоанализом, став близким другом и подчас ассистентом Юнга» [25, с.72].

Какой же ценой было достигнуто выздоровление? Свое восприятие результатов *излечения по Юнгу* передает дочь писателя Вячеслава Иванова Лидия: «На меня лично образ Метнера произвел крайне угнетающее впечатление: он мне представился как бы человеком, отчасти уже мертвым, который еще ходит и действует нормально... В результате лечения что-то в его душе (музыка?) было убито. Что-то существенное. Душа уже не вполне живая, искалечена, ампутирована. Этого добился Юнг своим психоанализом? Но какая плата!» [12, с.562, 845].

Об опасности аналитической психологии, особенно для творчески одаренных и чутких людей, предупреждала публицист Лу Андриас Саломе, в течение многих лет изучавшая этот метод: «Здесь вмешаться – значит разрушить... Успешный анализ может освободить художника от демонов, которые владеют им, но он же может увести с собой ангелов, которые помогают ему творить» [25].

Собственно, другого результата и ожидать нельзя, ибо, по словам прп.Исаака Сирина, не может быть подлинного уврачевания, если

не будет исцелена страстная часть души, не обновится, не освятится в тайне, не будет связана с житием Духа [2, с.259]. *Подлинное исцеление возможно только через благодатное приобщение к Источнику высшей жизни во Христе, т.е. подлинный метод исцеления должен иметь синергийный, диалогический по отношению к Высшему началу характер.* Методы же, не обладающие этим свойством, способствуют усилению эгоцентрических тенденций. Они могут приводить лишь к иллюзорному исцелению за счет усиления глубинных противоречий личности.

Итак, попытаемся сделать основной вывод как ответ на поставленные в начале статьи вопросы: *по своим концептуальным основам и методам реализации учение «Аналитическая психология» в духовном смысле носит последовательно антихристианский, оккультный характер*¹. Подтверждается положение, сформулированное академиком С.С.Аверинцевым, предлагавшим выделять в творческом наследии К.Юнга три пласта:

1. Конкретные научные наблюдения.
2. Не до конца доказанные, но убедительные рабочие гипотезы.
3. Идеалистическая спекуляция [11].

Несомненно, что в аналитической психологии представлены и первый, и второй, и третий пласты его наследия. В данном случае видится совершенно обоснованным и весьма актуальным подход к оценке подобных теорий, выраженный святителем Василием Великим: «Не должно, однажды навсегда предав сим мужам (т.е. ученым) кормило корабля, следовать за ними, куда ни поведут, но, заимствуя из них все, что есть полезного, надо уметь иное и отбросить». Для христиан, т.е. для тех, кто в полноте принимает слова Господа: «...какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф.16,26), этим *иным отбрасываемым*, по нашему убеждению, должна быть *вся аналитическая психология как духовно агрессивное учение, подменяющее собой Истину*. Подобного рода теория вполне обоснованно может быть определена как своего рода психотеология, или психорелигия языческого типа. Становится понятным и особая популярность этой теории у адептов неоязыческого движения «Нью Эйдж». Стремление

---

¹ В литературе, посвященной Карлу Юнгу, можно, например, найти сообщения, что перед началом консультации он направлял своих пациентов к астрологу для составления гороскопа.

К.Юнга к экстраординарным знаниям, явившись началом самостоятельных поисков в психологии, привело его к их завершению в духе оккультизма, ставшего доминантой его творчества [23, с.171]. В мировоззренческой и психологической ориентации Юнга виден именно уход от европейской (христианской) культуры и переход в восточный мистицизм.

Восточное мирозерцание, к которому обращается Карл Юнг, ориентировано на слияние человека с природой, на гармонию космоса, на законы этой гармонии. Дихотомические пары дня и ночи, света и тьмы, мужского и женского противоположны как категории активности и покоя, составляющие ритм жизни, и не являются по своему смыслу нравственными категориями добра и зла. В этом ряду зло определяется только как нарушение человеком природной гармонии, ведущее к хаосу, болезни и смерти [23, с.172]. В христианском понимании злом является прежде всего нарушение Высшей воли Творца, Его заповедей, и уже следствием – хаос, болезнь, смерть.

В аналитической психологии и восточных медитативных практиках можно увидеть много общего: стремление вне покаяния и смирения к достижению некоего самоценного покоя, состояния самодостаточности, которое не основано на Истине, Любви, Добре [30, с.88]. Именно языческо-оккультной *конфессиональностью* позиции Юнга объясняется его активное неприятие христианского мировоззрения. Подтверждается очень важное положение А.А.Ухтомского: человек может находиться на одном из двух путей: формирования *доминанты на Собеседника* или формирования *доминанты на себя*. Об этом уже на протяжении двух тысячелетий свидетельствует и Церковь: существуют два жизненных пути – на первом человек становится *сосудом Духа Святого*, второй делает его в конечном счете *сосудом зла*.

Те, кто находится на противоположном предлагаемому Юнгом пути, – христиане, взирая на своего воскресшего Спасителя и Бога, Который, будучи безгрешен, ради нас неповинно претерпел величайшие крестные страдания и смерть, желают «лучше страдать, нежели иметь временное греховное наслаждение» (Евр.11,25).

Христианский крест и страдания были и остаются безумием для язычников от древних времен до сегодняшнего дня. Для христиан в них сокрыты великая тайная премудрость и радость внутренне-го совершенства, радость победы духа над плотью. Они очами веры

видят: земные вещи тленны и кратковременны, терпение же по Богу спасает того, кто приобрел это терпение (св. Варсонофий Великий). Спасает для вечно радостного общения с Господом и Его святыми.

Мирозерцания восточное и христианское – две различные мировые системы, не наложимые друг на друга. Для личностно ориентированной христианской культуры нравственный выбор между добром и злом является центральным, основополагающим. Поэтому установка на *нейтрализацию оппозиции добра и зла* в антихристианской системе угрожает нравственным распадом личности и общества (и целых сообществ, как это случилось в фашистской Германии). О людях же, которые после прихода в мир Бога Слова, соединившего в Себе полноту Божественного и человеческого совершенства, ищут истину не в Нем, святитель Григорий Палама говорит, что они ищут ложь. Закономерно, что в борьбе за свободу от «догм христианства» психоанализ Фрейда вывел из области нравственного запрета сексуальность, а аналитическая психология Юнга приобщила массового потребителя к оккультным и языческим настроениям, способствовала открытию сознания демоническому миру.

Христианское мирозерцание, сохраненное в неповрежденном виде Православной Церковью, можно представить как духовную *скрепу* человечества. Оно является тем евангельским «удерживающим» (2Фес.2,7), которое спасает сознание человечества от окончательного помрачения ложными мировоззрениями. Поэтому его вытеснение и разрушение в массовом сознании людей, например, через *возрождение и развитие психоанализа*, особенно в стране с православной культурной традицией, может иметь непредсказуемые трагические последствия для всего человечества.

Современный исследователь А.Эткинд верно замечает, что судьба как аналитиков, так и их пациентов интересна в истории психоанализа не меньше (а пожалуй, и больше), чем судьбы их научных идей. «Такова природа анализа, что на биографиях этих людей, на их словах и поступках, на выборе, который они делали в жизни..., сказались психоаналитические ценности, взгляды, цели, средства и методы» [25, с.10]. Этот подход к оценке любого учения короче, проще и яснее выражен в Евангелии: «По плодам их узнаете их» (Мф.7,16).

Какие же плоды принесла теория самому автору? Это состояние психической болезни и распада личности как результат его научных экспериментов над собой; это активное неприятие христиан-

ства как мировоззрения; самое главное – это состояние глубокой зависимости от злой демонической силы на протяжении всей жизни [27, с.42, 433].

Что обрели те, кто в чистоте и простоте сердца приняли евангельское благовестие о грядущем Царствии Божием? Чувство обретения истины, чувство радости встречи с Живым Богом Любви и открывшимся горизонтом Вечной Жизни. Вот одно из сонма опытных свидетельств людей, переживших это состояние: «По умерщвлению в нас греха отпадает и тяжесть, и слепота, и все, что утесняло душу; чувства, доселе умерщвленные и плодоприносившие смерть, восстают в здравии непобедимости. Ум как бы обвит освещением и упокоивается в нетлении: освободившись от всех возмущений, он субботствует, жительствоует в другом, новом веке, углубленный в рассматривание предметов новых, нетленных»¹. Православный подвижник, достигший такого благодатного состояния, одним своим присутствием оказывает глубокое исцеляющее действие на души и тела людей, с ним соприкасающихся, о чем существует множество свидетельств.

В судьбе Карла Юнга мы видим пример одной из многочисленных человеческих трагедий. Это трагедия души человека, попытавшегося своевольно, на основе достижений своего рассудка, безусловно доверившись своим внутренним ощущениям, проникнуть в тайну Божественного. Проникнуть туда, где «вне славословия и поклонения, вне личного отношения, дарованного верой, язык наш всегда неверен» [15].

Пример К.Юнга как ученого показывает, что попытку освоения внутренних пространств души вне святоотеческого опыта Церкви, в которой этот опыт становится универсальным и объективным, можно уподобить попытке броситься с палубы корабля в бушующий океан и попытаться добраться до берега на доске. *Это пример закономерного падения и саморазрушения сознания, когда человек ставит себя выше Божественного закона, вне благодати, пытается избрать некую точку в своем мировоззрении вне добра и зла, вне Христа и Его Церкви.* Это трагедия одного из выдающихся мыслителей, у которых «бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого» (2Кор.4,4).

---

¹ См.: Отечник/ свт. Игнатия Брянчанинова/ Собр. соч. Т.6. М.: Изд-во «Правило веры», 1993. С.172.

Вместо пути к Господу, Который есть Путь, Истина и Жизнь, Юнг и ему подобные избрали поклонение идолам, о которых Священное Писание говорит, что «есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат; есть у них ноздри, но не обоняют... Подобны им да будут все делающие их и все надеющиеся на них» (Пс.113,13–16).

Это еще и трагедия евангельского слепца, который стал вождем слепых (Лк.6,39): Юнг полагал себя исповедником и духовником несчастных больных, не видя, что сам идет ложным, душегубительным путем. *Линия жизни*, которую он предлагал, несомненно, есть те широкие врата и пространный путь, ведущие в погибель (Мф.7,13).

«Не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте», — призывает нас апостол Павел. Поэтому мы видим наш христианский долг в том, чтобы высказать свой взгляд на учение Карла Густава Юнга. Вполне возможно, что далеко не всеми наше свидетельство будет принято. Оно обращено прежде всего к тем, кто ощущает в себе бессмертную душу и желает эту душу спасти для жизни Вечной. В любом случае мы надеемся, что предлагаемый нами труд поможет читателю углубить свой взгляд на учение Карла Юнга «Аналитическая психология» и сделать свой выбор более осознанным, а значит, более свободным.

Список литературы

1. Свт. Феофан Затворник. Путь ко спасению. М., 1899.
2. Прп. Исаак Сирий. Слова подвижнические. М., 1998.
3. Псалтирь, или Богомысленные изречения, извлеченные из творений святого отца нашего Ефрема Сириянина. Репринт, 1992.
4. Прп. Максим Исповедник. Вопросы-ответы к Фалассию. Творения/Предисловие С.Л.Епифанович. М., 1993.
5. Митрополит Иерофей (Влахос). Православная духовность. СТСЛ, 1999.
6. Архимандрит Алипий, архимандрит Исайя. Догматическое богословие. СТСЛ, 1999.
7. Архимандрит Платон (Игумнов). О бытии человека в мире. Православие и экология. М., 1997.
8. Архимандрит Софроний (Сахаров). Видеть Бога как Он есть. Stavropegic Monastery of St. John Baptist. Esses, 1985.
9. Иеромонах Феофан (Крюков). Материалы лекций.
10. Монах Иосиф. Старец Иосиф Исихаст. СТСЛ, 2000.
11. Аверинцев С.С. Аналитическая психология К.Г.Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. М., 1972.
12. Иванов В.И. Собр.соч. Т.3.
13. Зорин К.В. Христианская психология: грани современности: Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословских наук. На правах рукописи. М., 1999.
14. Лайша Н.А. Страсть как ведущий мотив поведения человека// Церковь и медитация на пороге третьего тысячелетия. Минск, 1999.
15. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
16. Михайлов Г. Наша душа. С.-Пб., 1999.
17. Позов А. Основы древнецерковной антропологии. Мадрид, 1966.
18. Позов А. Логос – медитация древней Церкви. Воронеж, 1998.
19. Скурят К.Е. Великие учителя Церкви. Клин, 2000.
20. Тайнов Э.А. Трансцендентальное. Православная метафизика. М.: Сатис, 1999.
21. Ухтомский А.А. Интуиция совести. С.-Пб.: Петербургский писатель, 1996.
22. Ферстер Т. Био-логика. Проблемы бионики. М., 1965.
23. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. М., 1992.
24. Фудель С. Путь отцев. Изд-во Сретенского монастыря, 1997.
25. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. С.-Пб., 1993.
26. Юнг Карл Густав. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее история и практика. Киев: СИНТО, 1995.
27. Юнг Карл Густав. Воспоминания, сновидения, размышления. М., 1998.
28. Слово утешения. Иваново: Свято-Введенский женский монастырь, 2000. № 8(69).
29. Христос, Вечное Дао//Китайский благовестник: Журнал Православной Церкви в Китае. 1999. № 2.
30. Daniel Coleman. Meditation. Without Mystery//«Psychology Today». 1997. March.

Содержание

В.АБРАМЕНКОВА. Предисловие и комментарий	3
В. ДИМИТРИЕВИЧ. В плену герметического круга.	
О психологии Карла Юнга и прозе Германа Гессе	13
Введение	15
Кумиры: Гермес, Филемон, Василид, Абракасас	16
Проповедник для мертвых: заблуждения Юнга	28
Письмо о «средневековье» Карла Юнга	41
Виктор Франкл об учении Карла Юнга	47
Письмо о Гессе, поэте Абракасовом	49
«Credo» («верую») Гессе и Юнга	
и учение Православной Церкви	52
Карл Юнг – учитель и пророк движения	
Новой Эры («Нью Эйдж»)	66
Ответ Церкви на вызов гностицизма	70
Заключение	75
М.МЕДВЕДЕВ, Т.КАЛАШНИКОВА. Об аналитической психологии Карла Юнга. Взгляд с позиций святоотеческого учения о спасении души	79
История и краткая характеристика аналитической психологии	
Карла Юнга	82
Православный взгляд на причины болезненного	
состояния человека, ...	86
Святоотеческая «модель личности»	90
Пути восстановления личности	92
«Онтологическая злокачественность» индивидуации по Юнгу	98
Два взгляда на исцеление души	99
Путь очищения	102
«Аскетический психоанализ»	107
Духовное преображение души	111
Список литературы	125

Издания Пермского православного общества «Панагия»

СХИИГУМЕН САВВА

Плоды истинного покаяния.

Семена слова для нивы Божией.

Опыт построения христианского мирозерцания (Путь к совершенной радости).

АРХИЕПИСКОП АЛЕКСАНДР (Толстопятов). Путь ко спасению.

Мысли и думы.

АРХИМАНДРИТ ИУСТИН (Попович). О первородном грехе.

АРХИМАНДРИТ ТИХОН (Агриков). У Троицы окрыленные. Ч.1,2.

М.: Изд-во СТСЛ, 2000.

Серия «ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ»

Вып. 1. Протестантизм в России. Что такое экуменизм: Сб.статей//
Сост. Т.Г. Кочур.

Вып. 2. Вторжение индуизма в Россию: Сб. статей//Сост. В.А. Гурко.

Вып. 3. Исцеления истинные и ложные. Окультизм в медицине:
Сб.статей//Сост. Т.П.Калашникова.

Вып. 4. Ереси. Их происхождение и сущность: Статьи.

Серия «ЦЕРКОВЬ И ОБРАЗОВАНИЕ»

Вып. 1. Митрополит Амфилохий (Радович). Основы православного воспитания: Сб. статей.

Вып.2. В.Д.Вяткин. Философская полемика школьного учителя с материалистами.

Вып.3. В.Н.Катасонов. Хождение по водам (Религиозно-нравственный смысл «Капитанской дочки» А.С.Пушкина).

Вып.4. В.Н.Катасонов. Национально-государственная идея России: верность историческому призванию.

Вып.5. М.М.Дунаев. Рукописи не горят? (Анализ романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»).

Вып. 6. В.А.Воропаев. Гоголь и отец Матфей.

В.В.Афанасьев. Православный философ. Духовные искания
Ивана Васильевича Киреевского (1806 – 1856).

М.МЕДВЕДЕВ, Т.КАЛАШНИКОВА

Можно ли «диагностировать карму»? О восточной медитации в свете Православной веры и современной науки.

В.А.БОГОМОЛОВ

Тесными вратами. Жизнь и служение протоиерея Александра Ватолина. Гонки на приз Содома и Гоморры: Сб. статей и рассказов.

В.В.ВЯТКИН. Подвигом добрым подвизался. Светлой памяти протоиерея Григория Ахидова.

**Владимир Дмитриевич
В ПЛЕНУ ГЕРМЕТИЧЕСКОГО КРУГА
О психологии Карла Юнга
и прозе Германа Гессе**

**М.Медведев, Т.Калашникова
ОБ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КАРЛА ЮНГА
Взгляд с позиций святоотеческого учения
о спасении души**

Ответственный редактор М.Медведев
Литературные редакторы С.Романова, Е.Богомолова
Перевод А.Марченко
Компьютерная верстка Е.Богомоловой
Корректор С.Романова

**Выпуск осуществлен при поддержке комитета
по делам молодежи администрации Пермской области,
Инвестиционной компании «Еврофинансы» (Москва),
ОАО «Медиа-Фарм» (Пермь)**

**ББК 83.3.(2Рос=Рус) 6
Д 83**

Дмитриевич В. В плену герметического круга: О психологии Карла Юнга и прозе Германа Гессе; Медведев М., Калашникова Т. Аналитическая психология Карла Юнга: Взгляд с позиций святоотеческого учения о спасении души. Сер. «Церковь и образование». Вып. 7. Пермь: Православное общество «Панагия», 2001. – 128 с.

Подписано в печать 10.12.2000.
Свидетельство Е=2212 от 04.07.97г.
Формат 60х84/16. Печать офсетная. Объем 8 п.л.
Тираж 5000 экз. Заказ N ~~1204~~
Государственное предприятие «Кунгурская типография»
617400 г. Кунгур, Пермской обл., ул. Криулинская, 7.

Замеченные опечатки, стр. 125 п. 14, следует читать:

14. Лайша Н. А. Страсть как ведущий мотив поведения человека // Церковь и медицина на пороге третьего тысячелетия. Минск, 1999.

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ
(1875—1961)

ГЕРМАН ГЕССЕ
(1877—1962)

